

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 3(29)

июль – сентябрь

2020

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10
Философия информационного общества	
Дружба народов как традиционная ценность российской цивилизации <i>З. Я. Рахматуллина</i>	12
Критерии выхода общественного развития на стадию постмодерна <i>О. К. Трубицын</i>	18
Психология и педагогика	
Философская концепция оптимизма М. Зелигмана как перспектива модернизации педагогики успеха <i>Ю. В. Андреева</i>	36
Теория и история культуры	
Динамика тем русских рассказов начала XX века <i>Т. Г. Скребцова</i>	45
Социология и политология	
Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга) <i>В. А. Франц</i>	61
Из истории отечественной науки	
Дух, душа и тело: корреляционная модель человека в русской философии на рубеже XIX–XX веков <i>С. Н. Коробкова</i>	81
Теория «вселенской атомократии» К. Э. Циолковского в контексте идей русского эмпириокритицизма <i>А. Е. Рыбас</i>	94
Комментарий к работам В. С. Дерябина «Образование эмоциональных временных связей» и «Память эмоций и чувств» <i>О. Н. Забродин</i>	109
Представления Л. Н. Гумилёва о пассионарности в аспекте учения В. С. Дерябина об аффективности <i>О. Н. Забродин</i>	126
Требования к оформлению статей	
Требования к оформлению статей.	141

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10
Philosophy of Information Society	
Friendship of Peoples as a Traditional Value of Russian Civilization <i>Z. Y. Rakhmatullina</i>	12
Criteria for Entering the Postmodern Stage of Social Development <i>O. K. Trubitsyn.</i>	18
Psychology and Pedagogic	
M. Zeligman’s Philosophical Concept of Optimism as a Prospect for the Modernization of Success Pedagogy <i>Y. V. Andreeva</i>	36
Theory and History of Culture	
Early 20 Century Russian Short Stories Themes and Their Dynamics of Change <i>T. G. Skrebtsova</i>	45
Sociology and Political Science	
Features of the Spread of Protest Sentiments among Russian Urban Youth in Information Society (by the Case of Yekaterinburg) <i>V. A. Franz.</i>	61
From the History of the Science of Our Country	
Spirit, Soul and Body: The Correlation Model of Humans in Russian Philosophy at the Turn of the XIX–XX Centuries <i>S. N. Korobkova.</i>	81
K. E. Tsiolkovsky’s “Universal Atomocracy” Theory in the Context of the Ideas of Russian Empirio-Criticism <i>A. E. Rybas.</i>	94
Commentary on V. S. Deryabin’s Works “Formation of Emotional Temporary Connections” and “Memory of Emotions and Feelings” <i>O. N. Zabrodin.</i>	109
L. N. Gumilev’s Ideas on Passionarity in the Aspect of V. S. Deryabin’s Doctrine of Affectivity <i>O. N. Zabrodin.</i>	126
Article Presentation Rule	
Article Presentation Rules.	141

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

- 09.00.00 – философские науки;
- 23.00.00 – политология;
- 24.00.00 – культурология.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), PhD по русской литературе, PhD по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – директор института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, председатель Сибирского отделения Российского философского общества (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, Евразии и устойчивого развития Северо-Западного института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России) (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.
Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.
Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Третий выпуск журнала за 2020 год открывает рубрика «Философия информационного общества» со статьей депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктора философских наук, профессора **З. Я. Рахматуллиной** «**Дружба народов как традиционная ценность российской цивилизации**». Автор показывает безальтернативность дружеских отношений между народами России в условиях современного общества: при существующих исторических условиях отсутствие мира, отношений согласия и дружбы наших народов неизбежно привело бы их к самым тяжелым практическим результатам – к деградации и разрушению. Кандидат философских наук, доцент **О. К. Трубицин** анализирует сходство и различие существующих подходов к построению теории постиндустриального общества в статье «**Критерии выхода общественного развития на стадию постмодерна**».

В разделе «Психология и педагогика» кандидат педагогических наук, доцент **Ю. В. Андреева** обсуждает философские, психологические и педагогические проблемы, связанные с необходимостью формирования оптимистического отношения к жизни в процессе получения среднего и высшего образования. Для этого надо приучать ученика (студента) к оптимистическим моделям поведения, которые помогают становлению развитой личности («**Философская концепция оптимизма М. Зелигмана как перспектива модернизации педагогики успеха**»).

В разделе «Теория и история культуры» кандидат филологических наук, доцент **Т. Г. Скребцова** прослеживает влияние исторических событий в России первой трети XX века на тематику и лексику рассказов русских писателей этого периода (статья «**Динамика тем русских рассказов начала XX века**»).

В разделе «Социология и политология» продолжается публикация результатов исследований кандидата политических наук, доцента **В. А. Франц** «**Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга)**». На основе материалов социологических опросов в работе показывается, что при высоком уровне недовольства ситуацией в стране молодежь обладает низким потенциалом протестных действий.

В текущем выпуске журнала наиболее широко представлена рубрика «Из истории отечественной науки». Доктор философских наук, доцент **С. Н. Коробкова** и кандидат философских наук, доцент **А. Е. Рыбас**, работающие по проекту РФФИ «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика» подготовили публикации «**Дух, душа и тело: корреляционная модель человека в русской философии на рубеже XIX–XX веков**» и «**Теория “вселенской атомократии” К. Э. Циолковского в контексте идей русского эмпириокритицизма**». С. Н. Коробкова продолжает углубленный анализ популярной среди русских ученых концепции – философского реализма, сторонники которого пытались дать синтез ряда материалистических и идеалистических представлений, в частности, по-своему

объяснить связь духа, души и тела. А. Е. Рыбас обращает внимание на близость мировоззрения К. Э. Циолковского к русскому эмпириокритицизму и делает оригинальные замечания о природе русского космизма. Обосновывается точка зрения, что так называемый «русский космизм» – это некая искусственная конструкция, созданная спустя десятилетия после кончины его главных представителей и искусственно объединяющая разнородные концепции, которые в действительности имеют мало общего между собой.

Завершают выпуск две публикации нашего постоянного автора, исследователя научного творчества В. С. Дерябина, доктора медицинских наук **О. Н. Забродина: «Комментарий к работам В. С. Дерябина “Образование эмоциональных временных связей” и “Память эмоций и чувств”» и «Представления Л. Н. Гумилёва о пассионарности в аспекте учения В. С. Дерябина об аффективности».** В первой комментируются идеи ученика И. П. Павлова психофизиолога и психиатра В. С. Дерябина о роли в человеческом поведении эмоций и аффектов, которые при жизни автора не были опубликованы из-за господствовавших представлений о решающей роли рационального, а не эмоционального аспекта в человеческом поведении. Во второй статье показано, что понятие пассионарности Л. Н. Гумилева очень близко к понятию аффективности у В. С. Дерябина. Однако Л. Н. Гумилев не смог до конца понять взаимодействие биологического и социального начал в обществе, а концепция аффективности весьма успешно объясняет связь между биологическими и социальными потребностями.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 1:316

Дружба народов как традиционная ценность российской цивилизации*

Рахматуллина Зугура Ягануровна – Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, депутат, доктор философских наук, профессор, председатель Ассамблеи народов Республики Башкортостан, Москва, Россия.

Email: rahmatullina@duma.gov.ru
SPIN: 4342-4210

Авторское резюме

Состояние вопроса: Одним из главных ресурсов и условий развития Российской цивилизации совершенно справедливо считается дружба народов. В то же время современная идеологическая борьба связана с полемикой по поводу ее значимости и актуальности для современного общества.

Результаты: Для многонациональной Российской Федерации дружба народов является не каким-то патетическим анахронизмом, доставшимся в наследство современности от прошлой истории, а проверенной многовековой и новейшей российской историей духовной ценностью, насущной социокультурной и политико-идеологической потребностью. Современное Российское государство, в частности, республика Башкортостан, накопило позитивный опыт организации культуры и образования как процесса взаимодействия и взаимного обогащения многочисленных национальных культур. Дружба народов требует поддержки на государственном и личностном уровне, привлечения всех потенциальных факторов и механизмов для ее развития.

Выводы: Новейшая история еще раз подтверждает, что для народов России остается неизменной альтернатива: или они добрые соседи, единомышленники и соратники, которые оберегают и умножают вековые традиции межнационального мира, согласия и дружбы, или они недруги, которых легко разведут по «национальным и религиозным дворикам» лжеидеологи и лжепророки. Тогда у них единственная дорога – назад, в небытие, в никуда. Других вариантов история нам не оставила.

Ключевые слова: дружба народов; диалог культур; геополитические вызовы; межнациональный мир; будущее российской цивилизации.

* © З. Я. Рахматуллина, 2020.

Friendship of Peoples as a Traditional Value of Russian Civilization

Rahmatullina Zugura Yaganurovna – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Deputy, Doctor of Philosophy, Professor, Chairperson of the Assembly of Peoples of the Republic of Bashkortostan, Moscow, Russia.

Email: rahmatullina@duma.gov.ru

Abstract

Background: The friendship of peoples is one of the main resources and conditions for the development of Russian civilization. At the same time, modern ideological struggle is associated with controversy over its significance and relevance for modern society.

Results: For the multinational Russian Federation, the friendship of peoples is not some kind of pathetic anachronism inherited from its history, but a spiritual value, an urgent socio-cultural, political and ideological need, proven by centuries-old and recent Russian history. The modern Russian state, in particular the Republic of Bashkortostan, has accumulated positive experience in organizing culture and education as a process of interaction and mutual enrichment of numerous national cultures. Friendship of peoples requires support at the state and personal level, the involvement of all potential factors and mechanisms for its development.

Conclusion: Recent history once again confirms that for the peoples of Russia the alternative remains unchanged: either they are good neighbors, like-minded people and comrades in arms who protect and multiply the age-old traditions of interethnic peace, harmony and friendship, or they are enemies who can be easily separated into “national and religious courtyards” by false ideologists and false prophets. Then they have the only way – back to nothingness, to nowhere. History has left us no other options.

Keywords: friendship of peoples; dialogue of cultures; geopolitical challenges; international peace; the future of Russian civilization.

Огромное и многоликое Российское государство в условиях современных сложных геополитических и внутренних вызовов решает для себя вечный гамлетовский вопрос – «быть или не быть?». Быть или не быть самобытной цивилизацией, сильной и самостоятельной страной, защищающей свои национальные приоритеты и интересы, свой народ, историю, культуру, мир и согласие на многонациональной земле? Этот исторический вызов в новейшей национальной истории российской цивилизации еще раз демонстрирует непреложную жизненную аксиому: уверенное настоящее и достойное будущее страны, вписавшей в духовную биографию Всечеловечества многие, изменившие планетарную жизнь культурные, миростроительные и героические страницы, зависят от гражданского согласия, единства и дружбы ее многонационального народа, имеющей вековые традиции в ее судьбе. Еще накануне празднования 70-летия Великой Победы на организованной в рамках партийного проекта «Библиотеки России» в Год литературы видеоконференции с регионами один из ветеранов сказал: «Вы знаете, почему мы в 1945, победили

вооруженную до зубов немецкую армию? Потому что у них не было самого главного оружия, которое было в наших руках и душах – патриотизма и дружбы народов: мы, солдаты разной веры и национальности, все вместе, как один, защищали одну-единственную родину-мать, одну на всех». Действительно, сформировавшееся в течение веков естественно-историческое единство народов, основанное на взаимопонимании, диалоге культур, языков и религий, мирном со-бытии и межнациональной дружбе, в котором каждый этнос нашел свою достойную нишу, – это уникальная цивилизационная черта, не имеющая аналогов ни в одной стране мира и всегда выступающая в отечественной социокультурной биографии объединяющим нацию духовным механизмом. Более того, несмотря на то, что исторические испытания и цивилизационные трансформации последних десятилетий обусловили разрушение традиционных отечественных ценностей и культурных смыслов, девальвацию идей интернационализма, гражданственности и патриотизма, ценность дружбы народов как консолидирующего и миростроительного начала, необходимость ее сбережения как механизма сохранения гарантированного и надежного бытия в сложившихся условиях сохраняли и сохраняют в обществе свою императивность. Особенно сегодня сбережение этой ценности имеет жизненно важное значение и для страны, и для каждого человека – независимо от его веры и национальности. Возвращение Крыма изменило однополярный мир и расстановку политических сил на международной арене. США и западные общества ввели против «страны-агрессора» – России – санкции, запустили опасную игру в политику «двойных стандартов», используя проверенный формат ведения агрессивной информационной войны, искажающей историческую правду и современную истину, активно вовлекая в эти процессы идеологию, практику и риторику внутренних протестных движений, подчеркивая существующие проблемы в жизни страны, умноженные объективными причинами. Цель подобных действий прозрачна: расколоть единое российское общество и спроектировать «бунты» или этнорелигиозные ссоры под знаменем «цветных революций». В сложившейся ситуации, как это очевидно сегодня, российское общество, как никогда, нуждается в консолидации его многочисленных народов и общенациональном единении. «Дружба народов» – не патетический анахронизм, доставшийся в наследство современности от прошлой истории, как склонны считать многие ангажированные исследователи-идеологи, а проверенная многовековой и новейшей российской историей духовная ценность и судьбоносная социокультурная и политико-идеологическая потребность многонационального российского общества, заботящегося сегодня о своем самостоятельном, успешном, уверенном, миростроительном пути и в собственной, и в планетарной политической и культурной истории и о самосохранении в международном сообществе как уникальной самобытной цивилизации.

Современное Российское государство – одно из крупнейших многонациональных государственных образований мира, ставшее Родиной (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года) для представителей 193 национальностей, общающихся на 277 языках и их диалектах, исповедующих

все мировые и многочисленные национальные религии. Как известно, в отечественной системе образования сегодня используются около 90 языков, в том числе почти 30 из них – языки обучения, а около 60 изучаются как предмет. Данный уникальный образовательный опыт России – это своеобразная объективация на практике «дружбы народов» в многонациональном обществе. В частности, в многонациональном Башкортостане, в котором равновеликий диалог культур, религий и языков, дружба многочисленных народов и гражданский мир являются «визитной карточкой» республики и позиционируются как ее уникальный национально-культурный бренд как на федеральном уровне, так и далеко за пределами Российской Федерации, есть интересный опыт. Сегодня в школах республики организовано обучение на 6 языках (башкирском, русском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском), изучаются в качестве самостоятельных предметов 14 родных языков народов многонационального края. Например, в одну из школ республики приглашен учитель из Латвии для преподавания родного языка. На встрече с коллегами-парламентариями в Риге поделилась информацией об организации национального образования в Башкортостане, о том, как десяток детишек-латышей изучают в небольшом селе Максим Горький в Архангельском районе Башкортостана родной язык, знают свои традиции и праздники, любят свои песни и танцы. Для многих система образования многонациональной республики стала открытием, кто-то даже пофилософствовал о силе национального духа латышей даже вдали от материнского этноса. Ответ российского парламентария был также философским: да, безусловно, дух – категория самодостаточная и сильная, но он требует и «сильной» заботы, и башкирские латыши сберегли, как и многие другие этносы, свою идентичность только благодаря соответствующей федеральной и региональной национально-культурной и образовательной политике – политике сбережения языков, культур, веры как основы межнационального мира и согласия в поликультурном пространстве. Именно поэтому Президент страны В. В. Путин, встречаясь с членами Совета Ассамблеи народов Башкортостана летом 2001 года в Уфе, отметил, что в Башкирии, как в капле воды, отражается вся наша Россия с ее многообразием культур, религий, языков, с дружбой народов, и мы будем, продолжил Президент, брать с вас пример, будем дорожить тем, что достигнуто Россией за сотни, сотни лет.

«Дружба народов» как социальная и духовная ценность российской цивилизации является одним из реальных механизмов единения этносов, открывающим возможности для творческого общения и равновеликого диалога этнических культур, языков, верований, для обмена культурными достижениями и возможностями. Русский язык как квинтэссенция российской цивилизации стал государственным языком и языком межнационального общения для многочисленных народов страны, которые вместе творили и творят многоликую отечественную социокультуру. Народы Российского государства – единый народ с общей национальной судьбой и историей. Поэтическую метафору в стихотворении «Не русский я, но россиянин»

народного поэта Башкортостана Мустая Карима, обращенную к русскому народу, сегодня может повторить каждый:

«Ты вкус дал хлебу моему и воду
Моих степей в живую обратил,
Ты мой народ, для радости народа,
С народами другими породнил» [1, с. 57].

Народы России «породнились» и узнавали друг о друге благодаря дружбе, через русский язык приобщались к многонациональной российской и мировой культуре и входили в нее: сегодня башкира Мифтахетдина Акмуллу и Мустая Карима, аварца Расула Гамзатова, татарина Габдуллу Тукая, мордвина Авксентия Юртова, калмыка Давида Кугультинова, балкарца Кайсына Кулиева, чувашей Константина Иванова, Якова Ухсая и многих других знает не только Россия, но и весь культурный мир.

Сегодня в России, по мнению исследователей и экспертов, наметился позитивный мегатренд в улучшении ситуации в области межнациональных и межконфессиональных отношений. Политические события последних лет, «Крымская весна», судьбоносная роль России при регулировании ряда международных политических проблем и другие открыли еще одну страницу в новейшей истории российской цивилизации. Наступил миг прозрения и осознания того, что Россия отныне и навсегда – «не большая автозаправка», по выражению одного из американских сенаторов, а большая, единая, дружная многонациональная страна, великая цивилизация с правом на собственную политическую позицию и со своими национально-государственными интересами, прописанными в ее главном законе – Конституции страны. Более того, для многочисленных народов Российского государства их надежное этническое настоящее и уверенное, гарантированное этническое будущее – только в большой многонациональной и дружной семье, в единстве, в составе сильной и неделимой России. Дружба народов – это надежный заслон внешним и внутренним угрозам, ответ геополитическим вызовам, основа успешности, национальной безопасности и поступательного развития страны. Дружба народов нужна российскому обществу в современной противоречивой и полной опасностей непростой жизни как воздух – ее необходимо беречь и умножать и на государственном, и на личностном уровне, используя все потенциальные факторы и механизмы: взвешенную государственную национально-культурную политику, успешные социальные реформы, сильную экономику, семью, систему образования и молодежные организации, религию, СМИ, искусство, этнические праздники и традиции, общественные и национально-культурные объединения. Ясно одно: или народы России – добрые соседи, единомышленники и соратники, которые оберегают и умножают вековые традиции межнационального мира, согласия и дружбы, вместе творят единую национальную историю, и российская цивилизация идет вперед, в будущее, или они недруги, которых легко разведут по «национальным и религиозным дворикам» лжеидеологи и лжепророки, и у них единственная дорога – назад, в небытие, в никуда: других вариантов здесь нет.

Список литературы

1. Карим М. Долгая дорога. – Уфа: Китап, 2004. – 278 с.

References

1. Karim M. *The Long Road*. Ufa: Kitap, 2004, 278 p.

УДК 316.324.8

Критерии выхода общественного развития на стадию постмодерна*

Трубицын Олег Константинович – Новосибирский государственный университет, институт философии и права, доцент, кандидат философских наук, Новосибирск, Россия.

Email: trubitsyn77@mail.ru

Авторское резюме

Состояние вопроса: Утверждение о переходе общества на стадию постмодерна (постиндустриальную) стало в наши дни настолько общепринятым, что обычно повторяется без попыток его критического рассмотрения. Тем не менее рядом авторов высказываются обоснованные сомнения в такой трактовке современного состояния цивилизации.

Результаты: Можно сформулировать ключевые характеристики сильной и слабой версий модели постиндустриального общества. Согласно слабой версии, по мере развития глобализации происходит углубление международного разделения труда, в результате чего хозяйства развитых стран превращаются в «штабные экономики», а промышленность перемещается в новые индустриальные страны. Развитые страны не переходят на какой-то качественно новый уровень развития материальных производительных сил, а лишь усиливают свою специализацию в более выгодных сферах деятельности, прежде всего, в финансах, а также в маркетинге, дизайне и т. п. «креативных» нишах нематериального производства. Сильный вариант предполагает, что постиндустриальный переход – это не деиндустриализация, а сверхиндустриализация. Страна постиндустриальная должна быть в целом сильнее в экономическом плане по сравнению с индустриальными странами и более конкурентоспособна по сравнению с ними не только в сфере информационных технологий, финансов или кинематографа, но и в производстве материальных потребительских благ и продовольствия.

Область применения результатов: Каждый из двух выявленных вариантов теории предлагает свой набор показателей перехода на постиндустриальную стадию. Эти показатели могут послужить для верификации данных моделей.

Выводы: Слабая версия постиндустриальной теории эмпирически обоснована, но не дает оснований для утверждения о переходе общества на новую стадию развития. Сильная версия теоретически позволяет говорить о переходе общества на стадию постмодерна, но она нуждается в дальнейшей верификации.

* © О. К. Трубицын, 2020.

Ключевые слова: модерн; постмодерн; индустриализм; постиндустриализм; информационное общество; общество знания; сервисное общество.

Criteria for Entering the Postmodern Stage of Social Development

Trubitsyn Oleg Konstantinovich – Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, Associate Professor, PhD (Philosophy), Novosibirsk, Russia.

Email: trubitsyn77@mail.ru

Abstract

Background: The statement about the transition of society to the postmodern (postindustrial) stage has become so generally accepted today that it is usually repeated without any attempts to examine it critically. Nevertheless, a number of authors express reasonable doubts about such an interpretation of the current state of civilization.

Results: It is possible to formulate the key characteristics of the strong and weak versions of the postindustrial society model. According to the latter, as globalization develops, the international division of labor intensifies, as a result, the economies of developed countries are turning into “headquarters economies”, and industry is shifting production to new industrial countries. Developed countries are not rising to a qualitatively new level of material productive forces development, but are only strengthening their positions in more profitable areas of activity, primarily finance, as well as marketing, design, and similar “creative” niches of non-material production. The strong version suggests that the postindustrial transition should be not de-industrialization, but super-industrialization. In contrast, a postindustrial country should be generally stronger economically than industrialized countries and more competitive not only in the field of information technology, finance or cinema, but also in the material consumer goods and food production.

Implications: Each of the two identified versions of the theory offers its own set of indicators of the transition to the postindustrial stage. These indicators can serve to verify these models.

Conclusion: The weak version of the postindustrial theory is empirically justified, but it does not provide grounds for asserting the transition of society to a new stage of its development. The strong version theoretically allows us to speak about the transition of society to the postmodern stage, but it needs further verification.

Keywords: modern; postmodern; industrialism; post-industrialism; information society; knowledge society; service society.

В середине XX века многие исследователи заговорили о переходе к «новому» обществу – новому по сравнению с обществом модерна. Популярность подобной гипотезы привела к тому, что стали множиться различные варианты теории нового общества – концепции «общества постмодерна», «постиндустриального общества», «посткапиталистического

общества», «общества знаний», «сервисного общества» и «информационного общества», которые используются для описания цивилизации эпохи постмодерна. Они по-разному соотносятся у разных сторонников идеи революционного перехода на новую ступень социального развития. Они могут рассматриваться как тождественные по своей сути, могут соотноситься как общее и частное, либо же считаться разными фазами новой исторической стадии, следующей за модерном. Будем исходить из наиболее популярной версии, что концепция постиндустриального общества – это общая схема, в рамках которой существуют прочие, более специфические варианты подхода, делающие упор на какую-то определенную черту этого нового общества. Так, Д. Белл [см.: 1], описывая определенные стороны постиндустриального общества, именовал его информационным, сервисным, а также обществом знания. Несколько особняком здесь оказывается постмодернистская социология, исходящая из иной методологической традиции, которая является скорее альтернативой и дополнением концепции постиндустриального общества, чем ее частным случаем. В философско-историческом плане разделение Всемирной истории на большие стадии, определяемые уровнями развития производительных сил, – аграрную (премодерн), индустриальную (модерн) и постиндустриальную (постмодерн) – можно назвать парадигмой стадий технологического роста, поскольку большинство концепций данного рода, за исключением, пожалуй, постмодернистской социологии и концепции постэкономического общества, строятся на предпосылке технологического детерминизма.

Утверждение о переходе общества на стадию постмодерна стало в наши дни настолько общепринятым, что чаще всего стереотипно принимается как факт без попыток его критического рассмотрения. Так, учащимся предлагается просто запомнить последовательность стадий социального развития – «доиндустриальная – индустриальная – постиндустриальная», чтобы без раздумья ответить на экзаменационный вопрос. Тем не менее, проблема адекватности утверждений и прогнозов теории нового общества вполне актуальна, поскольку нельзя просто принимать их как данность. Целью данной статьи является выделение фундаментальных положений концепции постиндустриального общества, для чего сначала будет рассмотрена общая модель и основные характеристики постиндустриального, или «нового» общества. Это должно стать основой для последующей критики данной теории, оценки ее эмпирической адекватности и логической обоснованности.

Прежде, чем перейти к выяснению вопроса об адекватности гипотезы о выходе общественного развития на новую стадию, то есть об обоснованности провозглашения современности эрой постмодерна, стоит определиться с тем, какого рода социальная система в принципе может быть признана отрицанием общества модерна, а затем соотнести с этой моделью те утверждения, которые предлагаются теоретиками постиндустриализма. Префикс «пост» применяется, когда мы пытаемся описать состояние общества, качественно отличающееся от предыдущего, но при этом позитивно определить возникшее или формирующееся состояние пока не получается, так что нам проще сказать,

каким общество уже не является, чем то, каким именно оно будет. На практике теоретики постиндустриализма пытаются, конечно, давать и позитивные определения нового общества, но начать стоит все же с анализа того, что именно подлежит отмене.

Существуют разные подходы к определению общества модерна и критериев модернизации. Тем не менее, можно составить обоснованный список основных параметров модернизации, т. е. ключевых изменений в социальном режиме в соответствии с требованиями новой эпохи [см.: 2]. Наиболее часто называются индустриализация, становление капитализма, секуляризация, массовизация, урбанизация, бюрократизация и научно-техническое развитие. Нередко также добавляется демократизация, хотя сомнительно, что она является необходимой составляющей модернизации. Все эти параметры в той или иной степени значимы, но их значимость не однопорядкова. Представляется полезным выделять базовый фактор модернизации – индустриализацию, и второстепенные факторы – все остальные, являющиеся либо сопутствующими индустриализации, либо производными от нее. Индустриализация – это концентрированное выражение успехов во всех прочих сферах общественного развития эпохи модерна. Соответственно и общество, претендующее на то, чтобы быть постмодерновым, как минимум должно быть постиндустриальным, а также должно описываться как такое, где произошло качественное изменение в прочих параметрах – либо обращение данных процессов вспять, либо их выход на качественно более высокий уровень.

Теперь стоит обратиться к тому, как именно определяют общество постмодерна те исследователи, которые заявляют о его формировании. Признаки перехода на постиндустриальную стадию у разных авторов различаются. Далее будут перечислены основные из них с указанием того, какие исследователи делали на них основной упор. Некоторые из приведенных параметров можно оценить в плане реалистичности и соответствия современной действительности, опираясь на простой обыденный опыт. В основном это касается второстепенных выражений предполагаемого постиндустриального перехода. Ключевые параметры будут оценены с точки зрения того, насколько процессы, описываемые теоретиками постиндустриализма, вообще могут быть основанием для признания выхода общества на новый уровень развития.

Многие представители данной парадигмы, особенно сторонники концепции общества знания, делают основной акцент на рост роли знания в (пост)современном обществе – знания не только научно-технического, но также управленческой и общегуманитарной компетентности. Соответственно предполагается рост социальной значимости института науки и высшего образования, прежде всего университетов как основных центров инноваций. Так, например, по мнению З. Бжезинского [см.: 3], в новом обществе существенно возрастает роль университетов и научных центров, которые непосредственно определяют технологические и социальные изменения и, в конечном счете, жизнь общества в целом. Э. Тоффлер [см.: 4] доказывает, что теперь знания становятся непосредственной основой богатства, военной силы и

власти. Д. Белл делает существенное уточнение, указывая на то, что речь должна идти не просто о росте объема и значения знания, а о росте значения теоретического знания. «Понятие “постиндустриальное общество” делает упор на центральное место теоретических знаний как на тот стержень, вокруг которого будут организованы новые технологии, экономический рост и социальная стратификация» [1, с. 152]. Это подразумевает увеличение экономического и политического веса класса интеллектуалов, а также достижение наукой своей зрелости. «Корни постиндустриального общества лежат в беспрецедентном влиянии науки на производство... Исходя из этого можно сказать, что научное сословие – его форма и содержание – является монадой, содержащей в себе прообраз будущего общества» [1, с. 504–505]. Таким образом, научно-техническое развитие, являющееся важным признаком общества модерна, продолжается в эпоху постмодерна. Но при этом оно выходит на качественно новый уровень, когда наука становится не просто непосредственной, а основной производительной силой. Это очень сильный критерий – в том плане, что способен выступать маркером перехода к новому обществу, однако реалистичность подобных утверждений требует проверки.

Концепция информационного общества – это своеобразный «облегченный» вариант концепции общества знаний, где указывается на факт роста объемов циркулирующей в обществе информации, независимо от ее истинности или полезности. Например, Дж. Нейсбит [см.: 5] среди мегатрендов современного общественного развития называет переход от индустриального общества, в основе которого лежит производство материальных благ, к информационному обществу, в основе которого лежит производство и распределение информации. Также Э. Тоффлер [см.: 6] говорит о взрывном росте значения информации, которая на новой стадии приобретет гораздо большую ценность, чем на всех предыдущих, и вызывает реорганизацию бизнеса, СМИ, науки и образования, политики и военного дела. Подобного рода представления, возможно, несколько преувеличены, однако практика внедрения достижений информационно-коммуникационной революции, действительно, демонстрирует многочисленные примеры ее воздействия на разные сферы социальной жизни. В качестве примера можно привести реорганизацию некоторых традиционных секторов, переносимых на электронную основу – развитие торговли через Интернет, образовательных, бухгалтерских и прочих онлайн-услуг и т. п., а также появление некоторых новых секторов экономики (производство компьютерных игр) и общественных феноменов (виртуальные социальные сети, блоги в качестве новых СМИ).

Таким образом, концепция информационного общества опирается не на сомнительное и очень сильное утверждение о том, что наука превратилась в основную производительную силу, а на более очевидный факт информационно-коммуникационной революции. Развитие электронных СМИ, а еще более – появление Интернета сильно повлияли на многие сферы социальных отношений, прежде всего процессы формирования общественного сознания, распространение идей, экспоненциальный рост объемов информации, циркулирующей в обществе. Эпидемия коронавируса в нынешнем году

ускорила процессы адаптации возможностей, предоставляемых интернет-технологиями, бизнесом, государством и гражданским обществом, в частности, стимулируя переход к дистанционным формам занятости и образования. Многие люди сейчас почти непрерывно взаимодействуют с различного рода гаджетами, обеспечивающими постоянное получение и производство ими новой информации. В этом плане современное общество вполне может именоваться информационным. Однако возникает вопрос о философско-историческом статусе такого утверждения. Что есть информационное общество – характеристика развитого общества позднего модерна или характеристика общества, вышедшего на стадию постмодерна?

Прежде всего, возникает вопрос, способствовала ли информационно-коммуникационная революция выходу производительных сил на более высокую ступень развития? Энтузиасты новых информационных технологий (ИТ) указывают, в частности, на тот факт, что в США начиная с 1991 г. вложения в ИТ превышают вложения в основные фонды. Но дает ли это должную отдачу? Как раз с этим все не очень ясно. Далеко не очевидно, что бурный рост ИТ является двигателем развития современной экономики в целом. «Главным феноменом современной мировой экономики является глубокая и все более усиливающаяся диспропорция между новыми, информационными, и традиционными секторами экономики» [7, с. 44]. В США эта структурная диспропорция начинает складываться с помощью государства в конце 1980-х гг. за счет приоритетного развития «новой экономики». Некоторые отечественные (А. Б. Кобяков и М. Л. Хазин) и зарубежные (Л. Ларуш) экономисты оценивают ее как «раковую опухоль» на теле американской экономики. И для этого есть основания. Владельцы капитала начали вкладывать большую часть своих средств в переоснащение предприятий на основе новых технологий, так как были уверены, что это увеличит производительность труда. Их уверенность строилась не только на рекламе со стороны фирм-производителей информационных технологий, но и на пропаганде СМИ, подкрепленной научным авторитетом адептов концепции информационного общества. Они доказывали, что, согласно их теории, внедрение «новой экономики» в традиционную экономическую деятельность ведет к резкому росту производительности труда. Однако это оказалось значительным преувеличением. На деле ИТ оказали серьезное влияние на рост производительности труда только там, где они представляли собой новые средства производства.

Возможно, отношение сторонников «физической экономики» к ИТ является слишком скептическим. В некоторых вопросах, таких как автоматизированное управление технологическими процессами, связь, бухгалтерский и производственный учет и т. п. ИТ-инфраструктура значительно облегчает деятельность работников, снижает ее себестоимость, делает ее более эффективной. Совсем отказаться от использования этих технологий для большинства современных предприятий означает потерю конкурентоспособности. При грамотном и уместном использовании ИТ могут быть тем инструментом, который способен существенно повысить

эффективность технологических процессов на предприятии и улучшить взаимодействие предприятий в рамках технологических и социальных систем более общего уровня. В то же время очевидно, что ИТ не в состоянии в серьезной степени стать заменой инвестиций в физический капитал, а тем более живого труда. Чрезмерный оптимизм энтузиастов повсеместного внедрения ИТ в качестве своей обратной стороны имеет недооценку значимости традиционных факторов производства. В результате, как и предсказывали скептики, «новая экономика» не только поглощает огромные объемы инвестиций, но и не в состоянии существенно увеличить объемы своих продаж конечным потребителям. Принципиально иного результата развитие ИТ достигло только там, где они представляли собой новые средства производства, например, в производстве компьютерных игр. Конечно, преуменьшать значение подобного рода секторов экономики тоже не стоит, однако новое общество – это не то общество, которое отказалось от промышленного производства в пользу компьютерных игр и т. п., а то, где развитие информационного сектора экономики позволяет осуществлять промышленную деятельность на качественно более высоком уровне. Точно так же, как индустриализация не уничтожила сельское хозяйство, а позволила организовать его более эффективно, так и развитие ИТ будет означать революцию только тогда, когда это выведет развитие производительных сил общества в целом на новую ступень.

Таким образом, концепция информационного общества эмпирически лучше обоснована, чем концепция общества знания, но по большому счету сама по себе никак не доказывает выхода производительных сил и общества в целом на какой-то качественно новый уровень развития. Так, модель общества, которую М. Кастельс [см.: 8] именуется информациональным капитализмом, и которая, по его мнению, приходит на смену индустриальному капитализму, по большому счету остается разновидностью общества модерна. Для обоснования же выхода на принципиально новую стадию приходится переходить к аргументам концепции общества знаний, а здесь уже недостаточно одного указания на появление персональных компьютеров и Интернета. Тем не менее, стоит принять утверждение о росте объемов информации, циркулирующей в обществе и становящейся одним из основных производственных ресурсов, в качестве одного из признаков современного общества.

Другим признаком формирования постиндустриального общества, практически общепринятым среди его теоретиков, выступает такой параметр, как опережающий рост сектора услуг. Сторонники концепции сервисного общества считают это параметр ключевым и определяющим специфику экономики и социальной структуры нового общества. На то, что экономика, основой которой является промышленное производство товаров, уступает место экономике услуг, указывали, в частности, З. Бжезинский [см.: 3] и Д. Белл [см.: 1]. Д. Белл, признавая, что еще в период с 1870 по 1920 гг. в США рост занятости в сфере услуг происходил практически с той же скоростью, что и рост занятости в промышленности, все же полагает, что факт нарастающего с середины XX века доминирования сферы услуг, в том числе в плане занятости,

имеет ключевое значение, поскольку «подобные изменения в характере производства и структуре занятости – один из важнейших аспектов зарождения постиндустриального общества» [1, с. 168]. Если индустриализация связана с увеличением доли промышленности в ВВП и доли промышленных рабочих в структуре занятости, то теперь предполагается относительное уменьшение этих показателей по сравнению с сектором услуг, что является составной частью постиндустриальной трансформации. Утверждение о росте доли сектора услуг в ВВП и доли сервисных работников в структуре занятости, особенно если речь идет о развитых странах Запада, – хорошо подтвержденное статистикой положение теории нового общества.

Здесь проблема возникает в связи с различием в интерпретациях данного феномена. Постиндустриалисты исходят из того, что преобладание в ВВП и структуре занятости третичного (сервисного) сектора является достаточным основанием для выделения новой исторической стадии. Однако стоит заметить, что в мировой истории имеются примеры преимущественно сервисных политий уже в античности и в средневековье – например, Венецианская республика. Также рост доли сектора услуг наблюдался на всем протяжении периода модерна, а в наши дни преобладание третичного сектора обнаруживается не только в развитых, но и в наиболее бедных и отсталых странах. «Преобладание третичного сектора уже в странах третьего мира, которое сейчас считается свидетельством неблагополучия в экономике, доказывает, что для развития сферы услуг нет необходимости в индустриальном базисе, кроме того... мало что свидетельствует в пользу представления о том, что развитые общества переходят от ситуации наибольшей занятости в промышленности к ситуации наибольшей занятости в секторе услуг. Самая разительная перемена произошла в связи с переходом рабочей силы в сферу услуг не из промышленности, а из сельского хозяйства» [9, с. 64]. Рост доли сектора услуг в значительной мере отражает не столько технологический, сколько социокультурный сдвиг, связанный с ростом женской занятости. Значительная доля услуг, предоставляемых сейчас коммерческими учреждениями, прежде была частью нерыночной домашней экономики. Уход за детьми и стариками, готовка еды и уборка – все это было делом домохозяек. Сокращение неоплачиваемого женского труда, когда дети отправились в детские сады, старики – в дома престарелых, а обедать люди идут в заведения общепита, означает не увеличение количества услуг, а их коммерциализацию. Также значительная часть роста доли сектора услуг объясняется таким феноменом, как аутсорсинг, когда промышленные предприятия вместо того, чтобы пользоваться как раньше услугами своих собственных бухгалтерского, юридического и т. п. отделов обращаются к услугам сторонних специализированных организаций. Здесь также рост объема услуг является чисто статистическим. Это не значит, конечно, что чистого роста доли сервисного сектора не произошло, но, во-первых, он не столь значителен, как это выглядит с точки зрения статистики, а с другой, он не означает принципиального разрыва с ситуацией модерна.

Еще одним из фундаментальных признаков постиндустриального перехода выступает изменение в сфере общественного сознания, определяющее трансформацию в отношениях и поведении людей, начиная от бытовых привычек, сексуального поведения и кончая преобразованиями господствующей идеологии. Основной упор на этот параметр делают постмодернисты – представители идеалистической версии теории нового общества. Но и большинство сторонников позитивистской версии этой теории также признают важность данного рода изменений. В целом предполагаемые изменения описываются как последовательное развитие тенденций либерализации и детрадиционализации, вышедших на качественно новый уровень. В частности, это проявляется в подъеме новых социальных движений, таких как феминизм, и установлении таких принципов, регулирующих социальные отношения и поведение людей, как толерантность, политкорректность и мультикультурализм. О подобной тенденции – причем, как правило, в позитивном ключе – заявляют практически все представители теории нового общества, в том числе Э. Тоффлер [см.: 6], М. Кастельс [см.: 8] и др. Утверждается, что это означает переход к более гуманному обществу, где утверждается приоритет личной свободы, когда индивидуальный выбор не ограничивается давлением общества и традиций, открывается простор для самовыражения личности, различных образов жизни и культурного многообразия. Эта радикальная детрадиционализация продолжает тенденции секуляризации, свойственные эпохе модерна, но выводит их на новый уровень.

Впрочем, имеется и другая, противоположная по сути трактовка изменений в сфере культуры при переходе к новому обществу, представленная в работе «Постсекулярное общество» Ю. Хабермаса [см.: 10]. Он утверждает, что при переходе от индустриального общества к постиндустриальному благосостояние и социальное обеспечение в них компенсируют потребность в религиозной жизни и веры в какой-либо Абсолют, что, казалось бы, должно довести тенденцию секуляризации до логического конца. Однако на практике мы сталкиваемся, по его мнению, с ситуацией не радикально секулярного, а постсекулярного мира, где происходит «возрождение религии». Возрождение активной религии в наше время стало возможным благодаря сочетанию трех факторов: 1) экспансия миссионеров; 2) радикализация фундаменталистов; 3) политическая инструментализация потенциала насилия, присущего многим мировым религиям. Таким образом, Ю. Хабермас также утверждает, что в параметре секуляризация / детрадиционализация происходит качественный сдвиг, но направлен он не в сторону радикализации данных процессов, а в сторону обращения вспять.

Как представляется, Ю. Хабермас описывает лишь некоторые яркие, но поверхностные явления, придавая им не то значение, которое они имеют. На практике мы видим скорее агрессивную экспансию нетрадиционных форм религиозности – различного рода политизированных или тоталитарных сект. Выступая экстремальной формой реакции на нарастающую детрадиционализацию, на практике они способствуют не спасению, а разрушению традиционной религиозности. Религии традиционно стремятся

дисциплинировать людей в плане способности контролировать свои желания и ограничивать пороки, современная же культура скорее склонна поощрять любые желания и удовлетворять любые прихоти людей-потребителей, провозглашая равенство всех образов жизни и систем ценностей. Так что общая тенденция секуляризации, профанации и детрадиционализации, присущая эпохе модерна, продолжается, что оставляет, тем не менее, открытым вопрос: происходит ли радикализация данной тенденции и дойдет ли она до своего предела? Пока что можно лишь констатировать активное стремление прогрессистских лево-либеральных движений реализовать данный сценарий и нарастающее стремление консерваторов ему противодействовать. Консерваторы опираются при этом на сохранившиеся элементы традиционной культуры, а либералы – на индивидуалистический и эгалитаристский сдвиг общественного сознания, характерный для эпохи модерна, продолжая тем самым старые споры.

В политическом плане этот эгалитаристский сдвиг общественного сознания, когда почти всякий обыватель полагает себя компетентным выносить суждения по любому поводу и активно вмешиваться в управление общественными делами, означает углубление демократизации (З. Бжезинский, Д. Белл). Демократизация, вышедшая на уровень массового гражданского активизма и повсеместного развития демократического участия, является второстепенным, но достаточно популярным параметром постиндустриального перехода. З. Бжезинский [см.: 3] связал демократизацию с еще одним параметром постиндустриального перехода – повышением социальной роли телевидения. В 1970 г. он предсказывал рост значимости телевидения, которое должно будет бороться с главным бичом человечества – скукой от слишком благополучной жизни, а также вовлекать в общественную и политическую жизнь, принятие общественно важных решений широкие народные массы. Однако, что касается роли телевидения, то после появления Интернета она фактически скорее снижается, чем растет. Так что данный критерий явно не соответствует реальности, но даже если бы и соответствовал, то вряд ли это можно было бы считать существенным основанием для провозглашения наступления новой исторической эпохи. Впрочем, с определенным основанием можно утверждать, что роль массового организатора, агитатора и пропагандиста в наши дни взял на себя не предвиденный З. Бжезинским в 1970 г. Интернет. И действительно, многие сейчас связывают рост гражданского активизма и развитие демократии с развитием интернет-коммуникаций. Тем не менее утверждение о непрерывной прогрессивной поступи демократизации более всего напоминает не строго научное утверждение о факте, а пропагандистско-идеологическое клише, наподобие заклинаний о развитом социализме периода позднего СССР.

С большим основанием можно утверждать, что развитие интернет-технологий способствовало развитию процессов сетевизации. Сетевизация – процесс трансформации организационных структур от иерархических к сетевым, который, как предполагается, затрагивает все общество – от уровня национальных государств (которые ослабляются и чьи границы становятся

более проницаемыми) до уровня корпораций и малых групп. Так, по мнению Э. Тоффлера [см.: 6], в ходе постиндустриального перехода происходит перераспределение власти, когда национальные структуры практически отмирают, уступая свои полномочия наднациональным (МВФ и т. п.) и субнациональным структурам (органы местного самоуправления), в том числе неправительственным (ТНК). Также и Дж. Нейсбит [см.: 5] согласен, что люди все меньше зависят от иерархических структур, делая выбор в пользу неформальных сетей. С точки зрения М. Кастельса [см.: 8], давшего наиболее подробное описание процессов сетевой трансформации, новое общество будет, в первую очередь, именно сетевым по своей сути. Даже если принять данное утверждение за чистую монету и процессы углубления демократизации лишь продолжают тенденции, характерные для эпохи модерна, то сетевизация вроде бы означает деbüroкратизацию, т. е. радикальное отрицание тенденции, характерной для предыдущей эпохи. Однако более внимательное прочтение работ М. Кастельса свидетельствует о том, что он скорее подчеркивает преемственность с индустриальным прошлым, чем разрыв с ним. Информационные сети и сетевые структуры в целом вносят определенную новизну, но они скорее дополняют традиционные бюрократические структуры, чем заменяют их. Так что сетевизация – это скорее характеристика позднего модерна, чем постмодерна. Что касается более радикальной версии концепции сетевого общества – гипотезы об отмирании национального государства и замене его сетями мировых городов и ТНК – так это пока скорее план-прогноз олигархов-глобалистов и их интеллектуальной obsługi, чем состоявшийся факт.

Отрицанию в постиндустриалистской теории подвергается также и тенденция урбанизации, свойственная эпохе модерна. Э. Тоффлер [см.: 6] предсказывает, что развитие новых информационных технологий приведет к дезурбанизации и перемещению большинства населения в «электронные коттеджи», т. е. в небольшие поселения, воплощающие в себе достоинства города и деревни, избавленные при этом от их недостатков. На практике пока мы наблюдаем скорее гиперурбанизацию, когда все больше людей перемещается из небольших городков в крупнейшие городские центры.

Более принципиальным представляется момент отрицания капиталистического пути развития, который также предсказывается многими сторонниками теории нового общества. По мнению Д. Белла [см.: 1], формирующееся постиндустриальное общество будет постдефицитным с точки зрения доступности материальных благ, т. е. дефицит благ, определявший в период капитализма (и до него) мотивы поведения людей и основные коллизии социальных конфликтов, исчезнет, зато станет массовым явлением дефицит информации и времени. Вопреки этому утверждению, очевидно, что дефицит материальных благ, по крайней мере в наши дни, никуда не делся, так что данная предпосылка посткапитализма пока не работает. П. Дракер связывает переход к посткапитализму с развитием экономики, основанной на знаниях: «То обстоятельство, что знание стало главным, а не просто одним из видов ресурсов, и превратило наше общество в посткапиталистическое» [11, с. 98].

Очень сильное заявление, когда из одного сомнительного и не доказанного утверждения выводится другое.

В. Иноземцев [см.: 12], опираясь на результаты исследований Р. Инглегарда, доказывает, что постдефицитность ведет к замещению экономической, утилитарной мотивации к труду надутилитарной, что в свою очередь ведет к трансформации труда в творчество (впрочем, возможно, только для новой креативной элиты общества). Творчество в принципе не подлежит эксплуатации, так как основным капиталом творческой корпорации становятся неотчуждаемые способности ее работников. Творческие корпорации, таким образом, утрачивают свой капиталистический характер, частная собственность вытесняется и замещается личной. Сужается сфера применимости рыночных механизмов. А в целом это означает возникновение предпосылок для перехода от капиталистического общества к посткапиталистическому и даже, что более фундаментально, от экономического к постэкономическому.

В целом эти утверждения В. Иноземцева выглядят как попытка выдать желаемое за действительное, что особенно заметно в аспекте провозглашения достигнутой постдефицитности. Его заявление о том, что «более предпочтительным кажется стремление преодолеть эксплуатацию не в ее объективно-экономическом, а в субъективно-нравственном аспекте» [12, с. 138] – это, по сути, призыв к интеллектуальным работникам заняться успокоительным самовнушением. Это такой своеобразный опиум для так называемого креативного класса, которому внушается мысль: если вы действительно творческие работники, то эксплуатации для вас не существует, если же вы ее ощущаете – сами виноваты, не стали по-настоящему творческими. В США «субъективное преодоление эксплуатации» происходит на фоне продолжительного роста неравенства и катастрофического сокращения доли среднего класса, который уже не является преобладающим. Все прочие утверждения В. Иноземцева также являются не объективной констатацией факта, а успокоительной пропагандой о том, что проблемы капитализма и сам он как таковой автоматически преодолеваются по мере развития постиндустриального общества, а впереди нас ждет постэкономическое общество, практически коммунизм. Действительно, в последнее время, особенно в период начавшегося в 2020 г. кризиса, в практике многих стран Запада наблюдаются элементы, не свойственные капитализму, такие как переход к политике отрицательных процентных ставок и массовая раздача денег безработному населению. В некоторых странах (Финляндии, например) в последние годы проводились эксперименты с введением безусловного базового дохода. То есть, с одной стороны, подрываются традиционные капиталистические стимулы к труду, с другой – к нормальной предпринимательской деятельности и накоплению капитала, поскольку и доходы населения, и прибыль предпринимателей все больше обеспечиваются непосредственной раздачей «вертолетных» денег государством. Однако находящаяся в кризисе капиталистическая система не перестает от этого быть капиталистической, больной капитализм – это еще не посткапитализм. Вообще утверждение о переходе к посткапитализму выглядело более убедительным в

середине XX века, в период расцвета модели государства всеобщего благосостояния. Однако неолиберальные реформы последних 30-40 лет существенно разрушили эту модель. Так что сейчас даже отдельные популистские меры по поддержке малообеспеченных слоев населения не компенсируют произошедшего усиления разрыва между бедными и богатыми. Так, в США группа населения со средними доходами, прежде составлявшая почти две трети населения, теперь сократилась до менее половины, в то время как основная часть прироста национального благосостояния за последние десятилетия досталась наиболее обеспеченной части – одному проценту американцев. Причем в основном это люди, получающие доход с вложений капитала, что никак не соответствует гипотезе о переходе к посткапитализму.

В качестве промежуточного итога стоит привести классическое определение Д. Белла, которое позволяет выделить основные черты «нового», постиндустриального общества: «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» [цит. по: 13, с. 27]. Креативный класс, или, точнее, его наиболее выдающаяся часть (меритократия) становится основным производительным классом, наиболее эффективным собственником и, в соответствии с марксистским принципом, политически доминирующим классом. Это связано с тем, что «знания и способы их практического применения замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости. В этом смысле как труд и капитал были центральными переменными в индустриальном обществе, так информация и знания становятся решающими переменными постиндустриального общества» [14, с. 332].

Таким образом, обобщенная модель теоретиков постиндустриализма выглядит следующим образом. Основной движущей силой трансформации зрелого индустриального общества послужила научно-техническая революция в целом и информационно-коммуникационная революция в особенности. Научно-техническая революция вызвала увеличение производства материальных благ, а также изменение относительной ценности разных факторов производства и сдвиг в структуре потребностей населения. «Изменение значения знания, начавшееся двести пятьдесят лет назад, преобразовало общество и экономику. Знание стало сегодня основным условием производства. Традиционные “факторы производства” – земля (т. е. природные ресурсы), рабочая сила и капитал – не исчезли, но приобрели второстепенное значение» [11, с. 95]. Изменение относительной ценности факторов производства ведет к изменению положения тех социальных групп, которые являются их владельцами. «Насыщение» потребительского рынка

товарами промышленного производства (вследствие роста производительности труда) вызывает рост благосостояния населения и снижение предельной полезности дополнительных единиц благ данного рода. Отсюда следует, с одной стороны, смещение в структуре потребительских предпочтений от материальных продуктов к услугам, а с другой – снижение спроса со стороны наемных работников на нетворческие профессии, которые являются непривлекательными для них. В то же время и со стороны работодателей растет спрос на работников, способных к выполнению интеллектуально насыщенной, творческой работы. Поскольку высокие технологии с успехом заменяют, вытесняют затраты на сырье, материальные средства производства и физический труд, относительная ценность этих факторов производства снижается. Параллельно с этим растет ценность «человеческого ресурса» – интеллекта, создающего блага практически самостоятельно, с минимальным участием других ресурсов. Технологические изменения более-менее автоматически ведут к изменениям социальным. Превращение в главный ресурс интеллекта вместо капитала ведет к снижению значения и власти капитала и росту влияния интеллектуалов, которые в принципе не могут подвергаться эксплуатации, поскольку их основной капитал – это их знания, умения и навыки, не отчуждаемые от них. В результате развитие постиндустриального общества ведет к автоматическому «самоустранению» капиталистических отношений. Капиталистическая социальная стратификация с ее разделением на капиталистов и эксплуатируемый пролетариат заменяется при этом неполяризованной, крайне размытой структурой с множеством групп, отличия между которыми зависят главным образом от уровня интеллекта. Во главе общества стоит меритократия – группа наиболее заслуженных интеллектуалов, приносящих наибольшую пользу обществу. А основная часть населения, независимо от роли в производстве, благодаря своим приличным доходам образует средний класс. Информационно-коммуникационная революция помогает новым социальным движениям в их борьбе за либерализацию общественной жизни, а также способствует сетевой трансформации организационных структур.

Итак, мы вплотную подходим к формулированию эмпирических критериев, которые можно верифицировать на предмет того, реализовались ли прогнозы постиндустриалистов. И здесь мы сталкиваемся с необходимостью разделения двух обобщенных вариантов теории нового общества – сильного и слабого. По сути, такое разделение можно обнаружить в работе Д. Белла, который дает два определения постиндустриального общества – в соответствии с требованиями слабого и сильного варианта теории. «Если мы определим постиндустриальное общество как такое, где произошел сдвиг от промышленного производства к сфере услуг, то получится, что Великобритания, почти вся Западная Европа, Соединенные Штаты и Япония вступили в постиндустриальный век. Но если мы определим информационное общество как такое, в котором существуют научный потенциал и способность трансформировать научные знания в конечный продукт, называемый обычно “высокими технологиями”, то можно сказать, что только Соединенные Штаты

и Япония отвечают данному условию» [1, с. СХХIX]. При этом если в своей работе 1973 года Д. Белл уверенно говорит о постиндустриальном обществе как уже свершившемся факте («Вполне можно считать, что 1945–1950 годы символически были годами рождения постиндустриального общества» [1, с. 466]), то в 1998 г. он куда осторожнее отмечает, что сужение традиционных секторов хозяйства в развитых странах ставит вопрос о том, перейдут ли западные общества к экономике с новыми «высокотехнологичными» производствами с «высокой добавленной стоимостью» или же они превратятся в «штабное хозяйство», предоставляющее инвестиции и финансовые услуги остальному миру [см.: 1, с. СХVI]?

Таким образом, слабый вариант концепции постиндустриального общества – это по существу не столько философско-исторический, сколько экономико-географический подход. Он утверждает следующее: по мере развития глобализации происходит углубление международного разделения труда, в результате чего хозяйства развитых стран превращаются в «штабные экономики», а промышленность перемещается в новые индустриальные страны. То есть ситуация на первый взгляд выглядит так, как будто развитые страны не переходят на какой-то качественно более высокий уровень развития материальных производительных сил, а лишь усиливают свою специализацию на более выгодных сферах деятельности, прежде всего, финансах, а также маркетинге, дизайне и т. п. «креативных» нишах нематериального производства. Так, еще в 1973 г. Д. Белл признавал, что «Соединенные Штаты все больше становятся обществом рантье, где значительная и все более возрастающая часть торгового баланса представлена не столько экспортом, сколько поступлениями от зарубежных инвестиций американских корпораций» [1, с. 214]. Страны-рантье живут за счет прибыли от инвестирования в чужую промышленность, становясь для остального мира специализированной территорией финансового капитала. Но в таком случае возникает вопрос, который потребует отдельно рассмотреть, – а можно ли подобную ситуацию вообще интерпретировать как выход на новую стадию развития общества, социальную революцию, равнозначную модернизации?

Сильный вариант основания для подобных сомнений не создает. Он явно именно это и подразумевает – выход технико-экономического прогресса на качественно новый, более высокий уровень. Сильный вариант предполагает, что постиндустриальный переход – это не деиндустриализация, а сверхиндустриализация. Процесс индустриализации в свое время привел не к отказу развитых стран от своего сельского хозяйства, а к мощному повышению его производительности. Увеличение количества производства привело к ситуации, когда меньшее количество сельскохозяйственных работников способно прокормить большее число людей. Например, в России столетней давности крестьяне составляли около 80 % населения, а сейчас их меньше 20 %, но обеспеченность продовольствием осталась на достаточном уровне. Точно так же постиндустриальное общество – это не то общество, которое отказалось от промышленного производства в пользу компьютерных игр и т. п., а то, где развитие информационного сектора экономики позволяет осуществлять

промышленную деятельность еще более успешно. Как индустриализация не уничтожила сельское хозяйство, а позволила организовать его более эффективно, так и новые информационные технологии, с точки зрения данной теории, дополняют традиционные промышленные технологии, повышают общую эффективность экономики. Увеличивается околичность производства, и меньшее количество людей может производить большее количество материальных благ. «Избыточные» для промышленности рабочие при этом переходят в «новую экономику», включающую различные виды информационной и сервисной деятельности. Таким образом, развитие новых, «постиндустриальных» секторов экономики не является исключительно самоцелью, а выступает также и средством повышения промышленной и сельскохозяйственной конкурентоспособности страны. Страна постиндустриальная должна быть в целом сильнее в экономическом плане по сравнению с индустриальными странами и более конкурентоспособна по сравнению с ними не только в сфере информационных технологий, финансов или кинематографа, но и в производстве материальных потребительских благ и продовольствия.

Реализовался ли такой вариант где-либо на практике? Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Но, во всяком случае, можно уверенно сказать, что сильный вариант на уровне теории вполне определенно заявляет о снятии старого индустриального общества: в этой теории индустриальное производство и традиционные факторы производства (труд, земля и капитал) больше не являются фундаментом производительных сил, в этой теории произошли дезурбанизация, демассовизация, дебюрократизация, преодоление капитализма, а наука превратилась в основную производительную силу и базис новой экономики. Так ли обстоит дело в реальности – отдельный вопрос, и все эти утверждения нуждаются в сопоставлении с эмпирикой, но *теоретически* общество, описываемое подобным образом, обществом модерна уже определенно не является.

Слабая версия опирается, прежде всего, на положения и аргументы, представленные в рамках концепций информационного общества, сервисного общества и сетевого общества. В отличие от аргументов сильной версии, ее положения не требуют дополнительной верификации, так как эмпирическая обоснованность большинства из них достаточно наглядна. Однако все описываемые ею процессы не выводят общество на некую качественно новую, более высокую ступень развития. Описываемое данными концепциями общество остается обществом модерна, со всеми его основными характеристиками. Можно говорить только о позднем модерне, когда добавляются некоторые новые специфические характеристики общества: информатизация, опережающий рост сектора услуг и экспансия сетевых структур.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Академия, 1999. – 956 с.

2. Трубицын О. К. Ключевые социальные решения эпохи модерна // Сибирский философский журнал. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 74–86.
3. Brzezinski Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. – New York: The Viking Press, 1970. – 355 p.
4. Тоффлер Э. *Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века*. – М.: АСТ, 2003. – 669 с.
5. Нейсбит Д. *Мегатренды*. – М.: Издательство АСТ; Ермак, 2003. – 380 с.
6. Тоффлер Э. *Третья волна*. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
7. Кобяков А. Б., Хазин М. Л. *Закат империи доллара и конец «Рах Americana»*. – М.: Вече, 2003. – 368 с.
8. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. Уэбстер Ф. *Теории информационного общества*. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
10. Habermas J. A “Post-Secular” Society – What Does That Mean? // *Reset Dialogues on Civilizations*. – URL: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/> (дата обращения 13.06.2020).
11. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 67–100.
12. Иноземцев В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. – М.: Academia, 1998. – 576 с.
13. Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 3–66.
14. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.

References

1. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Akademiya, 1999, 956 p.
2. Trubitsyn O. K. Key Social Solutions of the Modern Era [Klyuchevye sotsialnye resheniya epokhi moderna]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* (Siberian Journal of Philosophy), vol. 18, no. 1, pp. 74–86.
3. Brzezinski Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York: The Viking Press, 1970, 355 p.
4. Toffler A. Metamorphoses of Power: Knowledge, Wealth and Power on the Threshold of the XXI Century [*Metamorfozy vlasti: Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka*]. Moscow: AST, 2003, 669 p.
5. Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives [*Megatrendy*]. Moscow: AST; Ermak, 2003, 380 p.
6. Toffler A. The Third Wave [*Tretya volna*]. Moscow: AST, 1999, 784 p.

7. Kobyakov A. B., Khazin M. L. The Decline of the Dollar Empire and the End of “Pax Americana” [*Zakat imperii dollara i konets “Pax Americana”*]. Moscow: Veche, 2003, 368 p.

8. Kastells M. The Information Age: Economy, Society and Culture [*Informatsionnaya epokha: ekonomika, obschestvo i kultura*]. Moscow: GU VShE, 2000, 608 p.

9. Webster F. Theories of the Information Society [*Teorii informatsionnogo obschestva*]. Moscow: Aspekt Press, 2004, 400 p.

10. Habermas J. A “Post-secular” Society – What Does that Mean? // Reset Dialogues on Civilizations. Available at: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/> (accessed 13 June 2020).

11. Drucker P. Post-Capitalist Society [Postkapitalisticheskoe obschestvo]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* (A New Post-Industrial Wave in the West. Anthology). Moscow: Academia, 1999, pp. 67–100.

12. Inozemtsev V. L. Ten Years Later: Toward the Concept of Posteconomic Society [*Za desyat let. K kontseptsii postekonomicheskogo obschestva*]. Moscow: Academia, 1998, 576, p.

13. Inozemtsev V. L. Prospects of Post-Industrial Theory in a Changing World [Perspektivy postindustrialnoy teorii v menyayuschemsya mire]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* (A New Post-Industrial Wave in the West. Anthology). Moscow: Academia, 1999, pp. 3–66.

14. Bell D. The Social Framework of the Information Society [Sotsialnye ramki informatsionnogo obschestva]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* (New Technocratic Wave in the West). Moscow: Progress, 1986, pp. 330–342.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 141.21; 37

Философская концепция оптимизма М. Зелигмана как перспектива модернизации педагогики успеха*

Андреева Юлия Владимировна – Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, кафедра педагогики, профессор, кандидат педагогических наук, доцент, Уфа, Россия.

Email: andreeva_u_v@insto.ru

Авторское резюме

Состояние вопроса: Оптимизм часто трактуют как способ мышления и стиль эмоциональной реакции на беду. Для педагогики особенно привлекателен тезис Мартина Зелигмана о том, что оптимизму можно научиться.

Результаты: Модернизация системы высшего образования возможна на основе оптимистической теории М. Зелигмана, дающей возможность создания ситуации успеха как благоприятной среды для учения в единой системе мировосприятия учителя и ученика. Вектором развития высшего образования становятся принципы анализа и понимания причин неуспеха; опоры на положительное; признания самооценности личности; сочетания любви и требовательности.

Область применения результатов: Предложенный подход к системе российского образования является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского оптимизма, необходимые для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Модернизация российского образования связана с поиском моделей обучения таким способам мышления, эмоционального реагирования и действия, которые можно рассматривать как оптимистические. Овладевая ими, каждый человек сможет строить жизнь по собственному сценарию, управлять ею и быть ответственным за свои успехи, а также сумеет справиться с неудачами, овладеет навыками самостоятельно решать возникающие проблемы. Человек будет осознавать, что без проявления инициативы и воли к жизни он окажется беззащитным в дисгармоничном обществе. Именно оптимизм играет особую роль в школьном обучении, так как придает ребенку уверенность в его способности преодолевать трудности.

Ключевые слова: оптимизм; учебные результаты; учебные трудности; ситуация успеха; философские принципы; педагогический оптимизм.

* © Ю. В. Андреева, 2020.

M. Seligman's Philosophical Concept of Optimism as a Prospect for the Modernization of Success Pedagogy

Andreeva Yuliya Vladimirovna – Eastern Economic and Legal Academy of Humanities, Department of Pedagogy, Professor, PhD (Pedagogy), Ufa, Russia.

Email: andreeva_u_v@insto.ru

Abstract

Background: Optimism is often interpreted as a way of thinking and a style of emotional reaction to trouble. Martin Seligman's idea that optimism can be developed is attractive for pedagogy.

Results: Modernization of the higher education system may be based on the optimistic theory of M. Seligman, which makes it possible to create a situation of success as a favorable environment for learning in a unified system of world view of the teacher and student. The principles of analysis and understanding of the reasons for failure become the vector of development for higher education; reliance on the positive; recognition of the intrinsic value of the individual; a union of love and rigor.

Implications: The proposed approach to the system of Russian education is an attempt to formulate some fundamental ideas of philosophical optimism that are necessary for creating a scientific theory of the modern stage of social development.

Conclusion: The modernization of Russian education is associated with the search for models of teaching such ways of thinking, emotional response and action that can be considered optimistic. By mastering them, students will be able to lead their lives according to their own scenario, manage them and be responsible for their successes, as well as be able to cope with failures, gain the skills to solve emerging problems independently. Individuals will realize that without the manifestation of initiative and will to life, they can be defenseless in a disharmonious society. It is optimism that plays a special role in school teaching, as it gives students confidence in their ability to overcome difficulties.

Keywords: optimism; learning outcomes; learning difficulties; situation of success; philosophical principles; pedagogical optimism.

Актуальность исследования

Модернизация образования современной России стимулирует стремление к успеху, к высоким учебным результатам как приоритетное и высвечивает ряд противоречивых обстоятельств, заметно влияющих на формирование нашего научного интереса к теме исследования.

Первое обстоятельство связано с проблематикой поиска моделей обучения, обеспечивающих результативность педагогического процесса, от которых зависят перспективы развития российского образования.

Модернизация российской системы образования обусловила педагогическую значимость осмысления стратегии учебной деятельности:

– во-первых, потому что результативность усилий в учебной деятельности во многом зависит от истолкования учебных результатов и предпочтения стратегии достижения успеха или избегания неудачи;

– во-вторых, развитие оптимизма в условиях преодоления трудностей в учебной деятельности способствует установлению некоторого равновесия между педагогическими требованиями и ученическими возможностями; социальными ожиданиями и реальными учебными результатами;

– в-третьих, потому что длительная история российской системы образования временами исключала представление об успехе личности как неременной детерминанте результативности педагогического процесса, и сегодня среднестатистический россиянин лишен прецедентной модели социально приемлемых способов достижения успеха.

Второе обстоятельство, обосновывающее научно-теоретическую актуальность темы исследования, связано с отсутствием в предметной области педагогики и дидактики, в частности, комплексных исследований по данной теме. Между тем глубокое философско-психологическое осмысление оптимизма как стратегии достижения успеха (К. Муздыбаев) и исследование учебных результатов во взаимосвязи с созданием благоприятных условий в учении, в частности созданием ситуации успеха (А. С. Белкин) уже предпринято и в социальной педагогике, и в социальной психологии.

Третье обстоятельство связано со стремлением автора разработать специальную методологию и особый подход в изучении оптимизма как личностного качества, развиваемого в ситуации успеха: реконструкция стратегии достижения успеха в учебной деятельности репрезентирована нами как авторская технология, которая включает в себя ряд педагогических условий и принципов, реализуемых поэтапно и блочно. В данной статье речь пойдет только о принципах.

Методология исследования

1) В философии последнего столетия тема оптимизма раскрывается в размышлениях о смысле и счастье человеческой жизни (И. Ильин, О. Больнов), о целях и результатах существования в границах гедонистического, эвдемонистического и фелицитарного подходов (А. Панасюк, К. Роджерс, А. С. Макаренко и др.). Еще с античной философии наблюдается сосредоточенность на понимании счастья в связи с результатами и достижениями личности (Аристотель, киники, Платон, Сократ, Эпикур). «Достижительно»-фелицитарные идеи получили дальнейшее развитие в эпоху Нового времени: автором термина «оптимизм» (от лат. «наилучший») выступил Г. В. Лейбниц. Примечательный факт: Ж. Ж. Руссо связывал человеческую природу с добрым лучшим началом, которое считал врожденным, а вот К. Маркс высказал мысль о необходимости благоприятных внешних условий для развития всего лучшего в человеке. Другими словами, оптимизм, по мнению одних, – врожденное свойство человека, по мнению других – приобретаемое качество.

В конце XIX и в XX веках А. Адлер, Ж.-П. Сартр, З. Фрейд, Э. Фромм, М. Хайдеггер рассматривали усилия личности по улучшению собственной жизни как критерий оптимизма-надежды на спасительный выход из кризиса. Например, О. Больнов, развивая фундаментальный онтологический подход к личности, актуализировал поиск стратегии собственного бытия и впервые поставил вопрос о неподлинном существовании как проявлении духовно-практической пассивности. Волонтаристский подход, провозгласивший волю важнейшим условием эффективной активности, представлен концепциями Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра.

В отечественной философии темы «оптимизма» в религиозной парадигме касались мыслители «серебряного века»: И. Ильин считал его искусством самоусиления личности.

2) В педагогике советского периода проблема оптимизма удостоилась особого внимания. Автором «оптимистической гипотезы» считается А. С. Макаренко. Его теория «завтрашней радости» была развита на примере учебной деятельности В. А. Сухомлинским и связывалась с «радостью познания». Позже и в наши дни идея «завтрашней радости» претерпела изменения и переросла в «радость сотрудничества» Ш. А. Амонашвили.

Что касается педагогического осмысления и современной интерпретации оптимизма, то мы его можем связать с необходимостью наличия смыслов учебной деятельности, то такое присутствует в моделях обучения К. Роджерса, Ш. Амонашвили, А. Белкина.

При этом в педагогике отсутствует комплексный анализ оптимизма как профессионально-личностного качества; как стратегии достижения и создания ситуации успеха в учебной деятельности; за пределами научного интереса остаются специфика и степень воздействия ситуации успеха и смыслов учебной деятельности на результативность педагогического процесса. В связи с этим правомерно констатировать наличие обширной исследовательской области, в которой должно определить объект, предмет, цель, гипотезу и задачи педагогического исследования.

Реализация (практическая часть)

На основе теоретического анализа мы можем заключить, что оптимизм – устойчивая личностная позиция педагога по отношению к учебным трудностям детей, основанная на вере в успех и силу человеческой природы ребенка.

Мы представим одну из моделей обучения оптимизму современного американского философа М. Зелигмана. Анализируя подход М. Зелигмана, мы можем утверждать, что в основе оптимизма лежит способ объяснения (учебного) результата как успеха.

Здесь оптимизм как способ восприятия мира выражает ему доверие и допускает принципиальную возможность его познания. Такой оптимизм берет свое начало в метафизике Лейбница и утверждает, что мир таков, каков он есть при существующих обстоятельствах; что он является лучшим из всех возможных миров и все в нем подчинено разуму (Лейбниц). Оптимизм в

гносеологии утверждает принципиальную возможность получения человеком объективных знаний о мире (ранний И. Кант).

Оптимизм как система философско-этических взглядов учит смотреть на жизнь под определенным углом и не пасовать перед трудностями. Люди с позитивным мышлением зачастую достигают больших успехов, хотя пессимисты и считают их наивными мечтателями. Эти «весельчаки», пребывающие всегда в хорошем настроении, обладают, как оказалось, большой волей к будущему. Об этом косвенно или напрямую упоминали философы А. Шопенгауэр, И. Ильин, О. Больнов и др.

Современные исследования М. Зелигмана подтверждают ряд преимуществ оптимистичных людей: они более подвижны и активны, почти не впадают в депрессию, результаты их деятельности обычно выглядят более внушительно. Такие люди чаще пребывают в хорошем настроении, что привлекает к ним других людей.

В ситуации кризиса 2020 года, в условиях пандемии трудно оставаться оптимистами, поскольку риски возрастают и для выпускников университетов, и для работников среднего звена, и для преподавателей предпенсионного возраста. Общемировая ситуация диктует скорее не взлет карьеры, само понятие которой разрушено, а умение разрешать конфликты и устранять проблемы. Такое гибкое стремление к лучшему американский философ М. Зелигман называет оптимизмом. Он понимает его как талант радости и способность вести свою жизнь к лучшему (от вершины к вершине). Сама концепция выкристаллизовалась на основе теории выученной беспомощности, согласно которой одни люди преодолевают трудности, а другие пребывают в них. М. Зелигмана заинтересовало такое различие, и он установил, что те, кто преодолевают проблемы, являются оптимистами в силу того, что считают трудности временными и преодолимыми (поэтому оптимисты не выпускают ситуацию из-под контроля и прилагают усилия к лучшему). Тогда как есть люди, которые считают, что ситуация не зависит от них и перестают ее улучшать, именно они считаются пессимистами. Как только человек перестает влиять на ситуацию, он впадает в беспомощность, которая, повторяясь из раза в раз, становится выученной.

Тогда М. Зелигман выработал ряд методик, призванных помочь человеку в преодолении трудностей, и теперь приглашает научиться быть оптимистами, помогая изменить способ мышления и стиль реакции на беду.

Выводы М. Зелигмана относительно причин оптимизма представляют определенную педагогическую ценность: причины оптимизма формируются в детстве. Так, философ считает, что, «не достигнув половой зрелости, дети 8–11 лет чрезвычайно оптимистичны и имеют большой ресурс, запас надежды и иммунитет к беспомощности, которыми больше никогда не будут обладать после полового созревания. Именно тогда они теряют большую часть своего оптимизма» [1, с. 125]. Утрачивая потенциал надежды, ребенок легче поддается депрессии и страху [см.: 1, с. 127].

Причины детской беспомощности закрепляются у взрослого и влияют на его дальнейшую жизнь и ее достижения негативным образом. М. Зелигман выделяет три причины.

1) Обвинительный стиль матери. Ребенок постоянно слышит упреки, замечания и другие негативные оценки в свой адрес и в адрес других людей и постепенно приобретает привычку ругать себя больше, чем хвалить.

2) Стиль преподавания учителей. Мальчики получают больше замечаний и подвержены унынию, но в силу их непоседливости, вырастая, быстрее учатся преодолевать эти трудности. Девочки более дисциплинированы, но, как и все женщины, склонны переживать и ничего не делать для выхода из кризиса.

3) Эффективность решения происходящих в детстве семейных и личных кризисов. Если они были успешно преодолены, то вырастает оптимист, если нет – пессимист.

М. Зелигман призывает преподавателей быть осторожными с критикой и замечаниями, особенно в вузах, поскольку обучающиеся находятся уже в таком возрасте, когда природный оптимизм детства стремительно убывает. Если студенты не в состоянии справиться с окружающей средой, с сессией и экзаменами и постоянно испытывают стресс, то мы можем вырастить неудачников, постоянно теряющих свои возможности в профессиональной сфере.

Мы считаем, что данная система методов может быть применима и в системе российского образования, но с некоторыми оговорками и сменой психологической направленности на педагогическую и с учетом российской специфики в образовании.

Мартин Зелигман рассуждает в лучших просветительских традициях античной философии и философии Нового времени (Лейбниц, ранний И. Кант). В его трактатах формула оптимизма сохранила свой «педагогизм» и тему Человека, поскольку остается основанной на самосовершенствовании личности и ее качеств, на воспитании ума и преодолении трудностей, стремлении стать лучше и достигать высот в избранной профессии.

Так, педагогическая суть просвещенного оптимизма Лейбница состояла в том, чтобы остаться Человеком в самых сложных обстоятельствах жизни; уметь не только не сломиться под их тяжестью, но и конструктивно их преодолеть, а затем своим трудом достичь намеченных целей. Этому способствует умение во всем видеть позитивные стороны и беречь те ценности, которые достались человеку большим трудом: правдивость, практичность и трудолюбие.

Философский принцип Г. В. Лейбница – *опора на положительное* – был долгое время принят в классической педагогике, он формирует стойкость ума, основанную на стремлениях: побуждает искать и находить благо во зле, которое может послужить уроком для того, чтобы не повторять прежних ошибок.

Метафизический оптимизм «раннего» И. Канта формировался под влиянием Г. В. Лейбница. В своих ранних произведениях, в частности, в «Опыте некоторых рассуждений об оптимизме» И. Кант писал: «Именно потому, что из всех возможных миров, которые бог знал, он избрал только этот

мир, надо полагать, что он считал его наилучшим. <...> Вот почему я сам – а со мной, быть может, и часть моих читателей – убежден в этом, а я в то же время рад возможности рассматривать себя как гражданина такого мира, который не мог быть лучше, чем он есть. Избранный наилучшим из всех существ, быть незначительным звеном в самом совершенном из всех возможных замыслов, я, сам по себе ничего не стоящий и существующий лишь ради целого, тем более ценю свое существование, что был предназначен занять некоторое место в самом лучшем из замыслов творения. Я взываю ко всякому творению, не лишенному достоинства, воскликнуть: слава нам, мы существуем и доставляем радость творцу» [2, с. 47–48]. Это настоящая любовь к человеку объединилась у Канта с любовью к жизни, оптимизм объединился с гуманизмом.

Несмотря на отвращение позднего И. Канта к метафизике Г. В. Лейбница, он и в поздних своих произведениях латентно вводит оптимизм, понимая его как философское воззрение, согласно которому развитие жизни идет по пути совершенствования; и как личную склонность во всем видеть положительное и верить в успех. Основной вопрос философии И. Канта: «Что есть человек?» остается и побуждает человека проанализировать свои познавательные способности.

Оптимистический тезис И. Канта: «Имей мужество пользоваться собственным умом!» перерос в философский *принцип анализа и понимания причин собственных неудач*, здесь детальная работа над собой, совершенствование духовно-нравственного потенциала позволяет познающему субъекту не опасаться будущего, а видеть, благодаря знаниям, личностные перспективы.

В представлениях И. Канта человек как двуединое существо одновременно принадлежит и миру природы, и миру свободы. В мире природы он подчиняется естественной необходимости, а в мире свободы нравственно самоопределяется, исполняет свой долг, жизненное предназначение – воспитывает себя. Воспитание человека отличается от природной эволюции тем, что он не просто живое, но еще и нравственное существо, которое стремится к деятельности и счастью. Свобода предполагает:

- наш мир и люди в нем – нечто самое совершенное;
- действия каждого человека оптимальны и правильны на момент действия: здравомыслящий человек не станет выбирать худшее, если он имеет свободу выбора.

В кратком курсе лекций для студентов «О педагогике» воспитание трактовалось И. Кантом как совершенствование человеческой природы. Педагогика здесь несет в себе философскую миссию: сотворить человека из природного существа, а затем побудить его к самосовершенствованию. Открывая в себе новые силы, о которых вне воспитания человек и не задумывался, он тем самым получает широкую возможность опоры на самого себя и собственные достоинства.

Философский *принцип сочетания любви и требовательности*, воспетый в советское время известным педагогом-классиком А. С. Макаренко, также исходит из понимания человека как двуединого существа со своими

недостатками и достоинствами. Недостатки, как правило, имеют природное происхождение и подлежат искоренению, а достоинства поощряются и наращиваются. Для воспитания хорошего характера следует освободить ребенка от страстей и от сильных чувств, следуя кантовскому принципу: «Терпи и воздерживайся!». При формировании полезных привычек у ребенка формируется нравственный мотив к деятельности, согласованной с разумом.

Следовательно, на Человека возложена обязанность развить в себе и таланты, и восприимчивость, и способность передачи культуры, так как он воспитывает больше личным примером, нежели словом. Педагогика духа должна отныне прояснять педагогику вещей, а специальная организация воспитания обязана быть сильнее воспитывающего влияния среды в целом.

Эта этическая формула всеобщего счастья (счастья для как можно большего числа людей) дополнилась *принципом самоценности каждой личности* – признанием за человеком его собственного достоинства. Поскольку человек – цель, а не средство для блага других, то в педагогической практике воспитатель не должен проявлять особой симпатии и пристрастия к кому-либо из учеников, иначе нравственный закон перестает быть всеобщим.

Таким образом, оптимизм – это мировоззрение, которое имеет целью преобразовать жизнь человека и развить его способность самому влиять на обстоятельства своей жизни так, чтобы двигаться по пути самосовершенствования. Этой же цели придерживалась жизнеутверждающая педагогика А. С. Макаренко. В его концепции «завтрашней радости» можно выделить сразу несколько принципов. Один из них – увлечение перспективами. Ту сферу деятельности, в которой воспитанник наиболее ярко проявляет себя, надо умело задействовать для его духовного подъема. Осознание ребенком своего успеха и ожидание перспектив его развития является духовным источником нравственного достоинства и моральной стойкости. А. С. Макаренко знал, что ребенок, как человек далеко не беспорочный в жизни, все же может и способен поставить себе цель, наметить «оптимистические перспективы» и стремиться к своему «прекрасному завтра». Другой принцип объединяет требовательность и уважение. Принцип требовательной любви: «Чем больше уважения к человеку, тем больше требовательности к нему»; «Мы не можем требовать с человека, если мы его не уважаем» [3, с. 534]. Принцип предполагает учет сил тех, кто учится, а потому снимает в образовательном процессе противоречие между педагогическими требованиями и ученическими возможностями: ученики, которые легко справляются с требованиями учителя, учатся без страха.

Итак, оптимизм – это позитивный способ мышления, эмоционального реагирования и действия, которому можно обучить: выявляя сильные стороны личности и опираясь на них, воспитывая дисциплину, побуждая изживать иждивенческие наклонности на основе требовательности; анализируя причины неудач и осознавая собственную ценность в приложении усилий к устранению учебных трудностей.

Таким образом, подтверждается мысль, которую высказывают многие философы, о том, что каждый должен строить жизнь по собственному

сценарию, управлять ею и быть ответственным за успехи, справляться с неудачами, самостоятельно решать возникающие проблемы, должен осознавать, что без проявления инициативы и воли к жизни он окажется беззащитным в дисгармоничном обществе. Именно оптимизм играет большую роль в обучении, так как придает уверенности ребенку в преодолении им учебных трудностей. Мы выражаем искреннюю надежду, что принципы, о которых рассказано в этой статье, помогут в его воспитании.

Список литературы

1. Зелигман М. Как научиться оптимизму. – М: Вече, 1997. – 432 с.
2. Кант И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме // Сочинения: в 6 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1964. – С. 39–48.
3. Макаренко А. С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. – М.: Правда, 1987. – 576 с.

References

1. Seligman M. Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life [*Kak nauchitsya optimizmu*]. Moscow: Veche, 1997, 432 p.
2. Kant I. An Attempt at Some Reflections on Optimism [*Opyt nekotorykh rassuzhdeniy ob optimizme*]. *Sochineniya: v 6 t. T. 2* (Works: in 6 vol. Vol. 2). Moscow: Mysl, 1964, pp. 39–48.
3. Makarenko A. S. Collected Works: in 4 vol. Vol. 4 [*Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 4*]. Moscow: Pravda, 1987, 576 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 81'33

Динамика тем русских рассказов начала XX века*

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-29-09173 офи_м «Русский язык на рубеже радикальных исторических перемен: исследование языка и стиля предреволюционной, революционной и постреволюционной художественной прозы методами математической и компьютерной лингвистики (на материале русского рассказа)».

Скребцова Татьяна Георгиевна – Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра математической лингвистики, доцент, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: t.skrebtsova@spbu.ru

SPIN: 1500-6308,

ORCID: 0000-0002-7825-1120,

Researcher ID: O-9659-2014

Авторское резюме

Состояние вопроса: Настоящая работа является частью комплексного исследования в рамках продолжающегося проекта «Корпус русских рассказов (1900–1930)». Проект включает создание электронного текстового корпуса, содержащего тысячи русских рассказов, написанных в первые три десятилетия XX века, и их дальнейший анализ с тематической, композиционной и лингвистической точек зрения. Выбор данного периода обусловлен тем, что в истории нашей страны он был отмечен бурными событиями, приведшими к радикальному изменению государственного строя и построению нового общества. Особый интерес представляет то, как эти изменения отразились в художественной литературе тех лет, как они повлияли на язык и стиль эпохи. Анализ материала показывает, что на протяжении указанного периода существенные изменения наблюдаются и в тематике, и в композиционном строении русского рассказа, и в его языке. Это обуславливает необходимость динамического подхода. В настоящей статье он применяется к анализу тематических особенностей русских рассказов (1900–1930).

Цель: Целью работы является обоснование научного подхода к понятию темы художественного произведения, формирование списка тем, характерных для рассказов указанного периода, приписывание соответствующих тем конкретным рассказам из выборки (тематическое аннотирование, или

* © Т. Г. Скребцова, 2020.

тематическая разметка) и количественный анализ динамики каждой темы по трем периодам (1900–1913; 1914–1922; 1923–1930).

Результаты: Тематическое содержание русских рассказов в мирные годы до Первой мировой войны, военно-революционную эпоху и период после окончания Гражданской войны сильно различается. Большинство тем показывает ярко выраженную динамику, обусловленную (прямо или опосредованно) характером общественно-политической ситуации. Перспективы дальнейшей работы по тематическому аннотированию Корпуса русских рассказов связаны с разработкой и апробацией процедур автоматической разметки, опирающихся на частотный анализ лексики рассказов и корреляции между ранговым распределением знаменательных слов и тематикой рассказа.

Ключевые слова: электронный корпус текстов; русский рассказ; тематическая разметка.

Early 20 Century Russian Short Stories Themes and Their Dynamics of Change

Skrebtsova Tatiana Georgievna – Saint Petersburg State University, Department of Mathematical Linguistics, Associate Professor, PhD (Philology), Saint Petersburg, Russia.

Email: t.skrebtsova@spbu.ru

Abstract

Background: The present study is part of an ongoing research project in the framework of the *Russian short stories corpus (1900–1930)*. The corpus currently contains a few thousands of Russian short stories written in the initial three decades of the 20th century. This particular period is targeted because it was marked by a series of dramatic historical events (Russo-Japanese war, World War I, February and October revolutions, the Civil War, formation of the Soviet Union) that could not but affect Russian literature and Russian language. A preliminary analysis of the short stories in question has shown significant changes in all the three constituents of a genre, namely themes, plot structure and language style. This calls for a dynamic approach. In the present paper, it is applied to the stories' thematic content.

Aim: The paper aims to trace the ways the thematic content of Russian short stories kept changing over the above-mentioned period. It discusses a number of controversial issues pertaining to the very notion of text topic, or theme, which is argued to be fuzzy and ambivalent, all the more so in the case of literary prose. A conception is put forward that enables to identify a set of relevant themes, tag a random sample of short stories accordingly and analyze each theme's dynamics of change over the three timespans: pre-war time (1900–1913), wars and revolutions period (1914–1922), and the socialist period (1923–1930).

Results: The thematic content of the Russian short stories over the three periods differs greatly. Most themes display an obvious dynamics of change triggered, more or less directly, by the political events. The future prospects of the

Corpus' thematic tagging lie in developing automatic tagging algorithms based on word frequencies analysis and correlations between content words rankings and the stories' themes.

Keywords: electronic text corpus; Russian short stories; thematic tagging.

1 О проекте «Корпус русских рассказов (1900–1930)»

Настоящее исследование является частью масштабного проекта, направленного на изучение изменений, которые происходили в русском языке в первую треть XX века, – возможно, самый драматический период его развития. Любая переломная эпоха меняет привычный жизненный уклад и сложившиеся социальные отношения, приводит к трансформации стереотипов поведения и общей системы ценностей, что не может не влиять на язык.

Цепь исторических событий, охватывающих Первую мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революцию и Гражданскую войну, обусловила масштабные языковые и стилистические сдвиги. Огромный пласт «отжившей» лексики сменился новыми словами, отражающими новые понятия и идеи, многие слова «из прошлой эпохи» приобрели новые значения или коннотации, произошла трансформация общепринятых речевых структур (в частности, поменялись функциональные частоты многих лексических единиц, сменился набор привычных коллокаций, появились новые синтаксические обороты и т. д.). Помимо «естественного» процесса резких языковых изменений, неизбежно сопровождающих любой переломный период, следует отметить и сознательные действия новой власти, направленные на изменение языковых норм, с тем чтобы еще более размежеваться с уходящей эпохой и подчинить языковую политику государства решению новых актуальных задач.

Часть языковых сдвигов, происходивших в революционное время под влиянием комплекса разных факторов, заметна «невооруженным глазом», другие изменения носят более латентный характер. Для осознания масштаба тех и других необходим анализ представительного объема языкового материала и сравнение разных хронологических срезов в динамическом аспекте с применением строгих количественных методов.

С этой целью создан Корпус русских рассказов первых трех десятилетий XX века, насчитывающий несколько тысяч единиц [см.: 1; 2]. Выбор жанра рассказа для изучения языковых и стилистических изменений обусловлен тем, что он принадлежит к числу наиболее распространенных жанров художественной литературы. Это позволяет охватить тексты максимального числа авторов, писавших в исследуемую эпоху – не только ведущих, но и множества второстепенных, – что способствует репрезентативности коллекции и достоверности выводов. Другая причина выбора именно этого литературного жанра связана со способностью рассказов, в силу своего небольшого объема и предназначенности (как правило) для публикации в периодических изданиях, чутко реагировать на текущие события и улавливать изменения в общественном сознании.

Историческим центром рассматриваемой эпохи, ее переломом, является Октябрьская революция. Все остальные события и процессы рассматриваются или как преддверие центрального события, или как его последствия. Материалы Корпуса соответственно делятся на три временных среза:

- 1) начало XX века до Первой мировой войны (1900–1913),
- 2) военно-революционные годы: Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революция и Гражданская война (1914–1922),
- 3) постреволюционные годы (1923–1930).

Писатель может быть представлен одним рассказом в каждый временной отрезок. В Корпус не включаются рассказы, написанные в эмиграции: так, покинувший Россию в 1920 г. И. А. Бунин представлен одним рассказом за предреволюционный период и еще одним – за революционный период.

Выборка из Корпуса объемом в 310 рассказов (приблизительно по 100 на каждый период) служит своеобразным полигоном для многоаспектного изучения материала [см. напр.: 3–5]. Несмотря на то, что основной упор делается на исследование динамики языковых изменений, мы считаем нужным рассматривать ее с учетом тематических и композиционных особенностей, то есть осуществлять комплексный анализ рассказов начала XX века как речевого жанра [ср.: 6, с. 255]. Настоящая статья посвящена исследованию динамики изменений тематической составляющей русских рассказов.

2 Принципы тематической разметки

Тематическое аннотирование является неотъемлемой частью любой крупной коллекции текстов, будь то библиотека (материальная или виртуальная) или электронный корпус. К примеру, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) нехудожественные тексты аннотируются метками, указывающими на сферу человеческой деятельности (*политика, экономика, искусство, спорт, наука, религия* и пр.). Конечно, это дает лишь весьма грубое разбиение. Однако с аннотированием художественных текстов в НКРЯ дело обстоит хуже: они снабжены исключительно информацией, касающейся их жанра и хронотопа.

Это неслучайно: тема дискурса вообще (а тем более тема художественного произведения) остается понятием весьма неопределенным, допускающим различные интерпретации. На протяжении по меньшей мере полувека исследователи (в рамках лингвистики текста, анализа дискурса, прикладной и компьютерной лингвистики) обсуждают сущность этого понятия. Можно ли тему сформулировать именной группой (напр. *роман о любви, рассказ о войне* и т. д.) или это должна быть пропозиция, как было первоначально заявлено в [7, р. 338], а позже утверждалось в ранних работах Т. А. Ван Дейка [см. напр.: 8; 9]? Может ли у текста быть несколько тем (скажем, *любовь + война + смерть*)? Возможно ли их ранжировать в терминах «главная – второстепенные» или «глобальная – локальные» (что уместно, например, в научном дискурсе)? Должна ли тема непременно проявляться соответствующими лексическими показателями (например, тема бедственного материального положения – словами *нищета, бедный, голодать, нуждаться*,

деньги и т. п.)? Как тогда быть с невыраженными, имплицитными, смыслами, доля которых в художественном произведении может быть весьма высока? Все эти вопросы давно вышли за рамки чистой теории: рост объема текстовой информации в интернете требует разработки автоматических процедур хотя бы грубой тематической разметки.

Не претендуя на то, чтобы предложить универсальное решение всех этих проблем, сформулируем собственный подход к пониманию темы и принципов аннотирования нашего материала. Мы исходим из того, что тема рассказа – это семантический компонент, который задает общий событийный контекст произведения, непосредственно определяет мотивы и поступки главного(-ых) героя(-ев) и обуславливает движение сюжета от завязки к кульминации и развязке. Тема выражается именной группой (например, *жизнь крестьян, Гражданская война, любовь, предательство, самоубийство, ревность, одиночество, муки совести*), набором слов или словосочетаний узкой лексико-семантической группы (ср. *нищета, голод, лишения; серые будни, скука*) или парой антонимов (ср. *богатство – бедность; старое – новое*).

Тематическое содержание рассказа можно представить в виде совокупности подобных тем, которые по существу являются аналогом ключевых слов [ср.: 10; 11]. Можно также провести параллель с методом компонентного анализа лексики; важное отличие, однако, состоит в том, что компонентный анализ стремится разложить семантическое содержание слова на семы без остатка. Очевидно, что это невозможно сделать применительно к содержанию художественного произведения. Выделяются лишь основные семантические компоненты, определяющие его сюжет.

Тематическая разметка выборки из Корпуса объемом 310 рассказов осуществлялась вручную. При формировании общего набора тем мы шли «снизу вверх», от материала. По мере роста числа размеченных рассказов, перехода от одного периода к другому список тем корректировался. В настоящее время он насчитывает около 80 тем. Предполагается, что полученные данные можно будет использовать в дальнейшем для разработки и тестирования автоматических процедур аннотирования.

3 Темы русских рассказов и их динамика

3.1 Политические темы: войны и революции

История России начала XX века изобилует крупными, судьбоносными вехами, в конечном итоге приведшими к коренному перевороту в жизни страны. Позорное поражение в русско-японской войне, массовые народные волнения в 1905–1907 гг., обострение политической борьбы, Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война не могли не найти отражение в художественной литературе. Эти исторические события часто выступают в качестве фона, на котором разворачивается сюжет произведения (в более привычных терминах этот компонент нарратива называется обстановкой).

Мы рассматриваем его в качестве темы, если он вносит существенный вклад в сюжет рассказа. Именно так обстоит дело с военными темами. В то же

время в выборке не обнаружено рассказов, специально посвященных Февральской революции. Что касается Октябрьской революции, соответствующая метка приписана лишь трем рассказам, где это событие составляет неотъемлемую часть сюжета. При этом обе революции выступают в качестве исторического контекста для многих рассказов второго периода и подавляющего большинства рассказов третьего периода, в том смысле что описываемые в них события не могли бы иметь места, если бы не произошли эти революции. Но этого недостаточно, чтобы считать их темами соответствующих произведений.

В таблице 1 показана динамика политических тем за три периода. Можно видеть, что вступление России в Первую мировую войну и последующие революционные события практически вытеснили память о русско-японской войне. Последовательный спад наблюдается и в числе рассказов, посвященных политической борьбе до революции (баррикады, тюремное заключение, ссылка, каторга и пр.) и массовым выступлениям (забастовки, крестьянские волнения, мятежи в армии и на флоте). В свою очередь, Первая мировая война, являющаяся темой 1/5 рассказов второго периода, резко теряет актуальность на фоне последующих революционных событий и уже практически не вспоминается по завершении Гражданской войны.

Таблица 1 – Политические темы

Темы	1900–1913	1914–1922	1923–1930
Русско-японская война	3*	1	0
Предреволюционная смута, волнения	7	3	0
Политическая борьба	12	6	5
Первая мировая война	0	21	1
Октябрьская революция	0	2	1
Гражданская война	0	12	24
Смерть на войне	6	13	5
Казнь, расстрел	3	5	8

* Здесь и во всех последующих таблицах цифры обозначают число рассказов, затрагивающих ту или иную тему. Однако поскольку число рассказов за каждый период близко к 100 (100 за первый период, 107 за второй и 103 за третий), приведенные цифры практически совпадают с процентным содержанием.

Тема Гражданской войны, наоборот, в мирный период усиливается. Здесь важно подчеркнуть, что в художественной литературе крупные политические события нередко затрагиваются спустя много лет (десятилетий, столетий) после их окончания. Чем значительнее событие, тем сильнее подобный «отсроченный эффект». В долгосрочной перспективе значение Первой мировой войны для России померкло на фоне революций 1917 г. Напротив, победа Красной армии в Гражданской войне знаменовала окончательную победу нового строя, что обусловило важность данной темы для многих поколений писателей (а также режиссеров, художников и пр.).

В рассматриваемую группу входят также темы «смерть на войне», пик которой приходится на рассказы второго периода, и «казнь, расстрел», которая идет по нарастающей в связи с обострением классово-борьбы.

3.2 Экономическое развитие и социальные проекты

Присутствие в рассказах тематики, касающейся экономического и социального развития страны, особенно заметно в постреволюционный период (таблица 2). Единственным исключением можно считать тему освоения новых земель, связанную со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и массовым переселением крестьян за Урал на рубеже XIX и XX веков. Активное развитие сети железных дорог, прерванное в военнореволюционный период, было возобновлено в мирное время и стало важной составляющей технического развития страны на пути к индустриализации.

Таблица 2 – Экономические и социальные темы

Темы	1900–1913	1914–1922	1923–1930
Освоение новых земель	3	0	0
Технический прогресс	1	0	6
Открытия и изобретения	1	1	5
Просвещение масс	0	0	3
Женская эмансипация	2	3	7
Новый социальный порядок	1	9	38
Старое – новое	1	1	17
Светлое будущее	3	0	5
Молодежь как строители нового мира	2	4	9

Тема открытий и изобретений, усилившаяся в рассказах постреволюционного периода, в подавляющем большинстве случаев воплощается в духе научной фантастики (четвертое измерение, машина времени, человек-невидимка, параллельная Вселенная, полет на Марс и пр.). Весьма вероятно, сказывается литературное влияние Г. Уэллса. Единственное произведение, где эта тема трактуется реалистично, – это рассказ А. Платонова «Родина электричества» (1926).

Из всех тем за все периоды наиболее высокий показатель имеет та, что связана с новым социальным порядком (включающим новый быт и новые общественные отношения). Рост начинается сразу после революций 1917 г. и

достигает наивысшего значения после окончания Гражданской войны. Во многих рассказах этой поры новый порядок противопоставляется старому.

Воспевание завоеваний Октябрьской революции нередко сопровождается оптимистическим взглядом в будущее. Тема светлого будущего, впрочем, присутствует и в рассказах первого периода (в военно-революционное время она не звучала, что вполне понятно). Но если в произведениях начала XX века она носит общегуманистический характер, то в 1920-е гг. ее трактовка становится весьма узкой и конкретной, идеологически ангажированной. Параллельно наблюдается рост темы молодых людей – романтиков, активных строителей этого светлого будущего.

Политика большевиков в области образования и культуры нашла свое отражение в рассказах, затрагивающих темы просвещения масс и женской эмансипации. Последняя, впрочем, присутствует и в произведениях предшествующих периодов, хотя и в заметно меньшем масштабе.

Изменившийся политический строй затронул всех и каждого, необратимо изменив уклад жизни (таблица 3). Прекратил существовать распространенный среди городских жителей обычай переезжать на летнее время в собственное загородное имение или на съемную дачу. С началом Первой мировой войны оппозиция города и деревни (где первый, как правило, оценивался негативно, а вторая описывалась в идиллически-восторженном ключе) фактически сошла на нет. Герои литературных произведений, как и реальные люди той эпохи, теперь постоянно живут либо в городе, либо в деревне.

Таблица 3 – Труд и образ жизни

Темы	1900–1913	1914–1922	1923–1930
Город – деревня	9	2	2
Жизнь крестьян	3	2	24
Земля как собственность	1	2	3
Некрестьянский труд	4	4	11
Рабочий класс	1	2	2
Жизнь на природе	4	3	12
Животные	4	4	13

Почти четверть всех рассказов третьего периода посвящена крестьянской жизни и труду. Это неудивительно: преобразования на селе перевернули сами основы крестьянской жизни. В некоторых рассказах особо затрагивается тема частной собственности на землю, отмененной одним из первых декретов Советской власти. Трудовые отношения в произведениях этого периода представлены гораздо более разнообразно, чем в предшествующие годы. Помимо работы на селе, герои заняты на фабрике, заводе, нефтедобывающем промысле, трудятся инженером, врачом, почтальоном, библиотекарем и пр.

Примечательно увеличение в постреволюционный период числа рассказов про жизнь на природе, в том числе охоту и животных. Вполне возможно, что это проявление «внутренней эмиграции» писателей той поры.

Материальное положение народа в эпоху войн и революций катастрофически ухудшилось: экономика страны была разрушена, люди массово умирали от голода и эпидемий. Это не могло не отразиться на числе рассказов, затрагивающих эту тему (таблица 4). В то же время в рассказах второго и третьего периодов снижается тема денег, противопоставления богатства и бедности – по-видимому, в силу того, что в стране чем дальше, тем все меньше оставалось богатых людей и свободных денег, которые к тому же быстро обесценивались в нестабильное время.

Таблица 4 – Материальные аспекты жизни

Темы	1900–1913	1914–1922	1923–1930
Нищета, голод, лишения	9	12	14
Богатство – бедность; деньги	12	8	9
Пьянство	5	3	1
Смерть от естественных причин	10	6	6
Самоубийство	6	8	4
Серые будни, скука	12	7	11

Можно предположить, что причиной последовательного снижения частотности темы пьянства был сухой закон, введенный в Российской империи в 1914 г. и полностью отмененный лишь в 1925 г. (хотя некоторые послабления начали вводиться начиная с 1920 г.).

В военно-революционный период темы смерти на войне (таблица 1) и самоубийства заслонили тему смерти от естественных причин. Интересно, что есть и другие, семантически весьма далекие, темы, динамика которых также может служить индикатором бурных периодов войн и революций. Одна из них – это тема скуки (некоторые другие будут упомянуты ниже). В эпоху катаклизмов люди не жалуются на монотонные серые будни.

3.3 Личные темы

Темы, связанные с частной жизнью героев, уступают под натиском общественно-политической повестки: на протяжении революционного и постреволюционного периодов наблюдается последовательное снижение числа рассказов про любовь, отношения между супругами, а также родителями и детьми (таблица 5). Примечательно на этом фоне увеличение внимания к теме обоюдной плотской любви и шире – к жизни плоти (включая половое влечение, адюльтер, плотскую страсть), что отчасти объясняется политикой большевиков

в области семейно-брачных отношений в первые годы Советской власти. Заметен небольшой рост темы изнасилования. Тема проституции, напротив, идет на спад и, вслед за официальным запретом в постреволюционную эпоху, падает до нуля.

Таблица 5 – Семейная и личная жизнь

Темы	1900–1913	1914–1922	1923–1930
Влюбленность	22	19	17
Безответная любовь	1	2	1
Брак	28	12	13
Супружеская измена	14	7	6
Ревность	10	9	8
Дети	17	14	11
Родительская любовь	8	6	4
Обоюдная (плотская) любовь мужчины и женщины	6	2	9
Жизнь плоти	3	11	14
Изнасилование	1	3	3
Проституция	4	2	0

Антирелигиозная политика Советского государства, направленная на искоренение религии и Православной церкви, нашла свое отражение в резком снижении темы «христианский Бог» (включающей такие аспекты, как знамения, святые, икона, вера, грех, и даже черт) в постреволюционный период (таблица 6). По сравнению с периодом войн и революций, когда частотность этой темы заметно возросла, произошел спад в 4 раза. Динамика данной темы вполне закономерна и понятна.

Таблица 6 – Бог и религия

Темы	1900–1913	1914–1922	1923–1930
Христианский Бог	10	16	4
Религия как социальный институт	3	7	7

Иначе обстоит дело с темой религии как социального института. Вопреки ожиданиям, ее частотность не снижается в постреволюционный период. Это тот случай, когда сугубо количественные оценки не могут служить индикатором существенных изменений: требуется интерпретация контекста, в котором происходит обращение к этой теме.

Анализ произведений третьего периода позволяет выявить две новые тенденции. Во-первых, появляются произведения, связанные не только с православной религией, но и другими вероисповеданиями – иудаистским в рассказе И. Бабеля «Карл-Янкель» (1930), буддийским в рассказе И. Новокшенова «В степи» (1928), а также с актуальным для того времени движением обновленчества в рассказе М. Волкова «Пролом» (1930). Во-вторых, религия подвергается обязательному осуждению и осмеянию: это трудно представить для дореволюционных печатных произведений, но после окончания Гражданской войны иначе и быть не могло.

Показательно резкое увеличение во второй период числа рассказов, посвященных темам дружбы, братства и солидарности (таблица 7): в тяжелые времена особое значение приобретают понятия взаимовыручки, готовности прийти на помощь. Обратную динамику показывает тема мести, снижаясь до нуля в военно-революционную эпоху, а затем, с усилением классовой борьбы, возрастая. Темы обмана, предательства, жадности и зависти не демонстрируют существенных изменений на протяжении всей рассматриваемой эпохи. Характерен рост в послереволюционное время числа рассказов, одним из главных героев которых является мудрый учитель, руководитель, наставник – в советское время этому виду отношений в профессиональной и идеологической сферах уделялось особое внимание.

Таблица 7 – Межличностные отношения

Темы	1900–1913	1914–1922	1923–1930
Братство, солидарность	5	14	11
Дружба	2	5	3
Мудрый учитель, руководитель	1	4	5
Соперничество	1	3	3
Зависть	1	1	2
Жадность	1	1	2
Обман	6	6	5
Предательство	0	7	7
Мечь	4	0	5

Динамика частотности тем, связанных с внутренней жизнью человека (таблица 8), как представляется, может быть сведена к действию двух основных факторов. Первый (внешний) связан с политикой советской власти, направленной на упразднение благотворительности, милосердия, христианской морали как явлений, присущих буржуазному обществу. Соответственно, практически до нуля падает число произведений, затрагивающих темы, связанные со стремлением прийти на помощь, самопожертвованием, благородными и великодушными поступками, духовным очищением, прощением.

Второй фактор уже упоминался выше, в связи с темой скуки. Народу, измученному войнами и лишениями, вынужденному тяжело работать ради куска хлеба, было не до того, чтобы мучиться одиночеством, предаваться размышлениям о снах, видениях и предчувствиях. В военное время, однако, на фоне тревоги за судьбы близких эти темы усиливаются. Прочие темы не показывают выраженной динамики.

Таблица 8 – Внутренняя жизнь

Темы	1900–1913	1914–1922	1923–1930
Стремление приносить пользу, помогать; благотворительность	4	2	0
Благородство, великодушие, самопожертвование	8	5	1
Духовное перерождение, очищение, прощение	2	6	2
Одиночество	7	8	3
Мистика, видения, предчувствия	9	12	5
Сны (фантазии, бред) – явь	9	9	4
Крах мечты, ложные надежды, разочарование	9	1	1
Сумасшествие	4	2	2
Стыд	1	1	0
Муки совести	1	1	1
Жажда жизни	1	1	1

Заключение

Представленная выше динамика тем по периодам позволяет выявить ряд факторов, влияющих на содержание литературных произведений. Один из них (сугубо внешний, исторический) вполне понятен: подавляющее большинство рассказов отражает жизнь соответствующей эпохи в совокупности ее политических, экономических, социальных аспектов. Соответственно, в них поднимаются такие темы, как *смерть на войне; освоение новых земель; новый социальный порядок; нищета, голод, разруха* и т. д.

Как уже отмечалось, обращение писателей к крупным, переломным событиям в истории страны может происходить не только в их непосредственном контексте, но и позднее. Подобный отсроченный эффект

характерен скорее для произведений более крупной формы, чем рассказ; тем не менее его можно наблюдать и на нашем материале постреволюционного периода, где почти в четверти рассказов затрагивается тема уже закончившейся к тому времени Гражданской войны.

Есть и другие, не столь очевидные моменты, влияющие на содержание художественных произведений. Похоже, что некоторые темы (такие как *брак; супружеская измена; дети; родительская любовь; скука; крах мечты, ложные надежды, разочарование*) более типичны для мирного благополучного времени, чем для напряженных драматичных периодов в истории страны, будь то война или послевоенная разруха. В тяжелые времена они вытесняются актуальной общественно-политической повесткой.

Ряд тем достигают пика во время войны, а с наступлением мира идут на спад, ср. *Бог; братство, солидарность; мистика, видения, предчувствия; духовное очищение, перерождение, прощение*. Есть искушение объяснить их динамику именно этим фактором, связанным с тревожным временем, опасностью, угрозами для жизни, обостренным мировосприятием, волнением за близких. Сложность, однако, состоит в том, что формального разграничения между военным и мирным временем (или благополучным и неблагополучным – см. выше) недостаточно, так как каждый период характеризуется вполне определенной исторической спецификой. Так, мирное время третьего периода коренным образом отличается от мирного времени первого, довоенного периода, и падение частотности тем, связанных с Богом и христианской моралью, происходит не только (и не столько) из-за окончания войны, но и вследствие антирелигиозной политики новой власти. Указанные факторы тесно переплетены, и разделить их невозможно.

Перспективы дальнейшей работы по тематическому аннотированию Корпуса русских рассказов связаны с разработкой и апробацией процедур автоматической разметки. Первый шаг к решению этой задачи состоит в соотнесении каждой темы с соответствующими лексико-семантическими группами и анализе корреляций между частотой встречаемости соответствующих лексем и тематикой рассказов. Можно предположить, что не все темы будут эксплицитно выражаться посредством определенных слов, и в этом смысле возможности алгоритма автоматической разметки будут довольно ограниченными. Хочется надеяться, однако, что за счет автоматизации процесса удастся классифицировать собранный материал хотя бы в первом, самом грубом приближении.

Частотное распределение лексики рассказов по периодам имеет самостоятельную ценность, позволяя судить о характере эпохи. Так, анализ верхних рангов знаменательных слов предреволюционного периода [см.: 4] уже показал интересные результаты как в сопоставлении с частотными словарями языка отдельных писателей [см.: 12–15], так и в сравнении с материалами НКРЯ, датированными началом XXI века. Мы предполагаем продолжить эту работу, сравнивая между собой верхние ранги знаменательных слов по рассказам всех трех периодов, и надеемся, что полученные частотные

распределения позволят выявить не только типичные слова, но и характерные темы каждой эпохи.

Список литературы

1. Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Мельник А. Г., Попова Т. И. Методологические проблемы создания Компьютерной антологии русского рассказа как языкового ресурса для исследования языка и стиля русской художественной прозы в эпоху революционных перемен (первой трети XX века) // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 2.: Труды XXI Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2018, Санкт-Петербург, 30 мая – 2 июня 2018 г. – СПб.: ИТМО, 2018. – С. 97–102.

2. Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Мельник А. Г., Попова Т. И., Замирайлова Е. В. О принципах создания корпуса русского рассказа первой трети XX века // XV Международная конференция по компьютерной и когнитивной лингвистике «TEL 2018»: Сб. статей. – Казань: Академия наук РТ. – 2018, – С. 180–197.

3. Martynenko G., Sherstinova T. Emotional Waves of a Plot in Literary Texts: New Approaches for Investigation of the Dynamics in Digital Culture // Digital Transformation and Global Society. Communications in Computer and Information Science. – 2018. – № 859. – Pp. 299–309. DOI: 10.1007/978-3-030-02846-6_24

4. Гребенников А. О., Скребцова Т. Г. Языковая картина мира в русском рассказе начала XX века // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2019. – № 3. – С. 82–92. – URL: <http://fikio.ru/?p=3668> (дата обращения 28.08.2020).

5. Скребцова Т. Г. Структура нарратива в русском рассказе начала XX века // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика-2019». – СПб.: СПбГУ, 2019. – С. 426–431.

6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–296.

7. Keenan E. O., Schieffelin B. Topic as a Discourse Notion // C. Li (ed.). Subject and Topic. – New York: Academic Press, 1976. – Pp. 335–384.

8. Дейк Т. А. ван. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 111–160.

9. Дейк Т. А. ван. Структура новостей в прессе // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 228–267.

10. Watson Todd R. Analysing Discourse Topics and Topic Keywords // Semiotica. – 2011. – № 184. – Pp. 251–270. DOI: 10.1515/semi.2011.029.

11. Watson Todd R. Discourse Topics. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016. – 304 p. DOI: 10.1075/pbns.269

12. Частотный словарь рассказов А. П. Чехова / Авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 172 с.

13. Частотный словарь рассказов Л. Н. Андреева / Авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 396 с.

14. Частотный словарь рассказов А. И. Куприна / Авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 551 с.
15. Частотный словарь рассказов И. А. Бунина / Авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 296 с.

References

1. Martynenko G. Ya., Sherstinova T. Yu., Melnik A. G., Popova T. I. Methodological Problems of Creating a Computer Anthology of the Russian Story as a Language Resource for the Study of the Language and Style of Russian Artistic Prose in the Era of Revolutionary Changes (First Third of the 20th Century) [Metodologicheskie problemy sozdaniya Kompyuternoy antologii russkogo rasskaza kak yazykovogo resursa dlya issledovaniya yazyka i stilya russkoy khudozhestvennoy prozy v ehpokhu revolyucionnykh peremen (pervoy treti XX veka)]. *Kompyuternaya lingvistika i vychislitelnye ontologii. Vyp. 2.: Trudy XXI Mezhdunarodnoy obedinennoy konferentsii "Internet i sovremennoe obschestvo", IMS-2018, St. Petersburg, 30.05–02.06.2018* (Computational Linguistics and Computational Ontologies, issue 2: Proceedings of the XXI International United Conference "The Internet and Modern Society", IMS-2018, St. Petersburg, May 30 – June 2, 2018), St. Petersburg: ITMO, 2018, pp. 99–104.
2. Martynenko G. Ya., Sherstinova T. Yu., Popova T. I., Melnik A. G., Zamiraylova E. V. On the Principles of Creation of the Russian Short Stories Corpus of the First Third of the 20th Century [O printsipakh sozdaniya korpusa russkogo rasskaza pervoy treti XX veka]. *XV Mezhdunarodnaya konferentsiya po kompyuternoy i kognitivnoy lingvistike "TEL 2018": Sbornik statey* (Proceedings of the XV International Conference on Computer and Cognitive Linguistics "TEL 2018"), Kazan: Akademiya nauk RT, 2018, pp. 180–197.
3. Martynenko G., Sherstinova T. Emotional Waves of a Plot in Literary Texts: New Approaches for Investigation of the Dynamics in Digital Culture. *Digital Transformation and Global Society. Communications in Computer and Information Science*, vol. 859, 2018, pp. 299–309. DOI: 10.1007/978-3-030-02846-6_24
4. Grebennikov A. O., Skrebtsova T. G. World through the Prism of Early XX-Century Russian Short Stories [Yazykovaya kartina mira v russkom rasskaze nachala XX veka]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2019, no. 3, pp. 82–92. Available at: <http://fikio.ru/?p=3668> (accessed 28 August 2020).
5. Skrebtsova T. G. Narrative Structure of the Russian Short Stories in the Early 20 Century [Struktura narrativa v russkom rasskaze nachala XX veka]. *Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii "Korpusnaya lingvistika-2019"* (Proceedings of the International Conference 'Corpus Linguistics-2019'), St. Petersburg: SPbGU, 2019, pp. 426–431.
6. Bakhtin M. M. The Problem of Speech Genres [Problema rechevykh zhanrov]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (The Aesthetics of Verbal Creation). Moscow: Iskusstvo, 1986, pp. 250–296.
7. Keenan E. O., Schieffelin B. Topic as a Discourse Notion. *C. Li (ed.). Subject and Topic*. New York: Academic Press, 1976, pp. 335–384.

8. Dijk T. A. van. The Analysis of News as Discourse [Analiz novostey kak diskursa]. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* (Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress, 1989, pp. 111–160.

9. Dijk T. A. van. Structures of International News [Struktura novostey v presse]. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* (Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress, 1989, pp. 228–267.

10. Watson Todd R. Analysing Discourse Topics and Topic Keywords. *Semiotica*, 2011, vol. 184, pp. 251–270. DOI: 10.1515/semi.2011.029.

11. Watson Todd R. Discourse Topics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016, 304 p. DOI: 10.1075/pbns.269

12. Grebennikov A. O., Martynenko G. Ya. (Eds.) Frequency Dictionary of the Short Stories by Anton P. Chekhov [*Chastotnyy slovar rasskazov A. P. Chekhova*]. St. Petersburg: SPbGU, 1999, 172 p.

13. Grebennikov A. O., Martynenko G. Ya. (Eds.) Frequency Dictionary of the Short Stories by Leonid N. Andreev [*Chastotnyy slovar rasskazov L. N. Andreeva*]. St. Petersburg: SPbGU, 2003, 396 p.

14. Grebennikov A. O., Martynenko G. Ya. (Eds.) Frequency Dictionary of the Short Stories by Alexander I. Kuprin [*Chastotnyy slovar rasskazov A. I. Kuprina*]. St. Petersburg: SPbGU, 2006, 551 p.

15. Grebennikov A. O., Martynenko G. Ya. (Eds.) Frequency Dictionary of the Short Stories by Ivan A. Bunin [*Chastotnyy slovar rasskazov I. A. Bunina*]. St. Petersburg: SPbGU, 2011, 296 p.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 130.3; 316.62; 316.77

Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга)*

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код “soft power” как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

Франц Валерия Андреевна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Школы государственного управления и предпринимательства, кандидат политических наук, доцент, Екатеринбург, Россия.

Email: val-franc@yandex.ru
SPIN: 8262-8784.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Теоретические аспекты распространения протестных настроений и действий в среде городской молодежи к настоящему моменту рассмотрены достаточно глубоко и разносторонне как в российской, так и в зарубежной науке. Изучены основные факторы и причины возникновения социально-политических протестных настроений и действий и сформулированы соответствующие теории – коллективного действия, относительной депривации, мобилизации ресурсов и т. п. Предложены классификации видов и пространств реализации протестной активности. Активно проводятся также эмпирические исследования в данной области, в частности, касающиеся коммуникационного аспекта социально-политического протеста. Однако через призму концепции когнитивного кода распространение протестных настроений рассматривается впервые.

Результаты: В качестве инструментов эмпирического исследования нами были использованы опрос молодежи Екатеринбурга и экспертные интервью. Результаты исследований позволили выявить общее социальное самочувствие молодежи Екатеринбурга; степень распространения в ее среде протестных настроений, характер этих настроений и потенциал их трансформации в протестные действия; причины распространения протестных настроений и предпочтения екатеринбургской молодежи в отношении разных форм реализации протестной активности; предпочитаемые каналы потребления информации о социально-политической ситуации в России, а также каналы и

* © В. А. Франц, 2020.

формы выражения и распространения протестных настроений; существующие в массовом сознании молодежи когнитивные коды, связанные с протестом.

Область применения результатов: Теоретико-методологические выводы исследования могут быть использованы при формировании эмпирического инструментария для изучения молодежного социально-политического протеста. Эмпирические результаты могут помочь в понимании принципов формирования эффективной стратегии политической коммуникации с молодежью.

Выводы: В целом для молодежи Екатеринбурга характерен высокий уровень недовольства социально-экономической и политической ситуацией в стране. Однако такое недовольство имеет достаточно низкий потенциал трансформации в протестные действия. Протестная активность если и реализуется, то в основном тяготеет к умеренному и конвенциональному характеру. Наиболее популярным способом выражения и распространения протеста является интернет-активность (подписание петиций, потребление и чуть реже поддержка и распространение протестного контента), но такая деятельность имеет невысокий потенциал перехода в оффлайн-формат. Таким образом, протестные настроения распространяются главным образом в информационном пространстве или пространстве коммуникаций. По большей части это происходит в масс-медиа. Однако цифровые коммуникации не являются «ресурсом» реальных социально-политических трансформаций и зачастую, напротив, служат лишь инструментом «выпуска пара» с последующим снижением потребности в инициировании реальных изменений. Для значительной части молодежи Екатеринбурга характерен политический абсентеизм.

Ключевые слова: городская молодежь; социально-политический протест; протестные настроения; диджитал-коммуникации; когнитивный код.

Features of the Spread of Protest Sentiments among Russian Urban Youth in Information Society (by the Case of Yekaterinburg)

Franz Valeria Andreevna – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Associate Professor of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding at the School of Public Administration and Entrepreneurship, PhD (Political Science), associate professor, Yekaterinburg, Russia.

Email: val-franc@yandex.ru

Abstract

Background: The theoretical aspects of the spread of protest sentiments and actions among urban youth have been considered quite deeply and comprehensively both in Russian and foreign science. The main factors and reasons for the emergence of socio-political protest moods and actions have been studied and the corresponding theories have been formulated, i. e. collective action, relative deprivation, resource

mobilization, etc. Classifications of types and spaces of protest activity implementation are proposed. Empirical research in this area is also carried out, in particular, concerning the communication aspect of socio-political protest. For the first time, however, the spread of protest moods is considered in the context of the cognitive code concept.

Results: We used a survey of Yekaterinburg young people and expert interviews as tools for empirical research. The research results made it possible to reveal the general social well-being of Yekaterinburg young people; the degree of distribution of protest moods in their environment, moods nature and potential for their transformation to protest actions; reasons for the spread of protest sentiments and preferences of Yekaterinburg youth in relation to various forms of protest activity; preferred channels of information on the socio-political situation in Russia, as well as channels and forms of expression and dissemination of protest sentiments; the cognitive codes existing in the mass consciousness of young people associated with protest.

Implications: Theoretical and methodological findings can be used to make tools for empirical research in the field of youth socio-political protest. Empirical results can help in understanding the principles of forming an effective strategy for political communication with young people.

Conclusion: In general, young people in Yekaterinburg are characterized by a high level of dissatisfaction with the socio-economic and political situation in the country. Such discontent, however, has a low potential for transformation to protest actions. Even if protest activity is implemented, it tends to have a moderate and conventional character. The most popular way to make and disseminate protest is online activity (signing petitions, consuming, less often supporting and distributing protest content), although such activity has a low potential for transition to an offline format. Thus, protest sentiments spread mainly in the information or communication space. This is mainly happening in the media. Digital communications, however, are not “resources” for real socio-political transformations and often, by contrast, serve only as a tool for “blowing off steam” with a subsequent decrease in the need to initiate real changes. Political absenteeism is characteristic of a significant part of Yekaterinburg youth.

Keywords: urban youth; socio-political protest; protest moods; digital communications; cognitive code.

Последние несколько лет в мире, включая Россию, повсеместно наблюдается существенный рост протестной социально-политической активности. Значительную роль в подобных процессах играет молодежь, проживающая в крупных мегаполисах. Информационный характер современного общества и появление все новых технологий и инструментов цифровых коммуникаций накладывает отпечаток на распространение и интенсивность протестных настроений городской молодежи, а также характер и предпочитаемые формы ее протестных действий. В этом смысле коммуникационный аспект социально-политического протеста представляет

существенный научный интерес – особенно в свете специфики социально-политических процессов в России, оказывающей влияние, в частности, на возможность перехода онлайн-протеста в оффлайн-формат с последующими трансформациями различных элементов социально-политической действительности.

Под *политическим протестом* мы понимаем разновидность политического участия, выражающегося в открытой демонстрации отрицательного отношения к политической системе в целом или ее отдельным элементам, нормам, ценностям, принимаемым решениям. При этом политический протест может принимать и пассивные формы, крайней среди которых является политический абсентеизм. В своем понимании данной категории мы опираемся на идеи Р. Мертона, Д. Дэвиса, Р. Инглхарта, У. Милбрайта.

Протестные настроения мы, в свою очередь, определяем как вид социальных настроений, характеризующихся неудовлетворенностью социальных групп или индивидуумов сложившейся социально-политической ситуацией, неоправдавшимися ожиданиями и, одновременно, готовностью носителей таких настроений предпринять конкретные действия с целью изменения ситуации.

Причинами протестного поведения могут быть кризис ценностей политической культуры, делегитимация политического режима, депривация индивидуума или целых социальных групп и др. Из возможных причин возникновения протеста вытекают основные подходы к его рассмотрению: концепции коллективного поведения, депривации, теория «мобилизации ресурсов», конфликтологический подход и т. п.

Теория коллективного поведения объясняет протест главным образом через показатели социальной напряженности (Т. Гарр, Н. Смелзер, Дж. Дженкинс и др.). Ее представители подчеркивают наличие взаимосвязи между экономическим неравенством и протестом. В частности, низкий доход (зачастую в совокупности с низким уровнем образования) ведет к возрастанию неудовлетворенности социально-политической ситуацией и протестного потенциала. Также значительную роль играет разрушение доверия во взаимоотношениях общественности и власти.

Социально-психологическое направление данного подхода представлено теорией относительной депривации (С. Стауффер, Р. Мертон, У. Рансисмен), которая в качестве механизма, запускающего протест, рассматривает увеличение разрыва между ожиданиями (относительно уровня жизни, карьерных перспектив и т. п.) индивидуумов и возможностями их реального удовлетворения.

Сторонники теорий «мобилизации ресурсов» (С. Тэрроу, С. И. Озлер, Д. С. Мейер) полагают, что протест возможен только при наличии политических, экономических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства. Ключевой категорией данной теории является «структура политических возможностей», представляющая собой группу ресурсов, определяющих вероятность возникновения

общественных, в том числе протестных, движений, специфику, формы и эффективность их деятельности. Одним из современных направлений концепции «мобилизации ресурсов» являются теории, делающие акцент на изучении роли новых медиа (социальные сети и интернет-СМИ) в распространении протестных настроений и активности. Существенным фактором в реализации протестных действий такие теории считают распространение и доступность протестного контента и информации о готовящихся протестных акциях в онлайн-пространстве.

Представители конфликтологического подхода (Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг) определяют социальный протест как форму конфликта, порождаемого столкновением социальных групп с взаимно противоречащими политическими и экономическими интересами.

Перечисленные причины и факторы возникновения протестных настроений и действий были заложены нами в основу эмпирического инструментария исследования (структуры и вопросов анкеты и экспертного интервью). Важной целью нашего исследования стало выявление наиболее значимых среди таких факторов и причин в контексте распространения протестных настроений в среде молодежи Екатеринбурга.

Помимо вышесказанного, мы рассматриваем такие аспекты социально-политического протеста, как пространство реализации (классификации и подходы Г. Г. Почепцова, А. В. Скиперских), а также формы реализации в соответствии с классификацией Л. Милбрайта.

Так, Г. Г. Почепцов выделяет три типа пространств, в которых может реализовываться политический протест: физическое, информационное и когнитивное [см.: 5]. А. В. Скиперских также высказывает мнение, что протест реализуется в рамках «пространственного континуума», который делится на три типа: город и его материальные объекты (здания, дороги, памятники и т. п.); человек (одежда и символы на ней, акты, совершаемые человеком и т. п.), коммуникации (СМИ, соц. сети, блогосфера) [см.: 6].

В рамках нашего исследования для нас важно, какую роль играют именно информационное пространство и онлайн-коммуникации в распространении протестных настроений в среде городской молодежи, а также какие каналы и формы такой коммуникации преобладают, являясь для молодежи наиболее значимыми и удобными.

Еще одной нашей значимой задачей было выяснить, какой характер протестного поведения наиболее распространен в среде городской молодежи Екатеринбурга, по каким причинам, как и до какой степени на факт преобладания того или иного характера протестных настроений и действий молодежи влияют цифровые технологии.

Что касается возможного характера протестного поведения, за основу нами была взята классификация видов протестного поведения У. Милбрайта. Так, Милбрайт классифицирует протестное поведение в соответствии с такими критериями, как уровень активности (низкая, средняя, высокая) и степень легальности (конвенциональная / неконвенциональная) [см.: 4]. Данную классификацию можно дополнить критериями численности участников

(массовые, групповые, индивидуальные протесты) и применения насилия (насильственные / ненасильственные).

На пересечении вышеуказанных критериев находятся виды протестного поведения, включающие существенное число подкатегорий. Например, ненасильственные конвенциональные формы политического протеста с низким уровнем политической активности могут включать:

- массовые: протестный абсентеизм общества, участие в виртуальных группах в социальных сетях протестной направленности;
- индивидуальные: молчание, регулярное потребление контента оппозиционных СМИ, комментарии в блогах, социальных сетях, выражающие недовольство властью.

Неконвенциональные формы политического протеста среднего уровня активности ненасильственного характера могут включать:

- массовые: участие в несогласованных демонстрациях и митингах, забастовках, смартмобах, бойкотах;
- индивидуальные: объявление голодовки, участие в одиночной акции;
- анонимные: создание протестного контента в сети Интернет и т. п.

Социально-политический протест и протестные настроения мы рассматриваем с точки зрения концепции «когнитивного кода». Мы ставим себе задачу изучить, какие когнитивные коды (стереотипы, схемы, диспозиции и др.) преобладают в среде российской городской молодежи в контексте ее протестных настроений, а также какие факторы влияют на их формирование.

Термин «когнитивный код» был заимствован нами из теории «конструктивистского структурализма», и рассматривается в ее контексте (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Н. Луман и др). Согласно данному подходу, предметом социальных наук являются, в первую очередь, социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени, а не гипотетическая социальная тотальность. Под практиками понимаются любые изменения, осуществляемые социальными акторами и порождающие многообразные “различения”, которые фиксируются как в материально-вещественной, так и в идеальной форме. В связи со сказанным мы делаем особый акцент на практиках, реализующихся в контексте распространения протестных настроений и протестной активности молодежи [см.: 3, с. 20].

При этом, по мнению сторонников «конструктивистского структурализма», за объективированными социальными практиками скрываются исторически изменчивые символические структуры, имеющие в себе механизм трансформации символического содержания на язык повседневности и наоборот. Ядром таких символических структур являются схемы, действующие на практике корпоративные диспозиции, принципы деления и т. п. С точки зрения конструктивистского структурализма, индивидуальная или групповая политическая позиция определяется, прежде всего, когнитивно-оценочными кодами (схемами классификаций), формирующими понимание смысла политических действий. Посредством таких схем акторы классифицируют сами себя и позволяют классифицировать. Они выступают своего рода инкорпорированными “моделями” или

“программами” политических практик, интериоризированными значениями политических установок, ставших личностными свойствами в результате социализации и усвоения политического опыта [см.: 1, с. 194].

Таким образом, прежде всего, речь идет о классификационных информационных схемах, символических трансфигурациях фактических различий и – шире – о рангах, порядках, грациях как продуктах построения этих схем. При этом политическое пространство (понимаемое нами в контексте теории П. Бурдье) можно представить как систему различий, которые воспроизводятся в виде объективных и субъективных структур. Иными словами, политический порядок представляет собой в значительной степени ментальный порядок, существующий по большей части в виде социальных представлений, разделяемых социальными акторами. Соответственно, политическая идентичность социальных акторов формируется также, главным образом, когнитивно-оценочными кодами (схемами классификаций), существующими в ментальном, идеальном пространстве [см.: 3, с. 21].

Хотелось бы отдельно пояснить введенное П. Бурдье понятие «диспозиция», имеющее существенное значение для нашего исследования. Диспозиция, с точки зрения исследователя, есть модель восприятия действительности, которая, будучи интериоризированной, структурирует поведение, формирует представление о занимаемой в социальном поле со всеми его структурами позиции. Диспозиции и иные подобные символические структуры формируют так называемый «габитус» как наиболее объемный и целостный продукт социализации, в том числе политической. Габитус представляет собой «совокупность черт, которые приобретает индивид, диспозиции, которыми он располагает, или иначе говоря, свойства, результирующие присвоение некоторых знаний, некоторого опыта» [2, с. 46]. То, что называют правилами социальной игры, в терминологии П. Бурдье называется габитусами или социальными стратегиями.

Подводя итог теоретическому обоснованию, можно утверждать, что важной задачей исследования и основной целью статьи является демонстрация влияния цифровых технологий на специфику (интенсивность, формы, каналы и т. д.) распространения протестных настроений в среде городской молодежи на примере Екатеринбурга.

В соответствии с данной целью были поставлены следующие задачи.

1) Определить социальное самочувствие молодежи Екатеринбурга в целом, выявить уровень удовлетворенности социально-экономическими и политическими условиями жизни в стране, а также условиями собственной жизни.

2) Определить восприятие молодежью Екатеринбурга своего места в актуальном социально-политическом поле, уровень ее доверия к власти.

3) Выявить уровень поддержки екатеринбургской молодежью разных форм существующих протестных действий и собственной готовности к таким действиям.

4) Выявить факторы и когнитивные структуры (диспозиции, схемы, стереотипы и др.), оказывающие значимое влияние на уровень протестных настроений молодежи Екатеринбурга.

5) Выявить наиболее эффективные и предпочтительные с точки зрения екатеринбургской молодежи формы и пространства выражения и распространения социально-политических протестных настроений и действий.

6) Определить роль цифровых технологий в распространении протестных настроений в среде городской молодежи.

7) Выявить наиболее распространенные и предпочтительные с точки зрения городской молодежи каналы цифровой коммуникации в контексте реализации протестной активности, а также наиболее распространенные и предпочтительные формы такой коммуникации.

Что касается эмпирических методов сбора информации, был проведен опрос екатеринбургской молодежи, а также серия экспертных интервью. Опрос осуществлялся на базе Уральского федерального университета в 2020-м году и был направлен, главным образом, на комплексную диагностику особенностей протестных настроений и установок молодежи города Екатеринбурга, выявление основных факторов, определяющих их специфику, определение основных каналов коммуникации в контексте распространения протестных настроений. В связи с действующим на момент проведения исследования карантинными мерами, опрос проводился без личного контакта с респондентами, путем интерактивного анкетирования на платформе Google Forms (однако при отборе респондентов тщательно контролировалось их соответствие квотным признакам). Всего в ходе исследования были опрошены 506 представителей молодежи города в возрасте от 14 до 29 лет, отобранные на основании квотной выборки по критериям района проживания, пола и возраста. Результаты опроса приведены в разделе «Результаты исследования», в том числе в таблицах 1–7.

Целью экспертных интервью также было выявление общей специфики политических протестных настроений екатеринбургской молодежи, включая степень распространения, интенсивность, характер, причины, основные формы и каналы распространения, роль цифровых технологий в данном процессе, наиболее предпочитаемые каналы цифровой коммуникации в контексте распространения протеста. Было взято 5 интервью у экспертов, двое из которых являются академическими исследователями, специализирующимися на проблеме молодежного протеста и ведущими соответствующие исследования в течение нескольких лет. Один – практикующий политолог, имеющий широкий опыт работы в электоральных кампаниях и изучения различных аудиторий, включая молодежные. Еще двое – практики, работающие с молодежными аудиториями в рамках деятельности оппозиционных политических партий. Показательно, что мнения теоретиков и практиков в целом и основном совпали.

Результаты исследования

Опрос начинался с блока, посвященного общему социальному самочувствию екатеринбургской молодежи и ее восприятию жизни в России.

Исследование показало, что 71,1 % опрошенных скорее не нравится, как складываются дела в российском обществе. В качестве серьезных проблем государства опрошенные отметили низкий уровень жизни, безденежье (34,8 %, большинство), отсутствие нормальной работы (37,9 %, большинство), низкое качество здравоохранения (35,8 %, большинство), низкий уровень свободы в обществе (31,8 %, большинство). Наиболее острыми проблемами были названы коррупция, произвол власти (33,4 %, большинство) и сложности с приобретением жилья (36,6 %, большинство).

Десятка важнейших ценностей, которые должны лежать в основе идеального, с точки зрения опрошенных, общества, приведена в таблице 1 (источник – самостоятельно проведенное исследование).

Таблица 1 – Ответы на вопрос «Как Вы считаете, на каких из этих принципов должно строиться общество в идеале?» (результаты опроса «Социальное самочувствие и протестные настроения молодежи Екатеринбурга»)

№	Принципы	Число ответивших	% ответивших
1	Права человека	276	55,5
2	Свобода	252	50,7
3	Справедливость	244	49,1
4	Мораль	207	41,6
5	Равенство	185	37,2
6	Доверие	178	35,8
7	Закон	167	33,6
8	Семья	137	27,6
9	Достаток	123	24,7
10	Уважение к природе	104	20,9

При этом на вопрос «Лично Вы за последние несколько месяцев сталкивались с проявлениями несправедливости по отношению к себе?» положительный ответ дали более половины респондентов (57,3 %). Наиболее популярными ответами на вопрос о характере несправедливости оказались: «Принуждают меня делать то, чего я не хочу и не обязан делать» (42,2 %), «Мой труд мало ценят, платят меньше, чем я заслуживаю» (36,6 %), «Не дают мне того, что положено по закону» (36,2 %).

Десять ценностей, составляющих реальную основу российского общества, по мнению опрошенных, приведены в таблице 2 (источник – самостоятельно проведенное исследование).

Таблица 2 – Ответы на вопрос «Какие из этих принципов, по Вашему ощущению, сейчас господствуют в российском обществе?» (результаты опроса «Социальное самочувствие и протестные настроения молодежи Екатеринбурга»)

№	Принципы	Число ответивших	% ответивших
1	Собственность	187	37,9
2	Сила	184	37,3
3	Достаток	176	35,7
4	Закон	172	34,9
5	Мода / мейнстрим	141	28,6
6	Сильное государство	122	24,7
7	Успех	121	24,5
8	Удовольствие	101	20,5
9	Традиция	97	19,7
10	Труд	70	14,2

На вопрос «Если говорить в целом, то насколько положение в российском обществе такого человека, как Вы, зависит от него самого?» большинство (50,4 %) отвечает, что сильно зависит.

При этом поддержка со стороны власти все-таки, по-видимому, ожидается и считается недостаточной. Так, на вопрос «Как Вы считаете, действующие российские власти делают достаточно для решения проблем, стоящих перед такими людьми, как Вы?» большинство (41,9 %) дало ответ «Определенные действия я вижу, но они чисто символические». Второй по популярности ответ – «делается много, но далеко не все возможное» (27,5 %), на третьем месте – «по-моему, власть вообще не стремится их решать» (16,8 %). Таким образом, можно говорить о среднем или ниже среднего уровне удовлетворенности деятельностью власти в целом. Что касается ответов на вопрос об одобрении деятельности конкретных представителей власти (Председатель Правительства РФ, Президент, Губернатор Свердловской области), наиболее распространенным оказался «что-то одобряю, что-то – нет». На втором месте по распространенности – вариант «скорее одобряю», причем он незначительно, но «обгоняет» вариант «скорее не одобряю». Исключение составляет мэр Екатеринбурга, которому большинство (36,2 %) выразило неодобрение.

Ответы молодых екатеринбуржцев на вопрос о том, что в наибольшей степени повлияло на их формирование представления о жизни в России, приведены в таблице 3 (источник – самостоятельно проведенное исследование).

Таблица 3 – Ответы на вопрос «Что больше всего повлияло на формирование вашего представления о жизни в России?» (результаты опроса «Социальное самочувствие и протестные настроения молодежи Екатеринбурга»)

№	Источники влияния	Число ответивших	% ответивших
1	Опыт жизни в России	471	93,5
2	Учеба и образование	282	56,0
3	Книги, которые я читал	207	41,1
4	Мнение родственников, друзей	205	40,7
5	Опыт путешествий и жизни за границей	186	36,9
6	Средства массовой информации	168	33,3
7	Кино и другие произведения искусства	133	26,4
8	Мнение известных политиков и активистов	105	20,8
9	Общение в социальных сетях	86	17,1
10	Мнение популярных артистов	26	5,2
11	Игра в компьютерные игры	19	3,8
12	Общение с иностранцами	19	3,8
13	Другое	0	0,0
	Итого ответивших:	504	100,0

Что касается собственно протестных настроений и, в особенности, позиции респондентов относительно эффективности протеста, показатели относительно скромные. Так, большинство опрошенных (32 %) полагают, что массовые выступления, выражающие протест действующим властям, в их городе крайне маловероятны (опрос проводился примерно через полгода после событий вокруг сквера на Октябрьской площади Екатеринбурга). На вопрос «Какова вероятность того, что Вы лично примете участие в таких акциях, если они состоятся?» ответ «точно не приму» также дает большинство (39,9 %). Наиболее значимыми и распространенными ответами на вопрос «Какие условия должны обязательно выполняться для того, чтобы у Вас возникла готовность выйти на митинг, забастовку, иную акцию протеста?» оказались: акция будет согласована властями (43,5 %); акция будет поддержана партией, за которую Вы голосуете (40,1 %); хорошо заплатят за участие (29,2 %); вы доверяете лидерам, которые призывают к акции (15,2 %); будет уверенность в собственной безопасности (12,6 %). Ответ же «Будет уверенность в том, что после акции что-то реально изменится» располагается на последнем месте (7,5 %). Примечательно, что на вопрос «Какие формы протестного поведения Вы бы назвали наиболее эффективными в современной России?» большая часть

опрошенных (33,2 %) отвечает «Таких форм нет» (таблица 4, источник – самостоятельно проведенное исследование).

Таблица 4 – Ответы на вопрос «Какие формы протестного поведения Вы бы назвали наиболее эффективными в современной России?» (результаты опроса «Социальное самочувствие и протестные настроения молодежи Екатеринбурга»)

№	Формы протестного поведения	Число ответивших	% ответивших
1	Таких форм нет	168	33,2
2	Принять участие в акции протеста	137	27,1
3	Игнорирование выборов, неучастие в политике в целом	90	17,8
4	Написать пост в Интернете, социальной сети	84	16,6
5	Создать петицию	48	9,5
6	Вступить в протестную организацию/движение	39	7,7
7	Выпустить видеоролик и разместить его в Интернете	35	6,9
8	Написать обращение в органы власти или депутату	25	4,9
9	Нарисовать граффити в публичном месте	23	4,5
10	Выйти на одиночный пикет	21	4,2
11	Другое	13	2,6
	Итого:	506	100,0

Готовность молодёжи к протестным действиям и реальной протестной активности продемонстрирована в таблице 5 (источник – самостоятельно проведенное исследование).

Таблица 5 – Ответы на вопрос «В чем из перечисленного Вы бы приняли личное участие, если бы хотели как-то привлечь внимание к какой-то острой проблеме в обществе?» (результаты опроса «Социальное самочувствие и протестные настроения молодежи Екатеринбурга»)

№	Форма активности	Число ответивших	% ответивших
1	Написать пост в Интернете, социальной сети	220	43,5
2	Игнорирование выборов, неучастие в политике в целом	203	40,1
3	Не стал бы ничего делать	148	29,2

4	Принять участие в акции протеста	99	19,6
5	Написать обращение в органы власти или депутату	77	15,2
6	Создать петицию	64	12,6
7	Выпустить видеоролик и разместить его в Интернете	47	9,3
8	Нарисовать граффити в публичном месте	45	8,9
9	Выйти на одиночный пикет	39	7,7
10	Вступить в протестную организацию/движение	38	7,5
11	Другое	0	0,0
	Итого ответивших:	506	100,0

Результаты опроса об участии в каких-либо протестных действиях приведены в таблице 6 (источник – самостоятельно проведенное исследование).

Таблица 6 – Ответы на вопрос «Какие из этих действий Вам доводилось совершать хотя бы раз за последние 12 месяцев?», Топ-10 (результаты опроса «Социальное самочувствие и протестные настроения молодежи Екатеринбурга»)

№	Форма активности	Число ответивших	% ответивших
1	Нет, ни в чем подобном участвовать не приходилось	176	34,9
2	Подписывать в Интернете обращения по политическим или социальным проблемам	129	25,6
3	Распространять интернет-мемы по политическим темам	94	18,7
4	Менять аватар в социальной сети в знак солидарности с какой-то акцией или событием	86	17,1
5	Сдавать деньги или вещи на благотворительные цели	74	14,7
6	Вступать в дискуссии на политические темы в Интернете	56	11,1
7	Писать в социальных сетях о своем недовольстве проблемами в городе / стране	49	9,7

8	Участвовать в политических дискуссиях, конференциях, публичных слушаниях (кроме научных конференций)	48	9,5
9	Писать письма должностным лицам или ходить к ним на прием	46	9,1
10	Участвовать во флешмобах и / или акциях солидарности в Интернете	41	8,1

Как мы можем видеть, опираясь на данные таблицы 6, участие в согласованных и не согласованных протестных акциях, митингах даже не входит в десятку наиболее популярных ответов. Данные варианты находятся на 12 и 13 местах соответственно с результатами 7,1 % и 5,4 %. Варианты, связанные с конструктивным диалогом с властями, занимают 14 и 18 (последнюю) позиции соответственно.

Наконец, приоритеты относительно источников информации о жизни в России представлены в таблице 7 (источник – самостоятельно проведенное исследование).

Таблица 7 – Источники информации о жизни в России (результаты опроса «Социальное самочувствие и протестные настроения молодежи Екатеринбурга»)

Источник информации	% ответивших
Российские СМИ	58,1
Зарубежные СМИ	25,5
Российские группы в соц. сетях	75,1
Зарубежные группы в соц. сетях	45,8
Российские видео-блоги	41
Зарубежные видео-блоги	23,6
Знакомые и родственники в России	60,2
Знакомые и родственники за рубежом	14,2
Российские преподаватели	14
Зарубежные преподаватели	15,7
Российские фильмы, книги, музыка	15,1
Зарубежные фильмы, книги, музыка	14,2

Результаты интервью с экспертами во многом совпадают с приведенными результатами опроса молодежи и проясняют ряд вопросов, связанных с позицией респондентов. Так, большинство экспертов (4 из 5) сошлись во мнении, что молодежный протест сегодня имеет преимущественно умеренный характер и типичен для достаточно узкой части молодежи – молодых людей, проживающих в мегаполисах и имеющих средний или высокий уровень достатка или образования. Стоит отметить, что и в рамках опроса на вопрос

материальном положении своей семьи большинство респондентов ответило «Удовлетворительное / кроме питания и квартплаты денег хватает на покупку недорогих вещей», «Хорошее / можем покупать дорогие вещи, но далеко не все по карману». Бедственное положение отметило меньшинство опрошенных.

Эксперт-исследователь: «Исследования показывают, что молодежь мегаполиса более активна, нежели молодежь каких-то маленьких административных городков... У жителя маленького города меньше возможностей, ниже, ну, скажем прямо, заработок, потому что просто возможностей меньше... И их основная задача – это именно вот найти дополнительный заработок, то есть чем-то заняться: иди огород покопай, картошку посади, им не до этого всего [не до протестов]. А наша молодежь – они все более рафинированные и думают о высоком, о прекрасном. Это тоже накладывается».

Эксперт-исследователь: Я бы сказал, что они имеют непредсказуемый немного характер. В России сейчас... протестовать против политики – это достаточно опасно и собственно мы видим, что кейсов политического протеста становится достаточно мало. В основном это локализуется где? В Москве... И, как правило, это имеет достаточно серьезные последствия для тех, кто в этом участвует.

Эксперт-исследователь: В большей степени, скорее, умеренный. Подписание и распространение различных петиций, обсуждение сложившегося положения в стране в кругу единомышленников в соцсетях, публикация постов критического характера. В меньшей степени участие в законных митингах и демонстрациях, пикетирование и т. д.

Эксперт-практик: К протестам склонна все-таки городская молодежь. Чем ближе к столице, тем выше уровень протестных настроений: мы это видели и на храмовых протестах, и на протестах в Мосгордуму. Но я не знаю ни одного случая о протестах в муниципальных образованиях недалеко от Екатеринбурга, хоть я и работаю в политике достаточно давно.

Относительно вопроса о том, легальные или нелегальные протесты в наибольшей степени свойственны для молодежи, мнения экспертов разделились, однако, большинство все-таки склоняется к мнению о преобладании легальных форм.

Эксперт-практик: В основном это легальные формы – обсуждение политических проблем с друзьями и знакомыми, участия в интернет-дискуссиях. Реже нелегальные формы – участие в несогласованных акциях протеста.

Эксперт-практик: На мой взгляд, на самом деле, в большей степени распространены именно легальные, потому что боится молодежь выходить на нелегальные. Потому что за это есть четкая ответственность, и все это прекрасно понимают, несмотря на все безрассудство молодежи и желание изменить мир к лучшему, все-таки срабатывают инстинкты самосохранения.

Эксперт-исследователь: Я считаю, нелегальные. Те же самые несанкционированные митинги. У нас нет в законе такого волеизъявления граждан, которое было бы легитимным. У нас есть референдум, общее

собрание. Всё. Санкционированные есть, но на них ходят коммунисты и пенсионеры, а не молодежь.

Эксперт-исследователь: Наверное, наблюдается низкая форма активности. Молодежь ничем особо не интересуется, не вступает в партии, не имеет политические взгляды.

Эксперты сходятся во мнении, что как внутренние (связанные с особенностями личности, ее психологией), так и внешние (социально-экономические, политические) причины в равной степени подталкивают молодежь к протестным настроениям и активности. При этом большинство из них подчеркивают, что наиболее распространенными поводами для возникновения протестов являются, скорее, события из социальной и бытовой сферы, нежели из чисто политической.

Эксперт-исследователь: Во-первых, это причины мировоззрения и возраста. Молодой возраст располагает к революционному взгляду на мир. Второй момент – это завышенные ожидания. Он учится, получает работу, которая не соответствует его материальному статусу. Например, будучи школьником, он ездил два раза в год за рубеж отдыхать, а сейчас он видит совсем иной материальный мир. Естественно, это потери материальные.

Эксперт-исследователь: Я бы сказал, что все-таки отсутствие социальных лифтов, потому что сколь бы там несправедливо ни было устроено общество, оно ведь никогда не бывает полностью справедливым. Человеку становится безразлична эта несправедливость, если в его личной жизни все хорошо. Вот неработающие социальные лифты – это гораздо более серьезный стимул роста таких настроений. И, наверное, ключевой.

Эксперт-исследователь: В последние годы в России пошла волна протестной мобилизации, связанной с какими-то бытовыми проблемами. С тем, как велось благоустройство города; с тем, что можно где-то что-то строить или нельзя. Это нельзя назвать политическим протестом, тем более нельзя назвать радикальным протестом, экстремистским каким-то.

Эксперт-практик: В большей степени на распространение протестных настроений среди молодежи влияют экономические факторы. Зарплата, на которую может претендовать молодежь, значительно ниже среднего уровня; крайне мала и стипендия. Фактически недоступным для молодежи является приобретение собственного жилья... Коррупция, политическая система, экономические трудности, низкий уровень жизни, слабая социальная политика, сложности с образованием, наличие и поиск работы и т. д.

По утверждению большей части опрошенных специалистов, молодежные протестные настроения в России распространяются, преимущественно, онлайн. Причем в оффлайн-формат они переходят достаточно редко.

Эксперт-практик: Формируются, конечно, в онлайн, потому что молодежь сейчас не видит каких-то технологий, каких-то средств, которые они бы могли использовать в оффлайне. Потому что каждый раз, когда они выходили на протест, в последние особенно несколько лет, они за это получали какие-то негативные последствия. То есть не было положительного какого-то сценария.

Эксперт-исследователь: Онлайн – это в значительной степени соцсети и видеоблоги, которые транслируют негативные повестки. Но опять же надо понимать, что они там эти повестки транслируют, они провоцируют рост протестных настроений среди молодежи, но они же сами становятся основной площадкой выплеска этих настроений.

Эксперт-исследователь: Я считаю, онлайн. Для них эта форма общения более понятная, такая форма передачи информации более близка, больше распространена, чем межличностное общение. Подобного рода общение снижает уровень социальной ответственности, поэтому там легче договориться на какой-то... «кипши».

На вопрос, «Какие типы и формы распространения протестного контента имеют наибольший отклик среди молодежи?» эксперты дали следующие ответы:

Эксперт-исследователь: Небольшие видео, гифки, на YouTube какие-то каналы, возможно, мемы.

Эксперт-исследователь: Ключевое – это мемы, какие-нибудь простенькие картинки с негативной или с критической надписью, чаще всего с саркастической.

Эксперт-практик: Соцсети, СМИ, видеоблоги.

Эксперт-практик: Онлайн, как правило, используют соцсети – это различные элементарные видеоролики, это различные посты, это распространение мемов, картинок. Оффлайн-каналы сейчас используются в меньшей степени, потому что опять-таки исходя из того, что аудитория на это не ведется.

Дискуссия

Результаты исследования в целом подтверждают основные тезисы теории коллективного поведения и, в особенности, такого ее подвида, как теория относительной депривации. Как уже было сказано выше, представители теории коллективного поведения придают особое значение взаимосвязи между экономическим неравенством и протестом. Теория же относительной депривации в качестве механизма, запускающего протест, рассматривает увеличение разрыва между ожиданиями и возможностью их реализации.

Проведенный опрос показал, что екатеринбургская молодежь обеспокоена, в первую очередь, именно проблемами экономического характера и, главным образом, своим материальным положением (уровень материального достатка в целом и, в частности, оплаты труда, возможность приобретения жилья). Также молодые люди особенно подчеркивают значимость проблемы коррупции и недостатка справедливости в обществе, больше половины респондентов заявляют о непосредственном личном столкновении с несправедливостью в недавнем прошлом. Доля молодежи, недовольная ситуацией в стране в целом, составляет 71 %. Опрошенные эксперты, со своей стороны, подчеркивают несоответствие ожиданий молодежи и реальности.

Примечательно, что, выражая недовольство преимущественно социально-экономическими условиями жизни, большинство респондентов определили

свой уровень жизни как средний и выше среднего. Это коррелирует с характерным для теории относительной депривации тезисом о том, что основным носителем протестных настроений в современных постиндустриальных обществах является средний класс. Спецификой материального положения опрошенных, на наш взгляд, определяется, однако, и их невысокий уровень готовности к протестным действиям (возможность протестов в их населенном пункте оценивает позитивно меньшая часть опрошенных, молодые люди, готовые к участию в оффлайн-протестах, также находятся в меньшинстве). Во-первых, относительно обеспеченные молодые люди все-таки не ощущают острой необходимости протестовать, во-вторых, им уже «есть что терять».

Такое положение дел, вероятно, может быть объяснено с точки зрения уже другой теории – а именно теории «мобилизации ресурсов», гласящей, что протест возможен только при возникновении экономических, политических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства. В пользу этого говорят, в частности, утверждения экспертов, что молодежь пока не видит возможностей изменения ситуации и достижения значимых социально-политических перемен путем протестной деятельности.

Примечательно, что на вопрос «Какие формы протестного поведения Вы бы назвали наиболее эффективными в современной России?» (таблица 4) большая часть опрошенных отвечает «Таких форм нет» (33,2 %), а третьим по популярности ответом является «Игнорирование выборов, неучастие в политике в целом» (17,8 %). На втором месте, правда, располагается ответ «Принять участие в акции протеста» (27,1 %). Однако в целом можно говорить о высоком уровне в среде молодежи Екатеринбурга политического абсентеизма, являющегося следствием отсутствия возможностей и ресурсов реализации молодежью социально-политических трансформаций в режиме оппозиционной или протестной активности.

На втором и третьем местах в распределении ответов на вопрос «В чем из перечисленного Вы бы приняли личное участие, если бы хотели как-то привлечь внимание к какой-то острой проблеме в обществе?» (таблица 5) заняли варианты «Игнорирование выборов, неучастие в политике в целом» (40,1 %), «Не стал бы ничего делать» (29,2 %). Первое же место предсказуемо оказалось за вариантом «Написать пост в Интернете, социальной сети». В целом результаты таблиц 5 и 6 показывают, что активность, связанная с выражением и распространением протестных настроений, осуществляется главным образом в Интернете.

В целом в молодежной среде наиболее распространены умеренные протестные действия в онлайн-пространстве – подписание петиций, потребление и чуть реже поддержка и распространение протестного контента (таблица 6). Но здесь же и кроется проблема – такая активность, в том числе в силу ее функции «выпуска пара», редко переходит в оффлайн-формат или приводит к реальным изменениям. В этом смысле средства и каналы цифровой коммуникации нельзя рассматривать в контексте теории «мобилизации

ресурсов», что связано со спецификой российских социально-политических реалий.

Среди источников информации о жизни в России, которыми пользуются молодые люди Екатеринбурга, также преобладают онлайн-форматы. Наиболее популярны с данной точки зрения социальные сети, на втором месте находятся средства массовой информации, на третьем – видеоблоги (таблица 7). В социальных сетях наиболее популярными форматами являются небольшие видео, юмористические картинки, мемы. Потребление информации из российских источников значительно преобладает над использованием зарубежных, что, вероятно, связано, в первую очередь, с владением иностранным языком. Однако и роль личных коммуникаций остается существенной. Так, 60 % опрошенных подчеркнули значимость информации, получаемой от знакомых и родственников в России.

Что касается сформированных в общественном мнении екатеринбургской молодежи когнитивных кодов, результаты исследований позволяют выявить следующие диспозиции:

- ощущение молодым человеком недостатка социальной справедливости в целом и непосредственно в отношении себя в частности;
- недоступность желаемых материальных благ (удовлетворительная заработная плата и уровень жизни в целом, возможности трудоустройства, приобретения жилья, охраны здоровья) в связи с несправедливым устройством общества (коррупция, злоупотребление силой, экономическим капиталом);
- недостаток свободы политического самовыражения;
- свободное политическое самовыражение связано с риском и опасностью для социально-экономического благополучия и даже жизни;
- недостаточное соблюдение прав человека.

Однако:

- положение молодого человека в обществе, главным образом, зависит от его личных усилий;
- власть делает немало для людей, но не все возможное;
- деятельность крупнейших государственных акторов в чем-то удовлетворительна, а в чем-то нет.

Выводы

Для молодежи Екатеринбурга характерен высокий уровень недовольства социально-экономической и политической ситуацией в стране. Однако такое недовольство имеет достаточно незначительный потенциал трансформации в протестные действия. Протестная активность если и реализуется, то в основном тяготеет к умеренному и конвенциональному характеру. Наиболее популярным способом выражения и распространения протеста является интернет-активность (подписание петиций, потребление и чуть реже поддержка и распространение протестного контента), но такая деятельность имеет невысокий потенциал трансформации в оффлайн-формат. Таким образом, можно говорить о том, что протестные настроения распространяются в основном в информационном пространстве или пространстве коммуникаций.

По большей части это происходит в социальных медиа. Однако цифровые коммуникации не являются «ресурсом» реальных социально-политических трансформаций и зачастую, напротив, служат лишь инструментом «выпуска пара» с последующим снижением потребности в инициировании реальных изменений. Для существенной доли молодежи Екатеринбурга характерен политический абсентеизм.

Главные причины распространения протестных настроений в среде российской молодежи находятся в контексте теорий коллективного действия и относительной депривации – это, в первую очередь, недовольство материальными условиями жизни, уровнем социальной справедливости, в целом несоответствие ожиданий и реальности.

Список литературы

1. Бурдые П. Начала. *Choses dites*. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
2. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. Завершинский К. Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // ПОЛИС. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 19–30.
4. Milbrath L. *Political Participation: How and Why Do People Involved in Politics*. – Chicago: Rand McNally & Company, 1965. – 223 p.
5. Почепцов Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – 513 с.
6. Скиперских А. В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 108–113.

References

1. Bourdieu P. *Choses Dites* [*Nachala. Choses dites*]. Moscow: Socio-Logos, 1994, 288 p.
2. Bourdieu P. *Sociology of Politics* [*Sotsiologiya politiki*]. Moscow: Socio-Logos, 1993, 336 p.
3. Zavershinsky K. F. *Cognitive Foundations of Political Culture: an Essay of Methodological Reflection* [Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии]. *Polis. Politicheskie issledivaniya* (Polis. Political Studies), 2002, no. 3, pp. 19–30.
4. Milbrath L. *Political Participation: How and Why Do People Involved in Politics*. Chicago: Rand McNally & Company, 1965, 223 p.
5. Pocheptsov G. G. *Revolution.com. Basics of the Protest Engineering* [*Revolyutsiya.com: Osnovi protestnoi inzhenerii*]. Moscow: Evropa, 2005, 513 p.
6. Skiperskikh A. V. *Surface of Protest: Political Letter in Modern Russia* [Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России]. *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 2014, no. 1 (47), pp. 108–113.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 1(091)

Дух, душа и тело: корреляционная модель человека в русской философии на рубеже XIX–XX веков*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

Коробкова Светлана Николаевна – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: korobkova@hf-guap.ru
SPIN: 4542-8623

Авторское резюме

Состояние вопроса: В рассуждениях о своеобразии русской философии и творческой переработке ею идей европейской философской традиции упускается из виду продуктивное освоение русскими мыслителями позитивизма. Одним из проявлений такого философского творчества стало реалистическое мировоззрение, культивируемое отечественными учеными-мыслителями на основе естественных наук (например, А. А. Ухтомский, Н. А. Умов, В. М. Бехтерев, В. Ф. Войно-Ясенецкий).

Результаты: В центре философского реализма – человек, которому необходимы практические инструменты для настройки собственного внутреннего мира и гармоничного сосуществования со средой в широком смысле слова (природой, культурой, обществом). Такие естественные «инструменты» обнаруживаются в самой природе человека: интегральный образ (Ухтомский), интеллектуальное творчество (Умов), социальный героизм (Бехтерев), внутренний человек (Войно-Ясенецкий).

Выводы: При всем содержательном различии подходов к решению философско-антропологических вопросов упомянутыми в статье мыслителями выявляется общая «схема», которая базируется на утверждении динамической корреляционной связи всех уровней бытия человека: физического, психического и духовного. Основанием и обоснованием этой всеобщей связи явлений разного порядка выступает энергия. Чем выше степень согласованности внутренних и внешних устремлений человека, тем ближе он как целое к своему истинному состоянию – всеобщей любви.

* © С. Н. Коробкова, 2020.

Можно сделать вывод, что рассмотренные модели, инспирированные позитивистской философией, дают богатую основу для развития современных концепций экоантропологии и экогуманизма.

Ключевые слова: русская философия; позитивизм; реализм; энергия; психика; доминанта, метапсихика; прогенератив.

Spirit, Soul and Body: The Correlation Model of Humans in Russian Philosophy at the Turn of the XIX–XX Centuries

Korobkova Svetlana Nikolaevna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

Email: korobkova@hf-guap.ru

Abstract

Background: The productive assimilation of positivism by Russian thinkers is overlooked in discussions about the originality of Russian philosophy and its creative processing of the ideas of European philosophical tradition. Nevertheless, one of the manifestations of such philosophical creativity was a realistic world view, cultivated by Russian scientists and thinkers on the basis of natural sciences (for example, A. A. Ukhtomsky, N. A. Umov, V. M. Bekhterev, V. F. Voino-Yasenetsky).

Results: At the center of philosophical realism is a person who needs practical tools to adjust their own inner world and harmonious coexistence with the environment in a broad sense (nature, culture, society). Such cognitive “tools” are found in the very nature of humans: the integral image (Ukhtomsky), intellectual creativity (Umov), social heroism (Bekhterev), the inner person (Voino-Yasenetsky).

Conclusion: Despite all differences in the approaches to solving philosophical and anthropological issues by these thinkers, a general “scheme” is revealed in their concepts. It is based on the confirmation of the dynamic correlation relationship of all levels of human being, namely physical, mental and spiritual. Energy is the basis and substantiation of this universal connection between phenomena of a different order. The higher the coordination degree of internal and external aspirations of humans, the closer they as a whole to their true state, i. e. universal love.

The presented models, inspired by positivist philosophy, provide a rich qualitative basis for the development of modern concepts of eco-anthropology and eco-humanism.

Keywords: Russian philosophy; positivism; realism; energy; psyche; dominant, metapsyche; progenerative.

«Вечной материи нет, как вообще нет материи,
а только энергия в ее различных формах,
конденсация которой и является в форме материи»
Св. Лука Крымский «Дух, душа и тело».

Русская философия – «мировоспринимающая» философия, и в этом смысле, если использовать популярную терминологию, очень экологичная философия. Позитивно ориентированная русская мысль не очень активно занимается лингвистическим анализом (аналитическая философия) или построением математических моделей (логический позитивизм), хотя не игнорирует инсайты в этих направлениях. Человек – главная «забота» русской философской мысли.

Позитивистские идеи, циркулировавшие в философии XIX–XX веков, пробудили реалистические настроения в отечественной научной и философской мысли. Фокус исследований – человек в его непосредственном взаимодействии с окружающей средой. Здесь среда – это не только природа как таковая и географическое место, но и социокультурный ландшафт, этико-религиозный план, поликоммуникативное пространство. Моделирование человека происходит в его связи со всем окружающим.

Применительно к решению антропологических вопросов мыслители пытались соединить естественнонаучную концепцию об эволюционном, стадийном развитии «материального» человека, философскую рефлексию о местопребывании души, религиозную идею о вечной жизни духа.

Методологические основы такого подхода были заложены еще А. И. Герценом, утверждавшим: природа помимо мышления – часть, а не целое... Внешний мир, объект материализма, истинен, потому что он существует (внешний мир – «обличенное доказательство своей действительности»); внутренний мир (т. е. мышление), находящийся в объективе идеализма, также действительное событие и тоже истинен. «...Дело совсем не в этом признании, – рассуждал мыслитель, – а в связи, в переходе внешнего во внутреннее, в понимании действительного единства их...» [5, с. 265–266].

Русская самобытная философия конца XIX – первой половины XX века, вкушившая радость научных открытий, составившая альтернативу богоискательству и марксизму, уже не могла игнорировать «опыт», но и не имела намерения отказываться от христианских православных истин.

Реалистическая установка «философствующих физиков» сводилась к стремлению объединить горнее и дольнее, веру и знание в контексте практической жизни – выявить реальные механизмы корреляции всех уровней жизни человека и дать «живому», действительному человеку реальные инструменты саморегуляции, саморазвития, самосовершенствования.

В рамках обозначенного подхода достаточно четко сформулированы несколько моделей человека. В частности, это Прогенератив Бехтерева, homo sapiens explorans Умова, интегральная модель Ухтомского, Метапсихическая модель Войно-Ясенецкого (св. Луки Крымского). Все это – «картины

человека», в основу которых положен тот или иной естественнонаучный принцип и установлено правило внутренней и внешней связи существа человека как природного целого.

На наличие динамической связи между телесным и духовным указывал еще И. Кант, выражая свой взгляд на транслокацию души в диссертации «О форме и принципах мира чувственного и умопостигаемого»: «...душа не потому связана с телом, что она пребывает в определенном месте тела, а потому ей дается определенное место в мире, что она находится с некоторым телом во взаимной связи, по уничтожении которой исчезает и всякое положение ее в пространстве... Ее локальность – условие производное, приобретенное ею случайно, а не первоначально...» [6, с. 320].

Если предпринять попытку реконструкции обозначенных выше антропологических моделей в корреляционном аспекте, то достаточно четко можно увидеть, что эти модели укладываются в схему: принцип – механизм – правило.

Так, этико-антропологическая концепция А. А. Ухтомского построена, как известно, на принципе доминанты. Корреляционным механизмом связи духовного и материального выступает творческая идеализация. Регулятивными нормами, в соответствии с которыми человек осуществляет свою деятельность, «закон заслуженного собеседника» (возмездия) и «закон милосердия» (христианской любви). Что это в действительности означает?

Ухтомский как мыслитель исходит из убеждения, что истинное предназначение человека, – то, что необходимо ему по его природе – это раскрыть себя как божественное творение, стремиться к познанию божественного как высшей правды в мире. Сам по себе человек не добр и не зол. Все зависит от влечения, направления его воли – выработанных доминант. Ухтомский-физиолог экспериментальным путем установил, что все наши ощущения и впечатления складываются в определенные представления, в основе которых лежит доминантная установка. Такие представления Ухтомский называет «интегральными образами». Интегральный образ отражает наше понимание какого-либо явления, события реальности. Совокупность интегральных образов есть наше знание о мире. Это знание и, следовательно, поступки в соответствии с этим знанием субъективны. Доминанта поляризует наше восприятие действительности. Человек зачастую не видит того, что есть: бесконечная череда событий может пройти незамеченной; а то, что есть для него, он видит «окрашено». В то же время, человек открывает глаза на то, что не замечал до сих пор. «Доминанта, – писал Ухтомский, – как недуг профессии, – но она же служит инструментом для того, чтобы лучше видеть в пределах профессии» [15, с. 251]. Вектор поведения, который мы имеем на выходе, является результатом того, как организована окружающая нас среда и каковы наши внутренние побуждения. «Жизнь есть постоянная борьба, – говорил Ухтомский. – И, прежде всего, борьба в самих себе – постоянное возбуждение и постоянное же торможение» [16, с. 287], то есть постоянное предпочтение одного другому, принятие решения в каждый момент своей жизни. То, что мы выбрали, определяет стиль нашего мышления и нашего поведения. В себе, в

других и в мире человек видит лишь то, что хотел видеть, или то, что может видеть – в зависимости от степени развитости самосознания. Бытие открывается человеку таким, каким он его «заслужил» в диалоге с реальной действительностью, какие доминанты он в себе воспитал.

Отсюда возникает насущная необходимость культивирования требующихся доминант. Принципиальное убеждение Ухтомского заключается в том, что «естество наше делаемо есть». «Мы – не наблюдатели, а участники бытия. Наше поведение – труд» [16, с. 89]. Следуя по пути эволюции, двигаясь к лучшему и высшему, «все истинно ценное покупается не иначе как трудом и подвигом, любовью и жертвою!», – записывал Ухтомский в своем дневнике.

Некоторые современные исследователи интерпретируют философскую концепцию Ухтомского как православный позитивизм [см.: 9].

Если бы стояла задача квалифицировать теорию Н. А. Умова в философской традиции, то в качестве частного случая реализма разумно было бы ее именовать диалектическим позитивизмом: диалектика стройных и нестройных систем. Исходными естественнонаучными принципами для построений Умова выступают явление энтропии и закон превращения энергии. Динамическая связь (корреляция) отдельных элементов целого осуществляется за счет механизма свободного интеллектуального творчества человека (проактивного, опережающего познания). Правилom, регулирующим направление познавательной-творческой активности, является агапэ (деятельная любовь, любовь-забота, любовь-самопожертвование).

Задача человека, руководимого разумом – охранение, утверждение жизни на земле, говорил Умов. Ученый считал, что «жизнь и деятельность человеческая является... одним из звеньев мировой жизни: человеческий мир не есть отдельный, обособленный мирок, он связан со всей вселенной целым рядом переходных ступеней. Мир человеческий с точки зрения естествознания стремится увеличить число событий, благоприятствующих его существованию, – повысить, говоря математически, то число, которое изображает его вероятность» [12, с. 163]. Строение человека в перспективе должно определяться его мировой ролью: уменьшать количество разрушительных процессов, нестройностей (энтропии) и способствовать нарастанию позитивных процессов, упорядочиванию различных уровней бытия, стремиться к подлинному космосу (в древнегреческом понимании этого слова), логосу, т. е. высшему порядку и высшему смыслу. «Ценность стройности, – пишет Умов, – есть основа красоты и этики. Эволюция живой материи представляет естественную историю борьбы за осуществление высших проявлений стройности – этических идеалов» [13, с. 359].

Научное знание должно помочь человеку сформировать своего рода «планетарное мышление», которое повысит его ответственность за культурное развитие общества. Узость мысли, считал Умов, приводит к «нравственной беспомощности при неудовлетворенности жизни» [13, с. 164]. Этическое отношение к миру заключается в познании и преобразовании природы. Элементы этики уже заложены в самой природе человека как стройной системе: внешний порядок предполагает определенный духовный склад. На

сцену истории должен выйти новый тип человека – homo sapiens explorans – «человек познающий». Главная задача homo sapiens explorans, считал физик, быть сознательным участником эволюции живого – в этом ценность человеческой жизни.

Человек – стройная система, следовательно, его действия могут быть руководимы только стройной системой, а именно – системой ценностей, построенной на Любви, агапэ (от греч. ἀγάπη – любовь). Агапэ – любовь человека к человеку: «...это чувство, с которым гостеприимный хозяин встречает в своем доме чужеземца-гостя», – так трактует ученый древнегреческое слово [11, с. 53].

Таким образом, именно знание и любовь в теории Умова-физика предостерегают жизнь от хаоса, создают ритм в течении жизни, удерживают от бесцельного расходования энергии. Человек – резонатор живого жизненного ритма. Роль человека в мире предписана самой системой мироустройства: познавать архитектуру мира и находить в этом познании устои творческому предвидению – записывал Умов в «исповедании естествоиспытателя» [см.: 14].

Рефлекс – тотальный принцип научной теории известного русского патопсихолога В. М. Бехтерева. Всякая активность человека, вся человеческая жизнь есть реакция на внутренние и внешние раздражители. Тип реакции личной сферы (в социальной жизни) во многом зависит от предыдущего исторического опыта личности (энергетических следов).

Что есть энергия по отношению к жизни? – основной вопрос философской концепции Бехтерева. В отношении жизни «...необходимо признать, – пишет ученый, – что все явления мира, включая и внутренние процессы живых существ или проявления “духа”, могут и должны быть рассматриваемы как производные одной мировой энергии, в которой потенциально должны содержаться как все известные нам физические энергии, так равно и материальные формы их связанного состояния и, наконец, проявления человеческого духа» [2, с. 231]. Психизм, психическое также есть особый вид энергии, различные проявления которой есть в природе. Психика и жизнь – производные энергии.

«Психика, – пишет Бехтерев, – является важнейшим определителем отношений живого организма к окружающей среде» [4, с. 236]. Одна из форм этого отношения – сознание. Сознание есть проявление так называемой «психической энергии». Дальнейшее изучение этого вопроса может находиться только в плоскости выяснения природной сущности энергии. И лишь однажды ученый высказывает собственную точку зрения на этот вопрос в работе «Вопросы умственного и нравственного воспитания». Он пишет: «Подвигаясь шаг за шагом в изучении природы, люди дошли до ее первоначальной сущности: как все что мы видим, так и все что недоступно нашему зрению есть проявление Единой Вечной невидимой невесомой энергии... Что представляет из себя эта открытая человечеством в XX веке Единая Вечная Энергия?.. Что может подтвердить нам, что открытая нами данная Вечная Энергия не есть нечто необъяснимое случайное, а есть свободное произволение Вечного Разума Бога отца, сотворившего все по известному плану и ведущего свое творение к

известной цели. Т. е. чему учило нас христианство. Единственным доказательством этого положения может служить только Откровение Самого Вечного Разума – сообщение нам сведения о процессе мироздания, о своем плане и о своей воле. И если мы найдем фактическое подтверждение этого откровения, исполнение заранее сообщенного плана, то нам не остается ничего другого, оставаясь в Разуме, как всемирно признать Общего нам всем Бога Отца – Высший Вечный Разум и исполнить добровольно сознательно его волю, наш человеческий закон возвещенный нам в последний раз Его воплощенным словом Иисусом Христом, который вполне совпадает с открытым и нами человеческим законом обеспечивающим счастливую человеческую жизнь: «необходимость любить друг друга» [3]. Итак, открыть Бога как единую мировую энергию может только человек, используя силу своего ума. Этим определяется смысл человеческого существования.

Научно обосновано, что имеет место непрерывный переход одной энергии в другую; мир представляет собой непрерывную цепь взаимодействий так, что одно оказывается зависимым от другого. На уровне психической деятельности каждый человек вникает в себя энергию предшествующих поколений, обогащает ее собственным опытом и передает ее другим каждый раз: происходит постоянная передача энергии от человека к человеку, от поколения к поколению, из века в век. Продолжая развивать эту мысль, Бехтерев-психолог пришел к мысли о социальном бессмертии человека и социальном героизме как форме поведения, обусловленной естественной нравственностью.

Человек бессмертен ввиду того, что неуничтожима нервно-психическая энергия, которая составляет сущность человеческой личности, или, «говоря философским языком, – пишет Бехтерев-мыслитель, – речь идет о бессмертии духа, который в течение всей индивидуальной жизни путем взаимовлияния как бы переходит в тысячи окружающих человеческих личностей, путем же особых культурных приобретений (письмо, печать... телефон, граммофон, те или другие произведения искусства, различные сооружения и проч.) распространяет свое влияние далеко за пределы непосредственных отношений одной личности к другой, и притом не только при одновременности их существования, но и при существовании их в различное время...» [2, с. 238].

Реалистический взгляд на жизнь позволяет утверждать, что по окончании индивидуальной жизни, когда человек прекращает свое физическое существование, психическая жизнь личности продолжается как часть духовной культуры общества. При этом совершенно не важно, насколько эта часть велика. Бехтерев писал: «Пусть эта частица окажется крупинкой, крайне малой величиной в эволюции общечеловеческой духовной культуры, но нельзя представить себе, приняв во внимание закон сохранения энергии и понимая нервно-психическую деятельность как проявление этой энергии, чтобы какая бы ни было человеческая личность не вносила самой себя хотя бы в виде малейшей, пусть даже неизмеримо малой частицы, в общечеловеческую духовную культуру. А это и обеспечивает ей вечную жизнь за периодом ее земного существования» [2, с. 241].

Как положительный, так и отрицательный вклад любой личности в целом «работает» на эволюцию человека, общества и Вселенной. Из этих посылок в теории Бехтерева совершенно логично возникает требование нравственной ответственности каждого человека: работать над совершенствованием собственной личности, созидать культуру, творчески преобразовать окружающий мир. Лучшая религия, писал мыслитель в автобиографии – «социальный героизм», выражающийся в жертвенном служении обществу [1, с. 49], в альтруистической передаче части своей энергии (знаний, умений, труда) на благо общества во имя социального бессмертия.

Мировой процесс в конце концов приведет к созданию высшего нравственного существа – «прогенератива», которое «осуществит на земле царство любви и добра» [2, с. 252].

Таким образом, психолог, психиатр и рефлексолог Бехтерев, основываясь на рефлекторной теории, опираясь на закон сохранения энергии и представление о единой мировой энергии, привнес в философскую рефлексию тему социального героизма, приходит к христианской идее всеобщей любви. Тем самым доказывается, что между наукой и религией, материальным миром и духовным нет никаких жестких границ.

В этом ряду особое внимание хочется обратить на метапсихическую модель Святителя Луки (архиепископ Симферопольский и Крымский, в миру – известный хирург, доктор медицинских наук, профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий). Идейная концепция В. Ф. Войно-Ясенецкого еще только получает свое теоретическое оформление в работах современных исследователей и очень нерешительно вводится в философский контекст. Чаще всего она рассматривается как очередной пример попытки решить проблему веры и знания (религии и науки) в существующей традиции: например, можно встретить такие ее определения как «более современный вариант цельного знания» [10] или «сердечная философия» [8]. Естественно, при таком подходе размышления св. Луки выглядят «вторично». Не отрицая правомерность обозначенных точек зрения, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что системообразующим в концепции В. Ф. Войно-Ясенецкого является понятие «метапсихика»; с этой позиции его концепция вполне отвечает реалистическому мировоззрению и представляет собой оригинальное и актуальное освещение философско-антропологической проблематики.

В философском эссе «Дух, душа и тело» мы не найдем академического определения метапсихики, однако оно имплицитно содержится в утверждении о том, что «...в природе существуют неизвестные “вибрации”, которые приводят в движение человеческий интеллект и которые открывают ему факты, сообщить о которых бессильны его чувства» [7, с. 164–165]. Становится ясным, что к области психики (душе) Войно-Ясенецкий относит мыслительную и интеллектуальную деятельность человека. И далее, «самая важная и глубокая психическая деятельность происходит за порогом нашего сознания» [7, с. 169]. Мышление «работает» с образами, поставляемыми органами чувств; интеллект – с любыми потенциально возможными образами (знанием). Тем не менее нет ничего, что говорило бы в пользу отсутствия психической деятельности вне

осознания этой деятельности. Эту идею св. Лука подкрепляет фактами ясновидения, предчувствия и предвидения, обращаясь к собственному опыту медицинской деятельности. Знание (видение) прошлого, настоящего и будущего в науке поучило название криптостезия – мистическое знание (Ш. Рише, 1850–1935). Собственно, метапсихическое знание и в нынешнее время связывается с областью парапсихологии, патопсихологии, эзотерики, оккультизма, то есть чего-то мистического, неясного, непонятного, находящегося за пределами нормального, логического, фактологического.

Св. Лука, цитируя французского врача и мыслителя Ш. Рише, писал: «В области метапсихического ясновидения странность так велика, а тьма так интенсивна, что немного больше тьмы и странности не должны нас смущать» [7, с. 168]. В чем особенность научной интерпретации мистического в данном контексте?

Речь ведь идет о том, что психическое – это то, что воспринимается в хронотопе (пространственно-временном континууме), метапсихическое – не привязано к этой схеме, а потому не может быть нами осмыслено и осознано последовательно и с очевидностью, о чем известно еще со времен И. Канта. Отрицание психической деятельности в какой-либо форме вне процесса осознания этой деятельности означало бы «поставить на паузу» работу психики (восприятия, мышления и т. д.) вне ее активной фазы, а это, в свою очередь, значит «замирание» биологической жизни, что исключено. Иначе как в известном советском кинофильме «Формула любви» – всякий мог бы примерить на себя роль графа Калиостро и силой ума «приказывать сердцу» биться или остановиться.

Таким образом, оказывается, что душа (психика) человека знает и может гораздо больше, чем человек способен осознать. Эта трансцендентальная способность Войно-Ясенецким приписывается «внутреннему человеку», потенциально обладающему сверхсознанием: «Для обнаружения сверхсознания, – пишет архиепископ, – необходимо, чтобы угасло или по крайней мере значительно ослабело нормальное, феноменальное сознание» [7, с. 171–172]. Св. Лука естественным для себя образом обращается к размышлениям философов александрийской школы, которые, как он напоминает, также утверждали, что «в чувственном теле пребывает постоянно не вся наша душа, а только некоторая ее часть, которая, будучи погружена в этот мир и потому уплотняясь или, лучше сказать, засоряясь и омрачаясь, препятствует нам воспринимать то, что воспринимает высшая часть нашей души» [7, с. 174]. Можно провести аналогию и с представлением Ф. Аквинского о душе как имеющей две части – деятельный ум (связанный с опытным знанием) и потенциальный ум (имеющий отношение к сверхопытному знанию) [см.: 17]. То есть повторяемость этого сюжета в истории философии с самых древних времен только лишний раз убеждает Войно-Ясенецкого, что и наука XX века еще не достигла того уровня развития, чтобы дать ответ на вопрос: как возможно сверхсознание? Тем не менее именно сверхсознание «связывает» душу человека («внутреннего человека») с Духом. И здесь архиепископ берет в поддержку И. Канта, цитируя его: «...можно

считать почти доказанным, или легко можно бы было доказать... или, лучше сказать, будет доказано, хотя не знаю где и когда, что человеческая душа в этой ее жизни находится в неразрывной связи со всеми нематериальными существами духовного мира, что она попеременно действует то в одном, то в другом мире и воспринимает от этих существ впечатления, которые она, как земной человек, не сознает до тех пор, пока все обстоит благополучно (то есть пока она наслаждается миром материальным)» [7, с. 176].

Человек не желает покидать «зону комфорта», пока он чувствует себя вполне счастливым. Между тем он – первая ступень духовности действительности в направлении ее развития к цельному и гармоничному мирозданию. Что может сподвигнуть человека на духовную трансформацию? По мнению Войно-Ясенецкого – жажда высшего познания и бессмертия. «То, что непостижимо “геометрическим умом”, станет понятно озаренному Христовым светом трансцендентальному сознанию внутреннего человека», – пишет он [7, с. 179]. Бессмертие есть «необходимый постулат ума», ибо если признается неуничтожимость (читай: совершенство) материи, то этот закон, полученный эмпирическим путем, необходимо распространяется на всю совокупность понятия «материя», т. е. в том числе касается и энергии, и духовной энергии, в частности, иначе говоря, «дух человека и всего живого» неуничтожим.

«Почему же необходимо участие в вечной жизни не только духа, но и всецелого человека, с его душой и телом?» – предвидит вопрос Войно-Ясенецкий. Точного ответа на этот вопрос нет в силу ограниченности наших познавательных способностей, но в Откровениях апостола Иоанна, обращает внимание св. Лука, есть слова: «И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое»; и их надо понимать так: «Настанет время нового мироздания, новой земли и нового неба. Все будет совершенно иным, и новая жизнь наша будет протекать в совершенно новых условиях. И в этой жизни мы должны обладать полнотой естества нашего... Будет работать напряженно мысль наша в познании нового мира, в условиях которого будет строиться и приближаться к Богу освобожденный от власти земной... дух наш» [7, с. 193]. Если принять трактовку души как психической энергии, то относительно нее можно и должно предположить возможность «отрыва» от физического «места» и конвертации в иную сущностную (энергетическую) форму.

Вопрос даже не в том, чтобы Спасти или Воскреснуть, как настаивает христианская догматика или русская религиозная философия. Вопрос в том, что делать, чтобы не умереть, чтобы дух человеческий имел энергетическую поддержку со стороны души и тела для трансформации, для перехода в инобытие, подобно тому, как современные космонавты нарабатывают определенную форму (и тела, и души, и духа), чтобы быть способными преодолеть земное притяжение и благополучно пребывать в Ином пространстве и времени.

Этот экзистенциальный вопрос для актуальных исследований может быть переформулирован следующим образом: как сохранить себя и духовно, и физически, в постоянно трансформирующемся мире в условиях

неопределенности? Или более реалистично: что я должен сделать «сегодня», чтобы Быть «завтра»? ...«Вопрошание» – основная функция философии.

Итак, позитивизм с его пиететом к опытному знанию стал философской основой реалистической установки в исследованиях отечественных ученых-естествоиспытателей, породив «самодеятельную» (К. С. Пигров) философию, ключевым звеном которой стал вопрос о действительной корреляционной связи материального и духовного начал. Человек, взятый в его существе, в совокупности его физических и душевных возможностей, определяется как своего рода призма, благодаря которой происходит конверсия материального в духовное и обратно. Чем выше степень согласованности внутренних и внешних устремлений человека, тем ближе целое к своему истинному состоянию – всеобщей любви.

Рассмотренные философско-антропологические модели дают богатую качественную почву для развития современных концепций экоантропологии и экогуманизма в полемике с активно продвигаемыми идеями трансгуманизма. Задача современной философии в этом направлении – найти равновесие между здоровой этико-экологической ментальностью и объективным технико-технологическим прогрессом.

Список литературы

1. Бехтерев В. М. Автобиография (посмертная). – М.: Огонек, 1928. – 54 с.
2. Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема // Избранные труды по психологии личности: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
3. Бехтерев В. М. Вопросы умственного и нравственного воспитания. – ЦГИА, Ф. 2265, оп. 1, д. 346, л. 2.
4. Бехтерев В. М. Значение энергии организма в отношении эволюции // Психика и жизнь. – М.: Книжный клуб Книговек, 2012. – 592 с.
5. Герцен А. И. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы // Собрания сочинений: в 30 т. Т. 3. – М.: Наука, 1954. – 363 с.
6. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. – М.: Чоро, 1994. – 741 с.
7. Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. Дух, душа и тело. – М.: Духовное преображение, 2020. – 224 с.
8. Майорова Н. С. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) о душе, духе и человеческой жизни // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 33–38.
9. Рыбас А. Е. Православный позитивизм А. А. Ухтомского // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2019. – № 2 (24). – С. 138–152. – URL: <http://fikio.ru/?p=3617> (дата обращения 10.10.2020).
10. Степанова И. Н. Православная философия В. Ф. Войно-Ясенецкого // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2005. – № 7 (47). – С. 246–249.

11. Умов Н. А. Агапэ // Собрание сочинений профессора Николая Алексеевича Умова: в 3 т. Т. 3. – М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, 1916. – С. 53–58.
12. Умов Н. А. Мысли об естествознании // Собрание сочинений профессора Николая Алексеевича Умова: в 3 т. Т. 3. – М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, 1916. – С. 157–164.
13. Умов Н. А. Эволюция мировоззрений в связи с учением Дарвина // Собрание сочинений профессора Николая Алексеевича Умова: в 3 т. Т. 3. – М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, 1916. – С. 330–360.
14. Умов Н. А. Роль человека в познаваемом им мире // Природа. – 1912. – Март. – С. 310–331.
15. Ухтомский А. А. Доминанта. – М.–Л.: Наука, 1966. – 273 с.
16. Ухтомский А. А. Собрание сочинений: сборник. Т. 5. Обзорные и другие статьи. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1954. – 232 с.
17. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга вторая. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 584 с.

References

1. Bekhterev V. M. Autobiography [*Avtobiografiya (posmertnaya)*]. Moscow: Ogonek, 1928, 54 p.
2. Bekhterev V. M. The Immortality of Human personality as a Scientific Problem [Bessmertie chelovecheskoy lichnosti kak nauchnaya problema]. *Izbrannyye trudy po psikhologii lichnosti: v 2 t. T. 1.* (Selected Works on Personality Psychology: in 2 vol. Vol. 1). Saint Petersburg: Aleteyya, 1999, 256 p.
3. Bekhterev V. M. The Questions of Mental and Moral Training [*Voprosy umstvennogo i nravstvennogo vospitaniya*]. Tsentralnyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (Central State Historical Archives CGHA), f. 2265, op. 1, d. 346, l. 2.
4. Bekhterev V. M. The Value of the Body's Energy in Relation to Evolution [Znachenie energii organizma v otnoshenii evolyutsii]. *Psikhika i zhizn* (Psyche and Life). Moscow: Knizhnyy klub Knigovek, 2012, 592 p.
5. Gertsen A. I. Dilettantism in Science [Diletantizm v nauke. Pisma ob izuchenii prirody]. *Sobranie sochineniy: v 30 t. T. 3.* (Collected Works: in 30 vol. Vol. 3). Moscow: Nauka, 1954, 363 p.
6. Kant I. On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World [O forme i printsipakh chuvstvenno vosprinimaemogo i intelligibel'nogo mira]. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 2* (Collected Works: in 8 vol. Vol. 2). Moscow: Choro, 1994, 741 p.
7. Luka (Voyno-Yasenetskiy), svyatitel. Spirit, Soul and Body [*Dukh, dusha i telo*]. Moscow: Dukhovnoe preobrazhenie, 2020, 224 p.
8. Mayorova N. S. Archbishop Luka (Valentin Felixovich Voyno-Yasenetskiy) on the Spirit, Soul and Human [Archiepiskop Luka (Voyno-Yasenetskiy) o dushe, dukhe i chelovecheskoy zhizni]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* (Vestnik of Kostroma State University), 2018, № 4, pp. 33–38.

9. Rybas A. E. Orthodox Positivism of A. A. Ukhtomsky [Pravoslavnyy pozitivizm A. A. Ukhtomskogo]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2019, no. 2 (24), pp. 138–152. Available at: <http://fikio.ru/?p=3617> (accessed 10 October 2020).

10. Stepanova I. N. Orthodox Philosophy of W. F. Woino-Yasenezki [Pravoslavnaya filosofiya V. F. Voyno-Yasenetskogo]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: sotsialno-gumanitarnye nauki* (Bulletin of South Ural State University. Series ‘Humanities and Social Sciences’), 2005, no. 7 (47), pp. 246–249.

11. Umov N. A. Agape [Agape]. *Sobranie sochineniy professora Nikolaya Alekseevicha Umova: v 3 t. T. 3* (Collected Works of Professor Nikolay Alekseevich Umov: in 3 vol. Vol. 3). Moscow: Tipo-litografiya tovarishestva I. N. Kushnerev i K^o, 1916, pp. 53–58.

12. Umov N. A. Thoughts on Natural Science [Mysli ob estestvoznanii]. *Sobranie sochineniy professora Nikolaya Alekseevicha Umova: v 3 t. T. 3* (Collected Works of Professor Nikolay Alekseevich Umov: in 3 vol. Vol. 3). Moscow: Tipo-litografiya tovarishestva I. N. Kushnerev i K^o, 1916, pp. 157–164.

13. Umov N. A. Evolution of Worldviews in Connection with the Teachings of Darwin [Evolyutsiya mirovozzreniy v svyazi s ucheniem Darvina]. *Sobranie sochineniy professora Nikolaya Alekseevicha Umova: v 3 t. T. 3* (Collected Works of Professor Nikolay Alekseevich Umov: in 3 vol. Vol. 3). Moscow: Tipo-litografiya tovarishestva I. N. Kushnerev i K^o, 1916, pp. 330–360.

14. Umov N. A. The Role of Man in the Cognizable World [Rol cheloveka v poznavаемom im mire]. *Priroda* (Nature), 1912, March, pp. 310–331.

15. Ukhtomskiy A. A. Dominant [*Dominanta*]. Moscow–Leningrad: Nauka, 1966, 273 p.

16. Ukhtomskiy A. A. Collected Works. Vol. 5. Review and Other Articles [*Sobranie sochineniy. T. 5. Obzornye i drugie stati*]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1954, 232 p.

17. Thomas Aquinas. Summa contra Gentiles [*Summa protiv yazychnikov. Kniga vtoraya*]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2004, 584 p.

УДК 1(091)

Теория «вселенской атомократии» К. Э. Циолковского в контексте идей русского эмпириокритицизма*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

Рыбас Александр Евгеньевич – Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, кафедра русской философии и культуры, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия; Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ассоциированный научный сотрудник, Санкт-Петербург, Россия.

Email: alexirspb@mail.ru

SPIN: 5531-0040,

ORCID: 0000-0003-2120-2667,

ResearcherID: N-2482-2013,

ScopusID: 57197709027.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Философские взгляды Циолковского рассматриваются, как правило, в контексте традиции русского космизма. Такая методологическая установка приводит к упрощению и в ряде случаев искажению как позиции Циолковского, так и воззрений других мыслителей, которых в историко-философской исследовательской литературе принято причислять к «русским космистам».

Результаты: Использование термина «русский космизм» для обозначения особой традиции в развитии русской философии представляется несостоятельным с научной точки зрения. Термин «русский космизм» был введен в оборот как эвристический продукт историко-философской интерпретации в 1970-е гг. Начиная с конца XX в. его стали использовать преимущественно в качестве идеологемы для доказательства превосходства русской религиозно-философской мысли, ориентированной на сверхрациональное постижение целого как предмета радикальной футурологии, над рационалистической европейской философией, ставшей причиной застоя и деградации западной цивилизации.

Выводы: Адекватное изучение философских идей Циолковского требует отказа от отнесения их к традиции «русского космизма». Более убедительным является рассмотрение философского творчества Циолковского в контексте сциентизма, определявшего проблематику философских исканий в России в конце XIX – первой трети XX в., а точнее – в контексте русского эмпириокритицизма. Заметное влияние на воззрения Циолковского оказал

* © А. Е. Рыбас, 2020.

второй позитивизм. Можно сделать вывод, что философские идеи русского мыслителя, в частности теория вселенской атомократии, представляют собой результат творческого усвоения и развития основных положений позитивной философии.

Ключевые слова: русский позитивизм; эмпириокритицизм; К. Э. Циолковский; русский космизм; научная философия; история русской философии.

K. E. Tsiolkovsky's "Universal Atomocracy" Theory in the Context of the Ideas of Russian Empirio-Criticism

Rybas Aleksandr Evgenievich – Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Russian Philosophy and Culture, PhD (Philosophy), Associate Professor, Saint Petersburg, Russia; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Associate Research Fellow, Saint Petersburg, Russia.

Email: alexirspb@mail.ru

Abstract

Background: Tsiolkovsky's philosophical views are considered evidently in the context of the tradition of Russian cosmism. This methodological attitude leads to a simplification and, in some cases, falsification of both the position of Tsiolkovsky and the views of other thinkers, who in the historical and philosophical literature are usually referred to as "Russian cosmists".

Results: The use of the term "Russian cosmism" to denote a special tradition in the development of Russian philosophy seems inconsistent from the scientific point of view. The term "Russian cosmism" was put into circulation as a heuristic product of historical and philosophical interpretation in the 1970s. Since the end of the twentieth century, it has been used mainly as an ideologeme to prove the superiority of Russian religious and philosophical thought, focused on the superrational comprehension of the whole as a subject of radical futurology, over rationalistic European philosophy, which is claimed to have caused the stagnation and degradation of Western civilization.

Conclusion: To study Tsiolkovsky's philosophical ideas adequately, it is necessary to refuse to attribute them to the tradition of "Russian cosmism". The consideration of Tsiolkovsky's philosophical works seems more convincing in the context of scientism, which determined the problems of philosophical study in Russia at the end of the 19th – first three decades of the 20th centuries, or more precisely, in the context of Russian empirio-criticism. The second positivism had a noticeable influence on Tsiolkovsky's views. The philosophical ideas of the Russian thinker, the theory of universal atomocracy in particular, are the result of the creative adoption and development of the main concepts of positive philosophy.

Keywords: Russian positivism; empirio-criticism; К. Е. Циолковский; Russian cosmism; scientific philosophy; history of Russian philosophy.

Обычно философские взгляды К. Э. Циолковского, известного изобретателя и основателя отечественной космонавтики, рассматривают в контексте русского космизма [см.: 1; 7]. Однако, несмотря на общепризнанность такого подхода, его нельзя считать правомерным. Дело в том, что термин «космизм» был введен в научный оборот не так давно, в 1970-е годы, и целью введения этого термина являлось не столько изучение уже сложившейся традиции русской мысли, сколько историко-философское ее *моделирование*. Анализ исследовательской литературы убеждает в том, что русский космизм – это не действительная характеристика соответствующей тенденции развития отечественной интеллектуальной истории, а продукт интерпретаторской деятельности историков философии.

Вот как, например, объясняет появление термина «космизм» Ф. И. Гиренок: «В конце 70-х годов я занимался изучением генезиса концепции ноосферы В. И. Вернадского... В результате я придумал теорию “Русского космизма”, к которому отнес и Вернадского. Написал статью и отправил ее в редакцию журнала “Вопросы философии”. Статью не приняли по той причине, что если существует русский космизм, то должен быть еще и немецкий, а у меня ничего про это не сказано. Более того, ничего русского в “русском космизме” редакцией замечено не было... В 1984 г. мою работу прочел академик Н. Моисеев и поддержал меня. Издательство “Наука” опубликовало мою книгу “Экология. Цивилизация. Ноосфера”. Так возник феномен “русского космизма”» [4, с. 7].

В приведенной цитате интересно не столько откровенное признание Ф. И. Гиренка в том, что он «придумал» русский космизм, сколько очевидная необязательность этой «теории», ее производность и «метафоричность». Впрочем, что касается термина «русский космизм», авторство Ф. И. Гиренка сейчас активно оспаривается, и это лишний раз свидетельствует о том, что речь идет, скорее всего, о выражении и отстаивании собственной философской позиции – взглядов самого исследователя, для чего и используются описанные М. К. Петровым «эффекты ретроспективы»¹. Согласно А. П. Огурцову, честь изобретения термина принадлежит Н. К. Гаврюшину, который задолго до увлечения Ф. И. Гиренком ноосферной проблематикой опубликовал несколько статей о русском космизме и К. Э. Циолковском [см.: 2; 3]. Примечательно, что А. П. Огурцов так же, как и Ф. И. Гиренок, подчеркивает произвольность создания термина: «Вспоминаю, как в сентябре 1970 г. мы вдвоем (А. П. Огурцов и Н. К. Гаврюшин. – *А. Р.*) ходили по улицам Калуги и

¹ Анализируя причины искажения существенных характеристик предмета исторического исследования, М. К. Петров писал: «В результате трансмутационного акта объяснения не только новое становится наличным, входит в массив наличного знания, но и наличное в той степени, в какой оно вовлечено в акт объяснения, становится новым, “обновленным”, приобретает значение и оттенки значений, которых оно прежде не имело» [10, с. 80].

обсуждали, как назвать то направление, к которому принадлежал К. Э. Циолковский, и Гаврюшин предложил термин «русский космизм» [9].

Следует отметить, что в современной историко-философской литературе все чаще предпринимаются попытки преодолеть описанный выше терминологический «волюнтаризм». В частности, О. Д. Маслобоева, организатор и вдохновитель продолжающейся серии международных научных конференций по актуализации потенциала русского космизма, стремится доказать, что «космизм» является самоназванием религиозно-философской традиции русской мысли, берущей начало с трудов Н. Ф. Фёдорова и длящейся по сей день независимо от историко-философских манипуляций. С этой точки зрения, космизм – это закономерный этап развития русской и мировой философии; более того, вся история русской мысли движется в направлении к раскрытию проблематики космизма и находит в ее актуализации максимально полное свое выражение.

Называя Н. Ф. Фёдорова «зачинателем русского космизма», О. Д. Маслобоева хотя и признает, что в его сочинениях термины «космизм» и «космическая философия» отсутствуют, но объясняет это тем, что таков «общий удел основоположников значимых философских школ и направлений» [8, с. 5] – дать важнейшие принципы нового учения (а у Н. Ф. Фёдорова это обоснование космической функции человека и проективный характер философии), исходя из которых ближайшие последователи уже сами смогут выработать всю необходимую философскую терминологию. «Есть основания утверждать, – пишет О. Д. Маслобоева, – что понятие “космизм” родилось в 1920 г. в беседе А. Л. Чижевского и поэта В. Я. Брюсова, который, выслушав рассказ об идеях К. Э. Циолковского, воскликнул: “Поистине только русский ум мог поставить такую грандиозную задачу – заселить человечество Вселенную! Космизм! Каково! Никто до Циолковского не мыслил такими масштабами, космическими масштабами!”» [8, с. 4–5].

К сожалению, более веских аргументов в пользу «самозарождения» термина «русский космизм» О. Д. Маслобоева не приводит. А значит, преодоление «волюнтаризма» является здесь только формальным, то есть, по сути, не отменяет, а продолжает и даже усиливает указанную тенденцию. Во всяком случае, тот факт, что «русский космизм» получил свое терминологическое закрепление вследствие поэтических восклицаний, никак не способствует прояснению целостности философской традиции и ее специфических характеристик.

Не удивительно, что в исследовательской литературе никогда не было и нет единого понимания термина «космизм». Изначально представителями русского космизма считались такие мыслители, как Н. Ф. Фёдоров, Н. А. Умов, Н. Г. Холодный, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский и А. Л. Чижевский, взгляды которых хотя и отличались друг от друга, причем иногда кардинально, но все-таки могли быть объединены, пусть и формально, в «традицию» на основании общего для всех них принципиального положения, а именно высокой оценки науки и признания ее определяющей роли в освоении и преобразовании космоса.

Позднее такое, «естественнонаучное», понимание космизма было объявлено «узким», и традиция русского космизма обогатилась новыми именами, причем не только философов и ученых, но и поэтов, художников, музыкантов, религиозных деятелей, эзотериков и мистиков. В результате и без того размытое понятие русского космизма стало абсолютно неопределенным и потеряло даже ту эвристическую историко-философскую ценность, которую оно имело раньше. Так, элементы философии космизма были обнаружены в творчестве А. В. Сухова-Кобылина, В. С. Соловьева, А. А. Блока, Н. А. Бердяева и многих других литераторов. А поскольку вопросами о том, что представляют собой мироздание (макрокосм) и человек (микрокосм), интересовались практически все русские философы, то они тоже автоматически оказались отнесены к космистам.

В качестве примера максимально «широкого» понимания русского космизма можно привести трактовку, данную в энциклопедии «Русская философия», вышедшей в свет в 2007 г. под редакцией М. А. Маслина. Здесь выделяются целых 10 разновидностей этой философской традиции, причем для ее «имманентной» систематизации выбираются – разумеется, произвольно – самые разные критерии. Русский космизм предстает в результате как совокупность следующих направлений:

- 1) естественнонаучного,
- 2) религиозно-философского,
- 3) софиологического,
- 4) теософского,
- 5) эстетического,
- 6) музыкально-мистического,
- 7) мистического,
- 8) экзистенциально-эсхатологического,
- 9) проективного,
- 10) активно-эволюционистского [см.: 6].

Пожалуй, трудно было бы найти более убедительное доказательство бессодержательности термина «русский космизм». Ведь если все вышеперечисленные модусы космизма действительно указывают на единство философской проблематики, то они должны представлять собой части одного целого, органично связанные друг с другом. В этом случае «космос», как фундаментальное понятие или основание мысли, определял бы специфику каждого «направления» в космизме и сохранял бы смысловую инвариантность во всех возможных интерпретациях. Но естественнонаучное понимание космоса существенно отличается от теософского, мистического, софиологического, как экзистенциально-эсхатологическое – от проективного, активно-эволюционистского, и т. д. Почему? Скорее всего, потому, что «космос» не является здесь основополагающим понятием, а, наоборот, является понятием производным, обусловленным той или иной философской позицией. Именно по причине изначального различия этих позиций и возникают различные трактовки космоса, и игнорировать первичность этих позиций

нельзя, если мы хотим оставаться в рамках научного историко-философского дискурса.

Пустота понятия «русский космизм» обнаруживается и тогда, когда мы имеем дело с попытками его идеологизации. Настаивая на том, что русский космизм – это «понятие, представляющее собой цельную совокупность взглядов, характеризующуюся особым отношением к Космосу» и базирующуюся на «сверхэволюционном развитии мира (макрокосма) и человека (микрокосма) в их неразрывном всеединстве» [11, с. 36], многие авторы приходят к выводу, что «космическое мировоззрение» выступает отличительной особенностью «русского философствования». С этой точки зрения западная цивилизация в принципе завершила свое развитие и «уже не способна соответствовать общемировой эволюции жизни», поскольку «основана на трезвом логичном конструировании жизни из имеющихся фактов путем их анализа и расчетливого использования» [12]. Рационализм, будучи продуктом европейской культуры, неминуемо ведет ее к кризису и затем к гибели, и Запад не в состоянии спастись собственными силами, ему требуется помощь извне. Такую помощь и оказывает Западу русский космизм: эта «радикальная футурология, подкрепленная активной супрагуманистической ролью человечества в мире, проникнута желанием высочайшего совершенства, согласно призыву Христа: “Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный... Бог не мёртвых, а живых...”» [12]. Таким образом, русский космизм как альтернатива западной цивилизации – это «одна из концепций, которая могла бы дать передовой ныне общественно-экономической формации – “постиндустриальному информационному обществу” – необходимую перспективность» [12].

Очевидно, что такое «всеобъемлющее» и «футурологическое» содержание понятия «космизм» не только не способствует уяснению реальных тенденций развития русской философии и культуры, но даже существенно искажает их. Поэтому лучше вообще отказаться от использования термина «космизм». Известно к тому же, что никто из русских «космистов» себя таковым не считал и в своем творчестве не ссылался на своих предшественников. Не является исключением здесь и Циолковский – автор космической философии, которую, как это следует из вышесказанного, нельзя рассматривать в контексте космизма. Философские идеи Циолковского появились на общем фоне увлечения наукой, который и должен быть контекстом их изучения.

В обширном наследии Циолковского имеется целый ряд философских трактатов: «Научные основания религии» (1898), «Этика, или естественные основы нравственности» (1902–1903), «Горе и гений» (1916), «Идеальный строй жизни» (1917), «Приключения атома» (1918), «Монизм вселенной» (1925–1931), «Воля вселенной» (1928), «Будущее земли и человечества» (1928), «Космическая философия» (1935) и др. Все эти работы, несмотря на наукообразный стиль, в котором они написаны, могут показаться эклектичными и декларативными. Действительно, многие положения космической философии, причем наиболее важные, никак не обосновываются и

берутся как аксиомы, исходя из которых выводятся «удивительные» следствия. Данное обстоятельство позволило некоторым исследователям утверждать, что ценность философских трудов Циолковского минимальна, а выводы его противоречивы [см.: 5, с. 179–181].

Однако философские взгляды Циолковского не были настолько оригинальными и беспрецедентными, чтобы их можно было считать продуктом фантазии «калужского мечтателя» и «самоучки». Многое проясняется, если космическую философию понимать как одну из попыток разработки проблематики философского сциентизма, получившего распространение благодаря популяризации в широких кругах научной общественности философии позитивизма. Не случайно Циолковский, занимаясь самообразованием в Чертковской библиотеке, с увлечением читал статьи Д. И. Писарева, которого он позже назвал «своим вторым “Я”». Кстати, познакомившись в той же библиотеке с «основоположником» русского космизма Н. Ф. Фёдоровым и регулярно общаясь с ним, Циолковский ни разу не завел с ним беседы ни о философии, ни даже о космосе.

Содержание космической философии представляет собой развитие нескольких положений второго позитивизма. Прежде всего нужно обратить внимание на метод философствования, которым пользуется Циолковский. Этот метод предполагает монистическое описание сущего исходя из непосредственно данного человеку опыта – «аморфной материи», по отношению к которой еще не произведено никаких познавательных операций. Но уже и в таком, «аморфном», состоянии материя представляет собой не подлинную реальность, пусть только обозначенную в качестве предмета исследования, а необходимое «допущение», обусловленное особенностями функционирования аппарата человеческого познания – мозга. Вообще мозг, согласно Циолковскому, – это создатель всевозможных представлений о сущем, которые имеют субъективную ценность, т. е. определяют жизнь человека, и могут вообще никак не относиться к «объективной реальности».

Вот как, например, рассуждает Циолковский, пытаясь возражать тем, кто не был удовлетворен его доказательством вечности жизни, потому что оно исключало возможность сохранения памяти об их настоящем существовании: «Они непременно хотят, чтобы вторая жизнь была продолжением предыдущей. Они хотят видеться с родственниками, друзьями, они хотят и пережитого... Но как же вы можете видеть своих друзей, когда представление о них – создание вашего мозга, который будет обязательно разрушен? Ни собака, ни слон, ни муха не увидят своего рода по той же причине. Не составляет исключения и человек. Умиравший прощается навсегда со своей обстановкой. Ведь она у него в мозгу, а он расстраивается. Она возникает, когда атом снова попадет в иной мозг. Он даст и обстановку, но другую, не имеющую связи с первой» [15, с. 53–54].

Человеческий мозг, согласно Циолковскому, продуцирует сначала три «основы суждений»: время, пространство и силу, из которых выстраивается затем вся система представлений о сущем. «Эти три элемента суждений отвлечены (абстрактны), т. е. не существуют во вселенной отдельно, –

подчеркивает Циолковский. – Но все они сливаются в представлении о материи. Они же ее определяют. Без материи не существует ни время, ни пространство, ни сила. И обратно, где есть одно из этих понятий, там есть и материя. Она определяется тремя этими понятиями. Они, конечно, вполне субъективны. В сущность их входить мы считаем мало полезным» [15, с. 33–34].

Таким образом, представление об аморфной материи есть не что иное, как первый опыт разумного мышления, это просто следствие того, что человек способен мыслить. В дальнейшем, реализуя эту способность, человек создает из изначального хаоса космос, т. е. анализирует и структурирует непосредственный опыт таким образом, что достигает возможной полноты познания. Сразу же вырабатывается представление о всеобщей чувствительности материи: материя является «живой», так как она, сохраняя единство, способна представать в бесконечно разнообразных формах. Эти формы, или тела, могут быть простыми или сложными, причем степень их сложности обуславливается тем, насколько глубоко мы можем подвергнуть их анализу в процессе познания.

Чтобы обозначить предел возможного анализа, Циолковский вводит понятие «атом». Содержание этого понятия во многом обуславливается учением эмпириокритиков об элементах опыта. Подобно Авенариусу, Циолковский настаивает на принципиальном отличии его атомов от традиционных представлений античного атомизма. Прежде всего, атом не есть нечто неделимое (одна из глав «Монизма Вселенной» так и называется: «Чувство атома или его частей»), константное и имеющее какую-то определенную сущность, отражающую подлинную реальность. Атом, как и материя, элементом которой он выступает, является «живым». Он постоянно перемещается и к тому же преобразуется: «Атом то упрощается, то усложняется, периодически принимая вид всех химических элементов» [15, с. 57]. Это означает, что атом, как ключевое понятие космической философии, призван обозначать процессы становления, а не фиксировать нечто неизменно-истинное, он должен использоваться для построения динамической, а не метафизической картины мира.

Живой атом, как его понимает Циолковский, ближе всего к ощущениям – элементам опыта, как их описывает Мах. Разлагая объекты восприятия на ощущения, Мах утверждал, что тела представляют собой не что иное, как комплексы ощущений. Более того, он в известном смысле соглашался с формулой Беркли «существовать – значит быть воспринимаемым» (*esse est percipi*), полагая, что поскольку о телах как данных в опыте судит человек, то эти тела существуют лишь для человека, состоят из ощущений и к ним полностью сводятся. Циолковский указывает на главную характерную черту атомов – «отзывчивость», т. е. способность реагировать на внешнее воздействие. Высшей степенью отзывчивости, присущей организмам, является «чувствительность», которая традиционно ошибочно противопоставляется отзывчивости. «Отзывчивы все тела космоса... – пишет Циолковский. – Мертвые тела даже иногда отзывчивее живых. Так, термометр, барометр,

гигроскоп и другие научные приборы гораздо отзывчивее человека. Отзывчива всякая частица вселенной. Мы думаем, что она также чувствительна» [15, с. 30].

При помощи сопоставления и анализа терминов «отзывчивость» и «чувствительность» Циолковский по-своему решает проблему обоснования параллелизма двух рядов зависимости элементов – психического и физического, которая являлась одной из важнейших в эмпириокритицизме. Находясь в составе неорганического тела или же представляя собой простейшую форму организации материи, атом, очевидно, обладает отзывчивостью, которая, разумеется, не исчезает, когда атом перемещается в более сложное тело. Но подобным же образом обстоит дело и с чувствительностью, только на более низких уровнях организации материи она минимальна, а на высших – максимальна. В противном случае пришлось бы констатировать наличие скачка из небытия в бытие, который нельзя было бы объяснить, не изменяя принципам монистического описания сущего.

Вот как доказывает параллелизм рядов Циолковский: «Все непрерывно и все едино. Материя едина, также ее отзывчивость и чувствительность. Степень же чувствительности зависит от материальных сочетаний. Как живой мир по своей сложности и совершенству представляет непрерывную лестницу, нисходящую до “мертвой” материи, так и сила чувства представляет такую же лестницу, не исчезающую даже на границе живого. Если не прекращается отзывчивость, явление механическое, то почему прекратится чувствительность – явление, неправильно называемое психическим, т. е. ничего общего с материей не имеющим... И те, и другие явления идут параллельно, согласно и никогда не оставляют ни живое, ни мертвое. Хотя, с другой стороны, количество ощущения у мертвого так мало, что мы условно или приблизительно можем считать его отсутствующим. Если на черную бумагу упадет белая пылинка, то это еще не будет основанием называть ее белой. Белая пылинка и есть эта чувствительность “мертвого”» [15, с. 32].

Как и ощущения у Маха, атомы в трактовке Циолковского характеризуются двояко: с одной стороны, они являются элементами космоса и поэтому вполне реальны; с другой стороны, они образуются в результате анализа материи, которая, в свою очередь, создается разумом, и поэтому они идеальны. Характеризуя свою философскую позицию, Циолковский так же, как и позитивисты, пытался отойти от традиционного деления на материализм и идеализм. В итоге он назвал ее панпсихизмом: «Я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей вселенной. Это свойство я считаю неотделимым от материи. Все живо, но условно мы считаем живым только то, что достаточно чувствует. Так как всякая материя всегда при благоприятных условиях может перейти в органическое состояние, то мы можем условно сказать, что неорганическая материя потенциально жива» [15, с. 32–33]. Однако при этом Циолковский допускал существование некой причины космоса, утверждая не только то, что она «нечто высшее вселенной, но и то, что она не имеет ничего общего с веществом» [17, с. 94].

Вообще космическая философия, если судить о ней с точки зрения того пафоса, который делает её своеобразным и интересным явлением в истории мысли, представляет собой опыт продумывания проблемы *бесконечности*. Именно бесконечность, понятая не в математическом и даже не в метафизическом, а в морально-этическом смысле, придает ей особый колорит, отличая от концепций, написанных в духе эмпириокритицизма. «Я исхожу, – писал Циолковский, – из принципа бесконечной сложности материи, которая, в свою очередь, вытекает из бесконечности времен, т. е. из того, что вселенная всегда была и потому вечно усложнялась» [16, с. 307]. Отрицать бесконечность нельзя, так как любая величина может быть больше, чем она в данный момент является. Однако и помыслить бесконечность тоже нельзя, ее можно только принять как нечто непостижимое, но тем не менее рационально обоснованное и необходимое. Отсюда вытекает ряд следствий, которые касаются практически всех аспектов человеческой жизни.

Создавая теорию «вселенской атомократии», Циолковский актуализировал смысл бесконечности прежде всего для того, чтобы противостоять пессимизму и унынию, обусловленным наивной верой в неизбежность смерти. «Мне хочется, – писал он, обращаясь к читателям, – чтобы эта жизнь ваша была светлой мечтой будущего, никогда не кончающегося счастья... Я хочу привести вас в восторг от созерцания Вселенной, от ожидающей всех судьбы, от чудесной истории прошедшего и будущего каждого атома. Это увеличит ваше здоровье, удлинит жизнь и даст силу терпеть превратности судьбы. Вы будете умирать с радостью, в убеждении, что вас ожидает счастье, совершенство, беспредельность и субъективная непрерывность богатой органической жизни» [15, с. 27]. Выводы Циолковского легли в основу его «научной этики», однако их значение было намного шире.

Конечно, «всю бесконечность космоса объять ограниченный человеческий ум не может» [15, с. 38], однако понятие бесконечности играет как в науке, так и в философии большую роль. И если это понятие не является пустым, а сомневаться в этом нет достаточного основания, то существенным признаком бесконечности необходимо признать то, что в ней *возможное* совпадает с *действительным*. Отсюда с необходимостью следует и действительность совершенства («бессмертные духи»), и совершенство действительности (заселенность космоса), и однозначность решения вопроса о действительности несовершенства (Земля с ее страданиями и неустроенностью должна быть понята как «заповедник», охраняемый «духами» с эгоистической целью сохранения возможности их дальнейшего процветания). Рассмотрим эти три важнейшие составляющие «космической философии» Циолковского более подробно.

Прежде всего, нужно признать, что «во вселенной господствовал, господствует и будет господствовать разум и высшие общественные организации» [15, с. 47]. Действительно, если вселенная бесконечна и существует в течение бесконечного времени, то все, что в принципе возможно, должно было реализоваться. Это означает, что на других планетах – в «зрелых

мирах» – обитают более высокие, чем человек, формы жизни, которые давно уже «стали бессмертными владыками мира». Совершенные организмы принципиально отличаются от всех известных нам: например, они питаются лучистой энергией, могут жить и передвигаться в пустоте или в разреженном газе, не зависят от температурных режимов и т. д. Может быть, «неизвестные разумные силы» оказывают влияние и на нас: вполне допустима мысль об их проникновении «в наш мозг и вмешательстве их в человеческие дела» [13, с. 113].

Достижшие совершенства существа устанавливают во вселенной порядок, соответствующий их организации. Циолковский гипотетически изображает процесс роста космического совершенства, который приводит к объединению планет, галактик, «эфирных островов» и т. д. Возникает сложная социально-космическая система во главе с «президентом» – самой совершенной формой организации атомов во вселенной. Высшие существа постоянно размножаются, причем безболезненно, и расселяются по всем планетам. При этом они обустроивают свои будущие жилища, уничтожая на планетах «недоразвитые» формы жизни. Такое действие Циолковский характеризует как проявление вселенского добра, поскольку «сеятели высшей жизни» избавляют атомы от неудачных сочетаний и помогают им скорее воплотиться в наиболее совершенные организмы. В результате «органическая жизнь Вселенной находится в блестящем состоянии. Все живущие счастливы, и это счастье даже трудно человеку понять» [15, с. 48].

Что касается Земли и тех страданий, которые испытывают живущие на ней организмы, то все это также объясняется исходя из логики продумывания идеи бесконечности. «Высший эгоизм» разума совершенных требует, чтобы в космосе оставались очаги жизни, возникшей произвольно, без вмешательства бессмертных духов. Дело в том, что в результате самозарождения жизни и естественного ее развития могут возникнуть новые, еще более совершенные формы организации атомов. Поскольку вселенная бесконечна и существует в течение бесконечного времени, то очевидно, что достигнутое совершенство нельзя рассматривать как окончательную оптимальную форму высшей жизни. Циолковский делает вывод, что в этом случае возникла бы опасность для существования самих совершенных: возомнив себя богами, они забыли бы о том, что их совершенство, даже такое, которое наш человеческий разум и представить себе не в состоянии, ничто по сравнению с бесконечностью вселенной и тем более ее Причины. В итоге вместо прогресса начался бы регресс, и совершенные организмы стали бы вырождаться.

Земля, согласно Циолковскому, относится к числу тех редких планет, на которых жизнь возникла путем самозарождения и развивается автономно. Путь самозарождения – мученический, поэтому на Земле много страданий и зла. Но «сумма этих страданий незаметна в океане счастья всего космоса» [14, с. 460]; более того, в известном смысле счастье космоса предполагает наличие страданий на Земле. «Роль Земли и подобных немногих планет, хотя и страдальческая, но почетная. Земному усовершенствованному потоку жизни предназначено пополнить убыль регрессирующих пород космоса» [15, с. 48].

Таким образом, именно Земля может дать тот свежий приток обновления и пополнения высших форм организации атомов, который не даст погаснуть совершенной жизни в космосе. Жить на Земле – это подвиг.

Циолковский верил, что в будущем развитие науки и техники позволит радикально изменить существование на Земле. Установится счастливое общественное устройство, наступит всеобщее объединение, прекратятся войны. Изменится и сам человек, сделавшись более совершенным существом. Правда, для этого необходимо будет применить к людям принцип «евгенического подбора». Брак и рождения детей в будущем обществе будут происходить только с разрешения начальства. «Склонные ко злу» будут оставляться без потомства. В результате через несколько поколений человеческая природа существенно улучшится, Земля будет населена только высшими, совершенными формами жизни, и «наш атом будет пользоваться только ими. Значит, смерть прекращает все страдания и дает, субъективно, немедленно счастье» [15, с. 52]. Достигшие совершенства люди с помощью межпланетных летательных аппаратов начнут заселять своим «зрелым родом» другие планеты.

В отдаленном же будущем следует и вовсе ожидать перехода вселенной из материального состояния в состояние энергетическое, или «лучистое». «Разум (или материя) узнает все, – пророчествовал Циолковский, – само существование отдельных индивидов и материального или корпускулярного мира он сочтет ненужным и перейдет в лучевое состояние высокого порядка, которое будет все знать и ничего не желать, то есть в то состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой богов. Космос превратится в великое совершенство» [18, с. 82].

Список литературы

1. Алексеева В. И. К. Э. Циолковский: Философия космизма. – М.: Самообразование, 2007. – 320 с.
2. Гаврюшин Н. К. Из истории русского космизма // Труды V и VI чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию творчества К. Э. Циолковского. – М.: Машиностроение, 1972. – С. 104–106.
3. Гаврюшин Н. К. К. Э. Циолковский и европейский космизм (к вопросу о генезисе теоретической космонавтики) // Русский космизм. 2011. URL: <https://cosmizm.ru/c114gavryushin-n-k-k-e-ciolkovskij-i-evropejskij-kosmizm-k-voprosu-o-genezise-teoreticheskoy-kosmonavtiki> (дата обращения 06.09.2020).
4. Гиренок Ф. И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. – М.: Анраф, 1998. – 416 с.
5. Замалеев А. Ф. Курс истории русской философии // Самосознание России: Исследования по русской философии, политологии и культуре. – СПб.: Наука, 2010. – С. 11–192.
6. Куракина О. Д., Голованов Л. В. Космизм // Русская философия. Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 334–336.
7. Маслобоева О. Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. – М.: АПК и ППРО, 2007. – 296 с.

8. Маслобоева О. Д. Философско-антропологический проект российского органицизма и русского космизма в контексте современной исторической ситуации. – СПб.: ИНФРА-М, 2020. – 390 с.

9. Огурцов А. П. Русский космизм (Обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) // Философский журнал Vox. – Вып. 4, май 2008. URL: <https://vox-journal.org/content/vox4-1logurcov.pdf> (дата обращения 06.09.2020).

10. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.

11. Поведской А. Ю. «Русский космизм» на гребне виртуальности // Symposium: Виртуальное пространство культуры. Выпуск 3: материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 36–40.

12. Семёнов А. Ю. «Русский космизм» и западная мысль // Русская и европейская философия: пути схождения. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/semyonov-ayu/russkiy-kosmizm-i-zapadnaya-mysl> (дата обращения 6.09.2020).

13. Циолковский К. Э. Воля Вселенной // Космическая философия: Сборник. – М.: ИДЛи, 2004. – С. 104–115.

14. Циолковский К. Э. Космическая философия // Космическая философия: Сборник. – М.: ИДЛи, 2004. – С. 457–470.

15. Циолковский К. Э. Монизм Вселенной // Космическая философия: Сборник. – М.: ИДЛи, 2004. – С. 27–58.

16. Циолковский К. Э. Научная этика // Космическая философия: Сборник. – М.: ИДЛи, 2004. – С. 307–345.

17. Циолковский К. Э. Причина космоса // Космическая философия: Сборник. – М.: ИДЛи, 2004. – С. 93–103.

18. Чижевский А. Л. Теория космических эр: Беседа с К. Э. Циолковским // Грезы о Земле и небе: Антология русского космизма. – СПб.: Художественная литература, 1995. – 528 с.

References

1. Alekseeva V. I. K. E. Tsiolkovsky: Philosophy of Cosmism [K. E. Tsiolkovskiy: *Filosofiya kosmizma*]. Moscow: Samoobrazovaniye, 2007, 320 p.

2. Gavryushin N. K. From the History of Russian Cosmism [Iz istorii russkogo kosmizma]. *Trudy V i VI chteniy, posvyashchennykh razrabotke nauchnogo naslediya i razvitiyu tvorchestva K. E. Tsiolkovskogo* (Proceedings of the 5th and 6th Readings Aimed at the Development of the Scientific Heritage and the Development of Creative Work of K. E. Tsiolkovsky). Moscow: Mashinostroenie, 1972, pp. 104–106.

3. Gavryushin N. K. K. E. Tsiolkovsky and European Cosmism (On the Genesis of Theoretical Cosmonautics) [K. E. Tsiolkovskiy i evropeyskiy kosmizm (k voprosu o genezise teoreticheskoy kosmonavtiki)]. *Russkiy kosmizm* (Russian Cosmism). Available at: <https://cosmizm.ru/c114gavryushin-n-k-k-e-ciolkovskij-i-evropejskij-kosmizm-k-voprosu-o-genezise-teoreticheskoy-kosmonavtiki> (accessed 06 September 2020).

4. Girenok F. I. Pathology of the Russian Mind. Cartography of Literalness

- [*Pato-logiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti*]. Moscow: Anraf, 1998, 416 p.
5. Zamaleev A. F. Course in the History of Russian Philosophy [Kurs istorii russkoy filosofii]. *Samosoznanie Rossii: Issledovaniya po russkoy filosofii, politologii i kulture* (Self-consciousness of Russia: Studies in Russian Philosophy, Political Science and Culture). St. Petersburg: Nauka, 2010, pp. 11–192.
6. Kurakina O. D., Golovanov L. V., Maslin M. A. (Ed.) *Cosmism [Kosmizm]. Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* (Russian Philosophy. Encyclopedia). Moscow: Algoritm, 2007, pp. 334–336.
7. Masloboeva O. D. Russian Organicism and Cosmism of the 19–20 Centuries: Evolution and Relevance [*Rossiyskiy organitsizm i kosmizm XIX–XX vv.: evolyutsiya i aktualnost*]. Moscow: APK i PPRO, 2007, 296 p.
8. Masloboeva O. D. Philosophical and Anthropological Project of Russian Organicism and Russian Cosmism in the Context of the Modern Historical Situation [*Filosofsko-antropologicheskiy proekt rossiyskogo organitsizma i russkogo kosmizma v kontekste sovremennoy istoricheskoy situatsii*]. St. Petersburg: INFRA-M, 2020, 390 p.
9. Ogurtsov A. P. Russian Cosmism (Review of Literature and a Navigator on the Internet Sites) [Russkiy kosmizm (Obzor literatury i navigator po saytam Interneta)]. *Filosofskiy zhurnal Vox* (Philosophical Journal Vox), issue 4. Available at: <https://vox-journal.org/content/vox4-1logurcov.pdf> (accessed 06 September 2020).
10. Petrov M. K. Language. Sign. Culture [*Yazyk. Znak. Kultura*]. Moscow: URSS, 2004, 328 p.
11. Povedskoy A. Yu. ‘Russian Cosmism’ on the Crest of Virtuality [‘Russkiy kosmizm’ na grebne virtualnosti.]. *Symposium: Virtualnoe prostranstvo kulture. Vypusk 3: materialy nauchnoy konferentsii 11–13 aprelya 2000 g.* (Symposium: Virtual Space of Culture. Issue 3. Materials of Scientific Conference, 11–13 April 2000), St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000, pp. 36–40.
12. Semyonov A. Yu. ‘Russian Cosmism’ and Western Thought [‘Russkiy kosmizm’ i zapadnaya mysl]. *Russkaya i yevropeyskaya filosofiya: puti skhozheniya* (Russian and European Philosophy: Ways of Convergence). Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/semyonov-ayu/russkiy-kosmizm-i-zapadnaya-mysl> (accessed 06 September 2020).
13. Tsiolkovsky K. E. The Will of the Universe [Volya Vselennoy]. *Kosmicheskaya filosofiya: Sbornik* (Cosmic Philosophy: Collected Works). Moscow: IDLi, 2004, pp. 104–115.
14. Tsiolkovsky K. E. Cosmic Philosophy [Kosmicheskaya filosofiya]. *Kosmicheskaya filosofiya: Sbornik* (Cosmic Philosophy: Collected Works). Moscow: IDLi, 2004, pp. 457–470.
15. Tsiolkovsky K. E. Monism of the Universe [Monizm Vselennoy]. *Kosmicheskaya filosofiya: Sbornik* (Cosmic Philosophy: Collected Works). Moscow: IDLi, 2004, pp. 27–58.
16. Tsiolkovsky K. E. Scientific Ethics [Nauchnaya etika]. *Kosmicheskaya filosofiya: Sbornik* (Cosmic Philosophy: Collected Works). Moscow: IDLi, 2004, pp. 307–345.

17. Tsiolkovsky K. E. The Cause of the Cosmos [Prichina kosmosa]. *Kosmicheskaya filosofiya: Sbornik* (Cosmic Philosophy: Collected Works). Moscow: IDLi, 2004, pp. 93–103.

18. Chizhevsky A. L. The Theory of Cosmic Ages: A Conversation with K. E. Tsiolkovsky [Teoriya kosmicheskikh er: Beseda s K. E. Tsiolkovskim]. *Gryozy o Zemle i nebe: Antologiya russkogo kosmizma* (Dreams of Earth and Sky: Anthology of Russian Cosmism). St. Petersburg: Khudozhestvennaya literatura, 1995, 528 p.

УДК 159.942; 612.821

Комментарий к работам В. С. Дерябина «Образование эмоциональных временных связей» и «Память эмоций и чувств»*

Забродин Олег Николаевич – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации, кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ozabrodin@yandex.ru

Авторское резюме

Предмет исследования: Комментарий к разделам монографии В. С. Дерябина «Чувства, влечения, эмоции», значительно сокращенным при первом издании, посвященным психофизиологическим механизмам памяти эмоций и чувств и объединенных под общим названием: «Память эмоций и чувств как результат образования эмоциональных временных связей».

Результаты: Парадигмой исследований В. С. Дерябина представляются открытые И. П. Павловым закономерности высшей нервной деятельности, в частности – временной нервной связи, которой в психологии соответствует образование ассоциаций. В течение жизни человека чувства, влечения, эмоции (аффективность) эволюционируют от простых, обеспечивающих жизнедеятельность, до сложных чувств, осуществляющих социальную адаптацию. Доминирующая эмоция (эмоциональная доминанта) создает в коре головного мозга очаги возбуждения, включая концы зрительных, слуховых, обонятельных и осязательных анализаторов. Поэтому возобновление с течением времени перечисленных ощущений ведет по закону временной связи к воспроизведению прошлой эмоциональной доминанты и связанной с ней обстановки.

Выводы: Работы В. С. Дерябина опередили свое время в понимании психофизиологических механизмов памяти эмоций и чувств.

Ключевые слова: временная нервная связь; ассоциации; аффективность; эмоциональная доминанта.

Commentary on V. S. Deryabin's Works "Formation of Emotional Temporary Connections" and "Memory of Emotions and Feelings"

Zabrodin Oleg Nikolaevich – The First Saint Petersburg State Medical University named after academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Department of Anesthesiology and Reanimatology, Senior Researcher, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: ozabrodin@yandex.ru

* © О. Н. Забродин, 2020.

Abstract

Background: Commentary on the sections of V. S. Deryabin's monograph "Feelings, Inclinations, Emotions", which were significantly reduced in the first edition. They were devoted to the psychophysiological mechanisms of memory of emotions and feelings and united under the common title: "Memory of emotions and feelings as a result of the formation of emotional temporary connections".

Results: The paradigm of V. S. Deryabin's research is the regularities of higher nervous activity discovered by I. P. Pavlov, in particular, temporary nervous connection, which in psychology corresponds to the formation of associations. Over the course of a person's life, feelings, inclinations, emotions (affectivity) evolve from simple ones that provide vital activity to complex feelings that carry out social adaptation. The dominant emotion (emotional dominant) creates centers of excitation in the cerebral cortex, including the ends of the visual, auditory, olfactory and tactile analyzers. Over time the renewal of these feelings, therefore, leads, according to the law of temporary connection, to the reproduction of the past emotional dominant and the situation associated with it.

Conclusion: V. S. Deryabin's works were ahead of their time in understanding the psychophysiological mechanisms of emotions and feelings memory.

Keywords: temporary nervous connection; associations; affectivity; emotional dominant.

В своих исследованиях В. С. Дерябин (1915–1995) – ученик и продолжатель дела И. П. Павлова – исходил из его учения о высшей нервной деятельности (ВНД) и представлений о временной нервной связи. В статье «Условный рефлекс», напечатанной в «Большой медицинской энциклопедии», И. П. Павлов писал: «Итак, временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление в животном мире и в нас самих. А вместе с тем оно же и психическое – то, что психологи называют ассоциацией, будет ли это образование соединений из всевозможных действий, впечатлений или из букв, слов и мыслей» [6, с. 325].

«Образование эмоциональных временных связей» и «Память эмоций и чувств» входят в качестве подразделов в авторский вариант монографии «Чувства, влечения, эмоции» [см.: 2] и по содержанию тесно связаны друг с другом.

Первый из названных подразделов был исключен при издании книги в 1974 г. Причиной явилась позиция редакторов монографии В. М. Смирнова и А. И. Трохачева, увидевших в труде В. С. Дерябина ценный материал по семиологии эмоций, в ущерб ее психофизиологическому и философскому содержанию [см.: 3]. Этот подраздел дает физиологические обоснования для второго – «Память эмоций и чувств», значительно сокращенного при издании. В частности, в него не вошли интересные примеры различных вариантов эмоциональной памяти – из Т. А. Рибо, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. А. Фурманова и др. В связи с этим возникла необходимость в опубликовании обоих подразделов в полном авторском варианте.

Нет четких различий в определениях понятий «Чувства» и «Эмоции» – различий между самими чувствами, а также между чувствами и эмоциями. Может возникнуть путаница при упоминании, с одной стороны, базовых чувств – чувственного тона ощущений при боли, температурных, обонятельных, вкусовых ощущениях и т. п., и, с другой стороны, – социальных чувств (эмпатия, любовь, ревность, зависть и другие). При этом эмоции, как более кратковременные переживания, нежели социальные чувства, находятся между базовыми и социальными.

В начале «Памяти эмоций и чувств» В. С. Дерябин приводит данные Т. А. Рибо о слабой «памяти ощущений» – способности к их воспроизведению (точнее, их чувственного тонуса – приятного и неприятного): боли, обонятельных и осязательных. Далее В. С. Дерябин переходит к эмоциональной памяти и приводит два примера диаметрально противоположных типов памяти из повести «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя [см.: 1]. В первом примере у знакомого автора переживания потери любимого человека достигают крайних пределов, приводя к попыткам самоубийства.

Сами по себе такие попытки самоубийства говорят о стремлении во что бы то ни стало избавиться от боли воспоминаний о потере. На этом фоне женитьба героя «Старосветских помещиков» через год после смерти супруги является логическим продолжением его «бегства от страдания». Его чрезмерная эмоциональная реакция может носить разрушительный для организма характер.

Известно, что гиперактивация симпатико-адреналовой системы (САС) при выраженных аффективных реакциях приводит к резкому повышению артериального давления, осложняющемуся зачастую гипертоническим кризом, грозящим развитием инсульта, инфаркта миокарда и поражением других внутренних органов. Можно предположить, что головной мозг с целью самосохранения организма удерживает в памяти преимущественно положительные события, а негативные отравляет в подсознание.

Другой пример из «Старосветских помещиков» – Афанасий Иванович, человек, «которого жизнь, казалось, ни разу не возмуцало ни одно сильное ощущение души», постигла «такая долгая, такая жаркая печаль» [1, с. 28]. Н. В. Гоголь противопоставляет в первом случае – страсть, во втором – привычку.

Привычка по закону временной связи воспроизводит в памяти многочисленные детали событий, связанных с любимым человеком, и, тем самым, эмоции. Отсюда стремление «оживить» ушедшего путем воспоминаний о событиях, деталях, которые уже не вызывают отрицательных переживаний.

Согласно учению А. А. Ухтомского о доминанте [см.: 13], под доминантой следует понимать возбуждение не одного какого-нибудь центра, а совокупности нервных центров (кора головного мозга, подкорковые образования, ствол мозга, спинной мозг – О. З.), *участвующих в выполнении определенной функции* (курсив мой – О. З.).

Доминирующий очаг возбуждения вызывает включение совпадающих с ним по времени очагов возбуждения в центральных корковых отделах зрительного, слухового, обонятельного и вкусового анализаторов, создавая

комплекс аффективных переживаний. В. С. Дерябин в «Памяти эмоций и чувств» приводит различные примеры восстановления доминирующего в прошлом эмоционального переживания при действии других – «периферических», связанных с ним и закрепившихся временной связью.

Вот Лаврецкий из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева [см.: 11], у которого вид скамейки, на которой он пережил минуты любви к Лизе, возродил комплекс воспоминаний о невозвратном счастливом времени.

Другой пример, приводимый автором из воспоминаний К. С. Станиславского [см.: 9]. Непосредственное обонятельное ощущение – запах газа в театре, возродил у него возникшие в детстве яркие эмоционально окрашенные воспоминания о доминирующем в прошлом переживании – волшебном голосе Аделины Патти, вызвавшем восторг-аффект, сопровождавшийся возбуждением САС. Такого рода возбуждение вызывает повышение артериального давления (гипертензия), учащение пульса (тахикардия), расширение зрачков (мидриаз), сокращение волосяных фолликулов (пилоэрекция). Эти проявления возбуждения САС возобновляются при эмоционально насыщенных воспоминаниях и усиливают их, как и при первичной эмоциональной реакции, указывая на установление временной связи между ними.

Обонятельные ощущения, подобные описанным выше, нашел в воспоминаниях отца: «Вероятно, шел мне третий год. Я сидел на загорбках отца, который нес меня по какому-то лугу. День был жаркий, летний, помню запах цветов и крепкого мужского пота отца. Этот запах отцовского пота мне очень нравился: мне кажется, что в молодые годы у меня был точно такой же запах пота. Кстати сказать, каждый человек имеет свой запах, только ему присущий, который иногда передается по наследству. Люди плохо различают запахи людей, но они (запахи), вероятно, играют немалую роль в их жизни. Вероятно, запахи играют роль не только в симпатиях или антипатиях, но и в возникновении любви, выборе жены, в совместимости или несовместимости людей. Запахи бывают родственные, дружественные или враждебные, вызывающие неприязнь так же, как форма лица, осанка, походка; запахи человека свидетельствуют о внутреннем, физиологическом, наследственном, генетическом состоянии человека».

А вот другой пример, из романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» [7, с. 43–44], когда вкусовые ощущения, точнее – их чувственный тон, возродили в коре головного мозга доминирующий в прошлом очаг возбуждения – воспоминания о счастливом детстве.

«Но когда от далекого прошлого ничего уже не осталось, когда живые существа перемерли, а вещи разрушились, только *запах и вкус* (курсив мой – О. З.) более хрупкие, но зато более живучие, более невещественные, более стойкие, более надежные, долго еще, подобно душам умерших, напоминают о себе, надеются, ждут, и они, эти еле ощутимые крохотки, среди развалин несут на себе, не сгибаясь, огромное здание воспоминанья.

И как только я вновь ощутил вкус размоченного в липовом чаю бисквита, которым меня угощала тетя... в то же мгновенье старый серый дом фасадом на

улицу, куда выходили окна тетиной комнаты, пристроился, как декорация, к флигельку окнами в сад, выстроенному за домом для моих родителей...».

А следом за первыми зрительными воспоминаниями «все, что имеет форму и обладает плотностью – город и сады, – выплыло из чашки чаю» [7, с. 44]. В этом воспоминании ярко проявляется присущий М. Прусту эйдетический тип памяти. Согласно Википедии: «Эйдети́зм (от др.-греч. εἶδος – образ, внешний вид) – особый вид памяти, преимущественно на зрительные впечатления, позволяющий удерживать и воспроизводить в деталях образ воспринятого ранее предмета или явления. В этот образ могут и зачастую входят также насыщенные образы и иные сенсорные модальности (слуховые, тактильные, двигательные, вкусовые, обонятельные)». В приведенном примере именно вкусовые ощущения возродили в деталях эмоционально насыщенный образ прошлого.

Недавно узнал, что этот яркий пример эмоциональной памяти, основанный на возрождении ее под действием вкусовых ощущений, получил название «Мадлен Пруста», по названию бисквита, кусочек которого возродил у Пруста-мальчика описанные выше картины.

Слуховые воспоминания претерпели эволюцию от связанных с сигналами об опасности (звук набатного колокола, сирены и т. п.) до вызывающих высшее наслаждение звуков музыки. Примером того, как музыка, затронувшая слушателя, оживляет зрительную картину воспоминаний, служит музыка кино, где она непосредственно «спаяна» с видеорядом.

Представляется, что при эмоционально насыщенной памяти возникают воспоминания не только о конкретном событии (или событиях), но и в целом воспоминания о времени, в котором данное событие произошло. Примером восстановления воспоминаний о времени в целом являются переживания, связанные с восприятием музыки. В этом случае сама музыка, точнее – эмоциональное переживание, связанное с ней и затрагивающее личность, является сигналом для воспроизведения комплекса переживаний, касающихся события, обстановки, в которых музыка (песни, музыкальные произведения) звучала, тем более, если в ней отражалась эпоха (например, «Марш энтузиастов» или «Священная война»).

Примером может служить многолетняя радиопередача «Встреча с песней» с ее ведущим Виктором Татарских. В многочисленных письмах – просьбы исполнить любимую песню, зачастую забытую, но ярко напоминающую любимого человека. В них подробно и зачастую откровенно рассказывалось о событии, с которым совпало то или иное музыкальное впечатление. Можно говорить о явлении «эмоционального резонанса», то есть совпадении и усилении двух очагов эмоционального возбуждения в коре головного мозга – возникшего в прошлом и более позднего, связанных с восприятием музыки. Примером «коллективного эмоционального резонанса» является восприятие песен военных лет, когда оно возрождает комплекс эмоциональных переживаний, связанных с войной. При этом для людей старшего поколения оживляются не только конкретные события, но и весь комплекс аффективных переживаний военной поры, а для более молодых,

знающих о войне «понаслышке», можно говорить о явлении дежа вю («уже виденного»).

Ввиду тематической связи «Образования эмоциональных временных связей» и «Памяти эмоций и чувств» представилось уместным объединить их в последующем изложении под общим названием «Память эмоций и чувств как результат образования эмоциональных временных связей».

В. С. Дерябин

**Память эмоций и чувств как результат образования
эмоциональных временных связей**

(Публикация О. Н. Забродина)

V. S. Deryabin

**Memory of Emotions and Feelings as a Result of the Formation of
Emotional Time Connections**

(Publication of O. N. Zabrodin)

1 Образование эмоциональных временных связей

Изучение физиологических процессов, с которыми связаны чувства, влечения и эмоции, показывает наличие закономерно протекающих нервных процессов, эволюционирующих от реакций простых до чрезвычайно сложных. Физиологическое исследование устанавливает непрерывный ход возбуждения по определенным нервным путям и центрам.

Эмоциональные реакции лишь неполно отражают ход возбуждения в нервной системе, так как они связаны с процессами в определенных таламических центрах. Непрерывность нервного процесса не находит субъективного отражения, так как психика отражает лишь реакции особым образом организованной материи, но психические и нервные процессы в определенных центрах осуществляются в единстве. Нервные процессы протекают по типу простого (безусловного) рефлекса и закону временной связи. В эмоциональной сфере устанавливаются те же типы реакций: врожденные (безусловные) эмоциональные реакции, представляющие ответ на непосредственное внешнее или внутреннее раздражение, и эмоциональные реакции, основанные на законе ассоциации. И. П. Павлов рассматривал ассоциацию как связь психофизиологическую [см.: 6].

Физиологическим исследованием выявлено, что временная связь и ход возбуждения устанавливаются не только между центром, получающим афферентные импульсы, но и эффекторным центром, но и также между двумя сенсорными центрами, одновременно приходившими в состояние возбуждения.

Н. А. Подкопаев и И. О. Нарбутович поставили такие опыты. У собак применяли два раздражителя: свет электрической лампочки – 5 сек. и тотчас затем тон в течение 5 сек. До применения этих раздражений в сочетании они были индифферентны – слюноотделения не вызывали. Затем свет один (без сочетания с тоном) стал подкрепляться едой. Когда свет лампочки стал

вызывать слюноотделение, то оказалось, что тон, ни разу не сочетавшийся с едой, сразу же стал вызывать условный пищевой рефлекс. Опыты с условно оборонительным рефлексом дали аналогичный результат [см.: 5].

Эти опыты показали, что при одновременном возбуждении двух сенсорных центров устанавливается временная связь между ними. После установления временной связи возбуждение передается с одного центра не только в сенсорный центр, находившийся с ним в связи, но и на эффекторный, находившийся в связи со вторым сенсорным центром, хотя возбуждение первого сенсорного центра никогда ранее не совпадало с возбуждением эффекторного центра. Таким образом, возбуждение, возникнув в одном центре, проходило по цепи центров, имевших между собой временную связь. Такие же результаты были получены на детях и взрослых [см.: 4].

И условный рефлекс, и ассоциация основаны на одном и том же законе временной связи. Оба явления отражают единство физиологического и психического. И физиолог, и психолог наблюдают реакции врожденные и приобретенные на основании жизненного опыта в силу установленной временной связи. Для примера напомним то, что говорилось об эмоции веселья. В наиболее элементарном виде ее можно вызвать щекотанием ребенка под мышкой. При этом эта эмоция, как и безусловный рефлекс, вызывается непосредственным раздражением и может быть названа простой или безусловной эмоциональной реакцией. В качестве такой же простой эмоциональной реакции она возникает в молодом растущем, здоровом организме под влиянием соматических ощущений (общего чувства).

Так же эндогенно эмоция может возникать гематогенным путем. Так, рвота может возникать не только вследствие периферических раздражений, идущих от желудка, глотки и проч., но и в результате непосредственного раздражения рвотного центра циркулирующим в крови апоморфином. Так же и эмоции могут возникать не только вследствие внешних воздействий, но и вследствие непосредственных токсических и гуморальных раздражений соответственных центров (например, гормонами щитовидной железы при базедовой болезни, а также в маниакальной фазе маниакально-депрессивного психоза).

Дальнейшую степень эволюции представляют реакции, основанные на временной связи. После того, как ребенка раз-два пощекотали, начинает вызывать смех один вид приближающейся руки. Психолог говорит о реакции, основанной на ассоциации, физиолог – о выработке условного рефлекса; тот и другой признает установление временной связи. Пред нами – единое психофизиологическое явление, основанное на одной и той же закономерности.

На временной связи основаны реакции разной сложности. Выше мы привели установление простой временной связи между наличным раздражением и ответной реакцией, но смех возникает не только вследствие имеющегося в данный момент повода, но и при воспоминании о смешном происшествии, анекдоте.

Раздражение может вызвать не одну ассоциацию, а привести в движение целый ряд ассоциативных связей, из которых каждая в отдельности вызывает

положительное или отрицательное чувство. Отдельные чувства могут суммироваться или сталкиваться и взаимно уничтожаться. Может возникать сложный переплет влияний эмоциональных и интеллектуальных, взаимодействие процессов корковых и подкорковых. Человек смеется при остроте, радуется не только своему успеху и неудаче врага, но и радуется победе Родины.

Эти реакции могут строиться на огромном материале прошлого жизненного опыта, и в то же время на них может сказаться состояние организма в данный момент. «Цветут, растут колосья наливные, а я чуть жив», – писал больной Н. А. Некрасов. И то, что радовало прежде, теперь не производит прежнего действия. Эмоциональные реакции при своей эволюции у человека могут достигать чрезвычайной сложности и тонкости, вызываются не элементарными раздражителями, а сложными условиями социального существования человека. Однако нет основания думать, что они могут протекать без связи с материальными мозговыми процессами.

Изложенные факты показывают, что структура эмоциональных реакций и их развитие строятся по тому же общему плану, что и реакции при влечениях (мотивациях – О. З.).

Подобно другим временным связям, эмоциональные реакции, основанные на временной связи, можно выработать экспериментально, как показал У. Уотсон [см.: 12], образованием условной реакции на страх. Это усовершенствование реакций дает организму те же преимущества, что и при пищевых условных рефлексах: расширение их во времени и пространстве. В пищевых реакциях от контактных стереотипных реакций на данное раздражение происходит переход к реакциям на раздражения, идущие от отдаленных объектов. Причем реакции эти обуславливаются не только данным раздражением, но и следами прошлых сходных раздражений. При этом происходит установка пищеварительного аппарата (секреции и моторики желудка) к принятию пищи.

Эмоции также могут быть реакциями на дистантные раздражения, выработанными на основе индивидуального жизненного опыта, причем установка организма происходит сообразно ситуации (к борьбе, бегству и т. д.). Рвота, как условный рефлекс, наступает не тогда, когда пища съедена, а уже запах и вид испорченной пищи и даже тождество условий, в которых она находилась когда-то и находится в настоящий момент, возбуждают отвращение, удерживают от съедания подобной пищи и охраняют от плохих последствий.

Ярость уже при виде врага, издали, при звуках, запахе противника производит свое динамогенное действие и дает возможность вступить в бой с максимальной силой, с напряжением всех силовых ресурсов, а страх при тех же условиях дает возможность заблаговременно спастись бегством, спрятаться, сделаться невидимым. Процессы внешнего и внутреннего торможения, наблюдающиеся при условных рефлексах, образованных на базе пищевых безусловных рефлексов, имеют место при ассоциативных эмоциональных реакциях. Эмоции, излучающие большую силу, хотя бы на короткий срок

тормозят реакции более слабые. Вспыхнувший гнев подавляет любовь. Страх может подавить (затормозить) все другие реакции. Эмоции в данном случае действуют одна на другую по закону доминанты: как очаг более сильного возбуждения тормозит очаг возбуждения более слабого, так эмоция более сильная подавляет слабую.

Часты также и процессы условного торможения. Эмоциональные раздражения, основанные на временной связи, теряют силу при действии добавочных раздражений, которые имеют значение условного тормоза. Одно действие оказывает вид медведя в лесу, когда он с ревом идет на безоружного человека, другое, когда человек нетрусливый встречает медведя с надежным ружьем в руках, и третье, когда видит его в клетке зоологического сада. Дополнительное раздражение – вид клетки – тормозит реакцию страха даже у того, кто когда-то подвергался сильнейшей опасности от медведя. Один и тот же вид имеет револьвер, лежащий на столе, и револьвер, направленный в упор неизвестным субъектом в уединенном месте. Ничтожное внешнее раздражение – вид револьвера может вызвать максимальное проявление активности, к какому только способен организм, представляющий аккумулятор накопленной энергии. Сила реакции определяется не силой условного раздражения, а значимостью для организма на основании прошлого опыта того, что обозначается условным раздражителем.

При дополнительных раздражениях (вид обстановки, при которой воспринимается револьвер, клетки, в которой сидит медведь) условное раздражение тормозится. Так при различных ситуациях, при наличии различных дополнительных раздражений получаются разные реакции на одно и то же раздражение.

На каждом шагу мы видим у животных и человека образование временных эмоциональных связей, их торможение и угасание. Придя в чужой дом, при первой встрече с чужой собакой вы, махнув на нее палкой или бросив щепку, можете получить заклятого врага, а, дав кусок хлеба, установить «добрые отношения»: вид палки в ваших руках тормозит проявление ярости, сдерживая их в определенных границах и т. д.

Мы говорили, как временная связь – ассоциация чувства страха с объектом (крысой), была экспериментально образована у ребенка [см.: 12]. При восприятии объекта непосредственно до или одновременно с эмоцией устанавливается временная связь, и после упрочения ее объект начинает вызывать соответственные чувства, становится возбудителем страха, гнева, любви, положительного или отрицательного чувственного тона.

В главе о простых чувствах был приведен пример, как под влиянием сочетания с неприятным чувством от морской качки стала неприятной вся обстановка на пароходе, прежде вызывавшая положительный чувственный тон. Так объекты становятся сигналами, вызывающими разные эмоции.

Нам может сделаться неприятен или вызывать боязнь человек, сообщивший плохую весть. Л. Н. Толстой [см.: 10] в «Севастопольских рассказах» писал о том, что каждый, бывший в деле, вероятно, испытывал то странное, хотя и не логическое, но сильное чувство отвращения от того места,

на котором был убит или ранен кто-нибудь.

У влюбленного вызывает прилив чувств не только вид любимого человека, но и предметы, с ним соприкасавшиеся. «Дай мне на память о ней хоть какую-нибудь безделку. Достань ленточку с шейки, подвязку с ножки красавицы», – говорит Фауст. Представления о местах, где мы жили, связываются с итогами эмоциональных переживаний. Например, какой-нибудь город, в котором были тяжелые переживания, искренне именуется «кошмарным», хотя объективно это совсем неплохой город. Однако вследствие того, что представление о нем связалось с повторными плохими переживаниями, на него оказался перенесен чувственный тон отрицательных переживаний, и он стал сигналом, вызывающим неприятное чувство. Положительные чувства детства связываются, например, с «родной деревней» и ее жителями – «земляками».

Вороны, питающиеся трупами, стали символами смерти – «зловещей птицей». Если в детстве какое-нибудь ненадлежащее действие неизменно влекло наказание, то впоследствии представление об этом действии вызывает чувство неудовольствия.

После установления временной связи объект или представление вызывает приятное или неприятное чувство или определенную эмоцию, если даже обстоятельства, при которых установилась связь, не возникают в сознании. Образование эмоциональных временных связей называется в психологии «переносом чувств». Новый объект или событие иногда оказывает сильное эмоциональное воздействие, которое объясняется прошлыми переживаниями данного лица. Причем это новое переживание может быть далеко не тождественно с тем, чувственный тон которого оно вызывает.

Ребенок, у которого выработана отрицательная реакция на крысу, начинает так же реагировать на сходные раздражения (кролика, собаку, шубу и даже маску деда-мороза) [см.: 12]. Явление, аналогичное тому, которое И. П. Павлов назвал обобщением условных рефлексов.

Такое обобщение эмоциональной реакции имеется, когда одна черта объекта, общая с прежде действовавшим раздражением при большом несходстве в остальном, вызывает сходную эмоциональную реакцию. Так называемая инстинктивная симпатия, антипатия, уважение и т. д., которые возникают по отношению к какому-нибудь лицу с первой встречи, возникают часто вследствие того, что какая-либо особенность данного лица возбуждает в нас определенную эмоцию. Этим мы не хотим утверждать, что всякая симпатия возникает вследствие оживления старых ассоциаций.

При этом остается вне нашего сознания, что причина кроется в каком-то сходстве с известным нам лицом, внушавшим нам уважение, любовь или антипатию.

По словам Т. А. Рибо [см.: 8], мать может почувствовать внезапную симпатию к какому-нибудь молодому человеку, похожему на ее покойного сына или к одинаковому с ним по возрасту. Один человек терпеть не мог собак, но обстоятельства заставили его иметь одну, он к ней привязался, и мало-помалу его симпатии перешли на весь собачий род.

Эта способность широкого перехода чувств на сходные объекты наблюдается очень часто. Симпатии к отдельным представителям какой-либо профессии переходят на всех представителей этой профессии. Знакомый профессиональный облик незнакомого человека сразу до некоторой степени роднит с ним.

Латинская поговорка *Similis simili gaudet*, обычно переводимая русской – «рыбак рыбака видит издалека», дословно переводится «подобный радуется подобному». Если профессия неприятна, то неприязненные чувства вызывает все, что с ней связано. Чувства, возникающие у рабочего по отношению к отдельным хозяевам, могут распространяться на весь класс капиталистов.

Конечно, при этом имеется и интеллектуальная переработка жизненного опыта, но одновременно и часто бессознательно происходит процесс переноса чувств. Наряду с обобщением эмоциональных реакций на целую группу сходных объектов, конечно, возможна на основании опыта также и дифференцировка по отношению к отдельным членам группы, вызывающей общую реакцию. Отдельный человек той же профессии может вызывать враждебное чувство, и, наоборот, какое-либо лицо враждебной группы на основании личного опыта может, в виде исключения, вызывать положительное чувство, подобное тому, как один тон трубы в эксперименте может быть условным возбудителем, а все остальные, не подкрепляемые безусловным раздражением, вызывают дифференцировочное торможение.

2 Память эмоций и чувств

Человек пережил приступ гнева по поводу обиды и несправедливости. В первое время после того как он успокоился, представления о случившемся снова и снова возвращаются, воскресают ощущения в груди, кулаки сжимаются, производятся угрожающие жесты. Воспоминание о веселом моменте повторно вызывает улыбку и чувство радости.

Согласно Т. А. Рибо [см.: 8], эмоции воспроизводятся, как и представления о предметах, причем способность воспроизводить эмоции индивидуально очень различна. Но так же различна у разных лиц способность воспроизводить ощущения, полученные посредством органов чувств. Так, например, вкусовые и обонятельные ощущения [8, с. 157] 40 % опрошенных совершенно не могут воспроизводить, 40 % воспроизводят только некоторые ощущения, и только 12 % могут вызывать по желанию представления всех или почти всех ощущений. При этом воспроизводится и чувственный тон удовольствия или неудовольствия, с ними связанный. Таким образом, переживания, относящиеся к элементарной аффективности, – «общие жизненные чувства», воспроизводятся не одинаково хорошо.

Ощущения усталости [см.: 8, с. 159] воспроизводили все опрошенные. Лишь трое-четверо (из 51) воспроизводили усталость «слегка и с трудом». Одни при этом воспроизводили мышечную усталость, другие – психическую. Один дает ответ: «мускульное подергивание в икрах, спине и плечах, отяжелевшие глаза, но никакой тяжести в голове», другой сообщал о медленности движений, рассеянности, особенно о тяжести в голове.

Относительно чувства отвращения получилось только три отрицательных ответа. При более живом воспроизведении оно описывалось «как состояние тошноты».

О способности воспроизведения голода [см.: 8, с. 159] спрашивали в то время, когда ощущения голода отсутствовали. Из 51 могли воспроизводить чувство голода 24 человека, которые описывали его в виде «осязательных ощущений в пищеводе и судорог в желудке». Жажда воспроизводилась несколько чаще (у 36 человек), чем голод. Один из опрошенных, компетентный в психологии, отметил: «У меня хорошая зрительная память, но я страдаю отсутствием памяти слуха и памяти на языки: я не говорю, ни на одном иностранном языке. Мускульная память так же слабо развита... но я могу восстановить все внутренние ощущения: голод, жажду, отвращение, усталость, головокружение, одышку».

Воспроизведение боли так же индивидуально очень колеблется. Одна роженица сказала: «Как только боль проходила, я тотчас же все забывала». Некоторые женщины говорят, что они ясно воспроизводят родовые муки. Легче воспроизводятся ощущения, сопутствующие боли. Возникнув, они могут повлечь за собой воспроизведение боли.

Один человек так описывал свои переживания при воспроизведении зубной боли: «Я фиксирую мысль на одном из коренных зубов, локализуя сначала боль, которую желаю вызвать, потом жду. Прежде всего воспроизводится то непосредственное, неясное сознание, которое свойственно вообще всем тягостным ощущениям. Потом эта реакция становится все более точной, по мере того, как я фиксирую внимание на зубе. Постепенно я чувствую большой прилив крови к деснам, даже пульсацию. Потом возникает некоторое движение, которое передается от одного пункта десны к другому, от зуба к десне – это течение боли. Я представляю себе так же двигательную реакцию, причиняемую болью, сокращение челюсти и т. д. Наконец, я начинаю усиленно думать обо всех этих обстоятельствах, чувствую более или менее глухо начало подергивания в одном коренном зубе, который был этому подвержен» [8, с. 159].

Память эмоций может быть очень слабой: воспроизводятся только условия, обстоятельства эмоции в сопровождении известного чувственного тона, а не самое ощущение. Этот тип памяти Т. А. Рибо называет абстрактной или интеллектуальной памятью и считает ее аналогичной зрительным и слуховым воспроизведениям. Иные воспроизводят самое чувство.

У человека вспыльчивого одна мысль вызывает чувство гнева, человек краснеет при воспоминании, влюбленный переживает ощущения своей любви при воспоминании об объекте страсти и т. д. Это, по Т. А. Рибо, конкретная эмоциональная память.

У одного и того же человека яркость воспроизведения пережитой эмоции со временем ослабевает, воспоминания принимают абстрактный характер: «На крыльях времени улетает печаль» (Жан Лафонтен). И так же «на крыльях времени» может улететь дружба, любовь и т. д. Эмоции тускнеют, забываются, как и все другие переживания.

Со временем слабеют самые острые аффекты, тогда как действие «хронических», длительно владевших человеком, глубоко захватывающих его личность аффектов, может сохраняться долгое время.

Напомню слова Н. В. Гоголя из «Старосветских помещиков»: «Какого горя не уносит время? Какая страсть уцелеет в неравной битве с ним? Я знал одного человека в свете юных еще сил, исполненного истинного благородства и достоинств, я знал его влюбленного нежно, страстно, бешено, дерзко, скромно, и при мне, при моих глазах почти, предмет его страсти – нежная, прекрасная, как ангел, – была поражена ненасытной смертью. Я никогда не видал таких ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной, палящей тоски, такого пожирающего отчаяния, какие волновали несчастного любовника. Я никогда не думал, чтобы мог человек создать для себя такой ад, в котором ни тени, ни образа и ничего, чтобы сколько-нибудь походило на надежду...» [1, с. 26].

После упорного стремления к самоубийству и двух тяжких неудавшихся попыток, через год автор видит своего героя играющим в карты, а «за ним стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его» [1, с. 27]. Этот бурный порыв горя Н. В. Гоголь сопоставляет с реакцией Афанасия Ивановича: «...пять лет всеистребляющего времени – старик, уже бесчувственный, старик, которого, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла из сидений на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов, – и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихрь наших желаний и кипящих страстей – есть только следствие нашего яркого возраста и только потому одному кажутся глубоки и сокрушительны? Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки» [1, с. 28].

Тут психологически совершенно верно сопоставлено действия острого аффекта и «привычки».

Есть лица, память чувств у которых особенно сильна. *Есть эмоциональный тип памяти, как есть тип памяти зрительной и слуховой.*

Некоторые особенно легко воспроизводят эмоции определенного характера. Прекрасный пример такого рода памяти дает Т. А. Рибо на примере высказывания одного пациента. «Я принадлежу к тому типу, который можно считать склонным вообще к чувствованиям, но я обладаю специальной способностью чувствования по отношению к боязни, которая у меня сильно выражена. В моей жизни было много радостных моментов, как и у всех, но я вам скажу откровенно, что когда я припоминаю моменты своей жизни, доставившие мне больше радости, то я совершенно не ощущаю ее вновь... Я пытался припомнить один из моментов моей жизни, когда я испытал большую радость; (далее следует описание события, когда автор имел успех и получил выражение неслыханной для его возраста (20 л.) овации со стороны публики, пользующейся его уважением).

Я припоминаю все только что описанные мною обстоятельства очень точно, я помню даже причину, благодаря которой я имел успех, заслуженно или

нет; я мог бы повторить все, что я говорил тогда; припоминаю залу, лица, но, воспроизводя все это, я не ощущаю никакой радости. Что касается печали, то в смысле памяти чувствований мое состояние аналогично тому, что я говорил о радости.

Вернемся к боязни. Я могу привести два очень убедительных случая относительно моей специальной памяти чувствований. Будучи в пансионе в лицее... в Бухаресте, я боялся всего персонала пансиона по причине одного наказания, которое на меня часто налагали: запрещение уходить из пансиона в дни праздников. Я помню, что так боялся быть оставленным, что, выходя, с трепетом проносился мимо дверей лицея. Позже, когда уже окончил учение и сохранил дружеские отношения со всеми, я заглядывал в лицей, но каждый раз, заходя туда, испытывал какое-то ощущение боязни. Кроме того, я оставался три года в Париже, не возвращаясь на родину. Вернувшись в Бухарест, навестил нового провизора лицея, с которым был в очень дружеских отношениях. И вот, даже тогда, приближаясь к дверям интерната, я почувствовал какое-то неприятное чувство, которое и было ничем иным, как моей старой боязнью в ослабленной форме.

В первый год своего прибытия в Париж я записался на высшие курсы в лицее Л... Там оставался только неделю. В аудитории почувствовал себя скверно: *я чего-то боялся, сам не зная чего*. Я боялся персонала, хотя все обнаруживали почтение к моему возрасту (22 года). Чего я боялся, когда мог уйти по желанию? Хотя я привык работать целыми часами в библиотеках, я не мог здесь ничего делать. Я полагаю, что это состояние было воспоминанием старой боязни, испытанной в лицее в Бухаресте. Долго спустя, посещая юридический факультет, в качестве студента, я должен был проходить мимо лицея Л..., каждый раз я проносился мимо, испытывая ту же боязнь, как в дни, когда я проходил мимо дверей в Бухаресте» [8, с. 182–183].

Это сообщение интересно не только тем, что при слабой памяти к радостному и печальному имелась специальная память на боязнь, но и как пример того, как надолго могут укореняться эмоциональные переживания детства и юности и вызывать реакции, истинная причина которых может даже оказываться вне сознания переживающего.

Насколько сильно въедаются в психику воспоминания детства, можно иллюстрировать следующим примером. Чапаев рассказал о себе: «Я мальчишкой был маленьким, да и украл один раз “семишник” от иконы, – у нас там икона стояла одна чудотворная... Украл и украл... купил арбуза да наелся, а как наелся, тут же и захворал; целых шесть недель оттяпал... Жар пошел. Озноб. Поносом разнесло, совсем в могилу хотел... А мать-то узнала, что я этот семишник украл, – уж она кидала – кидала туда... одних гривенников, говорила, рублей на три пошло, да все молится – молится за меня, чтобы простила, значит, богородица... Вымолила – на седьмой неделе встал... Я с тех пор все думаю, что имеется, мол, сила какая-то, от которой уберечься надо... Я и таскать с тех пор перестал – яблока в чужом саду не возьму, все у меня испуг имеется... под пулями ничего, а тут вот робость одолевает... Не могу...» [14, с. 103].

Один легче воспроизводит радость, другой лучше помнит переживания печали, тоски. Т. А. Рибо говорит: «Я знал одного здоровенного оптимиста, которому все в жизни удавалось и который с трудом мог себе представить те редкие печали, которые пришлось ему испытать» [8, с. 156].

Характер воспоминаний может зависеть от настроения; в состоянии радости печальные мысли не идут в голову и не вспоминаются переживания, вызывающие грусть.

Воспроизведение эмоций происходит с различной интенсивностью повторного переживания – от сухой схемы до ясного переживания телесных ощущений: сердцебиения, покраснения, мышечной установки и т. д. Такого рода воспроизведения можно сравнить с эйдетически воспроизведенными образами. (Эйдетическое воспроизведение образов – такое воспроизведение, когда зрительные представления имеют телесную живость и проецируются в пространстве, т. е. близки к галлюцинациям).

Это воспроизведение телесных ощущений сходно с идеомоторными движениями: яркое представление движения вызывает это движение или жесты, внутренняя речь сопровождается слабыми движениями языка, а дети свои мысли говорят вслух.

Моторные представления по природе своей импульсивны. Таковую же импульсивность мы видим у представления эмоций по отношению к моторике и вегетативной нервной системе. Импульсы при этом передаются на скелетные мышцы (сжатие кулаков при воспоминании и т. д.) и двигательные приборы внутренних органов и желез. Так возникает дрожь, мышечные установки воспроизведения эмоций, сердцебиения, сосудистые влияния (бледность, покраснение), включительно до импульсов на железы внешней и внутренней секреции. Возникающие при этом ощущения могут довести воспроизведенную эмоцию до чрезвычайной живости.

В основе воспроизведения эмоций при воспоминаниях лежит закон временной связи: представления вызывают в нас те эмоции, с которыми они сочетались в прошлом.

После смерти любимого человека мы сильнее чувствуем любовь к нему, чем при жизни. Это усиление эмоций воспроизведенных, надо думать, объясняется тем, что эмоция усиливается рядом присоединяющихся эмоциональных представлений (и реакциями САС, которые сопровождали изначальные эмоции – О. З.).

Когда жизнь прожита и ничего не обещает впереди, человек воскрешает прекрасные минуты из прошлого, живет прошлой радостью. Он посещает места, где прошла лучшая часть его жизни, которые были, так сказать, свидетелями его счастья, и воскрешает картины былой радости. Примером является Леврецкий из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева. Он снова в «Дворянском гнезде», и все (фортепиано, пальцы у окна, липы) воскрешают прошлое: «скамейка, на которой он некогда провел с Лизой несколько счастливых, неповторившихся мгновений; она почернела и искривилась, но он узнал ее, и душу его охватило то чувство, которому нет равного и в сладости и в горести – чувство живой грусти об исчезнувшей молодости, о счастье,

которым он когда-то обладал» [11, с. 283].

Хранят вещи, письма умерших людей, и эти вещи, чтение писем вызывают переживания прошлого с особой яркостью. Здесь один из механизмов воспроизведения – ассоциация (временная связь). Память прошлых эмоций тем ярче, чем с большим количеством ассоциаций она связана.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Старосветские помещики // Собрание сочинений в семи томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 7–33.
2. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции: О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. – М.: ЛКИ, 2013. – 224 с.
3. Забродин О. Н. О трудной судьбе научного наследия В. С. Дерябина // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2016. – № 1. – С. 76–95. – URL: <http://fikio.ru/?p=2039> (дата обращения 27.08.2020).
4. Иванов-Смоленский А. Г. Пути взаимодействия экспериментальной и клинической патофизиологии головного мозга. – М.: Медицина, 1965. – 495 с.
5. Нарбутович И. С., Подкопаев Н. А. Условный рефлекс, как ассоциация // Труды физиологических лабораторий академика И. П. Павлова. – 1936. – Т. VI. – вып. 2. – С. 5.
6. Павлов И. П. Условный рефлекс // Полное собрание сочинений. Т. III, кн. 2. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. – С. 320–343.
7. Пруст М. В поисках утраченного времени. – М.: Пушкинская библиотека, Издательство АСТ, 2004. – 924 с.
8. Рибо Т. А. Психология чувств. – М.: Ленанд, 2018. – 248 с.
9. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. – М.: Искусство, 1954. – 516 с.
10. Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы // Собрание сочинений в 20 томах. Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1960. – С. 94–223.
11. Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Собрание сочинений в 12 томах. Т. 2. – М.: Художественная литература. – 1975. – С. 129–283.
12. Уотсон Д. Б. Психология как наука о поведении. – М.: Издательство АСТ-ЛТД, 1998. – 704 с.
13. Ухтомский А. А. Принцип доминанты // Собрание сочинений. Т. 1. – Л.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 197–201.
14. Фурманов Д. А. Чапаев. – М.: Советская Россия, 1978. – 255 с.

References

1. Gogol N. V. The Old World Landowners [Starosvetskie pomeschiki]. *Sobranie sochineniy v semi tomakh. T. 2* (Collected Works in 7 vol. Vol. 2). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1967, pp.7–33.
2. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow: LKI, 2013, 224 p.
3. Zabrodin O. N. The Fate of V. S. Deryabin's Scientific Legacy [O trudnoy sudbe nauchnogo naslediya V. S. Deryabina]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v*

informatsionnom obschestve (Philosophy and Humanities in Information Society), 2016, № 1, pp.76–95. Available at: <http://fikio.ru/?p=2039> (accessed 27 August 2020).

4. Ivanov-Smolensky A. G. Ways of Interaction of Experimental and Clinical Pathophysiology of the Brain [*Puti vzaimodeystviya eksperimentalnoy i klinicheskoy patofiziologii golovnogogo mozga*], Moscow: Meditsina, 1965, 495 p.

5. Narbutovich I. S, Podkopaev N. A. A Conditioned Reflex as an Association [Uslovnyy refleks, kak assotsiatsiya]. *Trudy fiziologicheskikh laboratoriy akademika I. P. Pavlova* (Proceedings of the Physiological Laboratories of Academician I. P. Pavlov), 1936, vol. VI, is. 2, p. 5.

6. Pavlov I. P. Conditioned Reflex [Uslovnyy refleks]. *Polnoe sobranie sochineniy, t. III, kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 320–343.

7. Proust M. In Search of Lost Time [*V poiskakh utrachennogo vremeni*]. Moscow: Pushkinskaya biblioteka; Izdatelstvo AST, 2004, 924 p.

8. Ribot T. Psychology of Feelings. [*Psikhologiya chuvstv*]. Moscow: Lenand, 2018, 248 p.

9. Stanislavsky K. S. My Life in Art [*Moya zhizn v iskusstve*]. Moscow: Iskusstvo, 1954, 516 p.

10. Tolstoy L. N. Sevastopol Sketches [Sevastopolskiye rasskazy]. *Sobranie sochineniy v 20 tomakh. Tom 2* (Collected Works in 20 vol. Vol. 2). Moscow: Goslitizdat, 1960, pp. 94–223.

11. Turgenev I. S. Home of the Gentry (Dvoryanskoe gnezdo). *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh. Tom 2* (Collected Works in 12 vol. Vol. 2). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 129–283.

12. Watson W. Psychology as the Science of Behavior [*Psikhologiya kak nauka o povedenii*]. Moscow: Izdatelstvo AST-LTD, 1998, 704 p.

13. Uchtomskiy A. A. The Principle of Dominance [Princip dominanty]. *Sobranie sochineniy. Tom 1* (Collected Works. Vol. 1). Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1950, pp. 197–201.

14. Furmanov D. A. Chapaev [*Chapaev*]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1978, 255 p.

УДК 159.942; 612.821

Представления Л. Н. Гумилёва о пассионарности в аспекте учения В. С. Дерябина об аффективности*

Забродин Олег Николаевич – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации, кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук.

Email: ozabrodin@yandex.ru

Авторское резюме

Предмет исследования: Сравнительный анализ представлений Л. Н. Гумилёва о пассионарности и учения В. С. Дерябина об аффективности с учетом влияния обеих на мысли и поступки людей и человеческих сообществ (этносов, по Л. Н. Гумилёву).

Результаты: Анализ различных высказываний Л. Н. Гумилёва о пассионарности показал, что в ее основе лежат «страсти и побуждения», т. е. чувства, влечения и эмоции (аффективность, по В. С. Дерябину). Л. Н. Гумилёв рассматривает пассионарность как фактор в первую очередь не социальный, а биологический, наследственный, как свойство характера «пассионариев». Таким образом, у Л. Н. Гумилёва между социальным и биологическим существует пробел, который у В. С. Дерябина заполняет аффективность в качестве связующего звена между биологическими и социальными потребностями.

Выводы: Пассионарность, по Л. Н. Гумилёву, в своей основе идентична аффективности (чувствам, влечениям и эмоциям), по В. С. Дерябину. Но аффективность, в отличие от пассионарности, является связующим звеном между биологическими и социальными потребностями.

Ключевые слова: пассионарность; аффективность; биологические потребности; социальные потребности.

L. N. Gumilev's Ideas on Passionarity in the Aspect of V. S. Deryabin's Doctrine of Affectivity

Zabrodin Oleg Nikolaevich – First Saint Petersburg State Medical University named after Academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Department of Anesthesiology and Reanimatology, Senior Researcher, Doctor of Medical Sciences.

Email: ozabrodin@yandex.ru

* © О. Н. Забродин, 2020.

Abstract

Background: Comparative analysis of L. N. Gumilyov's ideas on passionarity and V. S. Deryabin's doctrine of affectivity, taking into account the influence of both on the thoughts and actions of people and human communities (ethnic groups, according to L. N. Gumilev).

Results: Analysis of various remarks of L. N. Gumilev about passionarity showed that it is based on "passions and motives", i. e. feelings, inclinations and emotions (affectivity, according to V. S. Deryabin). L. N. Gumilyov considers passionarity to be a factor primarily not social, but biological, hereditary, as a character trait of "passionaries". Thus, L. N. Gumilev's teaching has a gap between social and biological, which affectivity as a link between biological and social needs fills in Deryabin's works.

Conclusion: Passionarity, according to L. N. Gumilev, is identical to affectivity, i. e. feelings, inclinations and emotions, in V. S. Deryabin's view. But affectivity, in contrast to passionarity, is the link between biological and social needs.

Keywords: passionarity; affectivity; biological needs; social needs.

В предыдущей статье был проведен анализ психофизиологических воззрений Ф. Ницше в сопоставлении с учением В. С. Дерябина об аффективности [см.: 14]. Сопоставление такого рода воззрений Ф. Ницше с концепцией Л. Н. Гумилёва об этногенезе и пассионарности также позволяет обнаружить определенное сходство. К «философам будущего», «создателям нового», творцам, по Ф. Ницше, уместно отнести Л. Н. Гумилёва, который собрал громадный фактический материал: этнографический, исторический, географический и использовал его в качестве аргументов в защиту своих представлений об этносе и этногенезе. Общим у обоих ученых является то, что в качестве источника активности – у Ф. Ницше – философов, у Л. Н. Гумилёва – пассионариев (людей, обладающих «пассионарностью», о чем – ниже) выдвигается не разум, а подсознание. В основе же подсознания у Ф. Ницше лежит «хотение», а у Л. Н. Гумилёва – биохимические процессы, влияющие на подсознание или сферу эмоций [см.: 3, с. 302]. Таким образом, и в том, и в другом случае речь идет об аффективности (чувствах, влечениях и эмоциях).

Понятие об аффективности было введено Э. Блейлером [см.: 1] и развито В. С. Дерябиным в учение об аффективности [4; 6; 8; 11]. Аффективность, по В. С. Дерябину, включает в себя чувства, влечения и эмоции, которые интегрируют психические и физиологические процессы с целью удовлетворения актуализированной потребности [см.: 11].

«Аффективность активизирует внимание и мышление и стимулирует поведение, а мышление находит сообразно объективной ситуации пути для решения задач, которые ставит перед ним аффективность» [11, с. 211]. При этом аффективность ставит мышлению цель, и мыслительный аппарат приводится ею в действие не только в вопросах практических, но и при абстрактном мышлении.

В. С. Дерябин развивал понятие аффективности как важный компонент

высшей нервной деятельности (ВНД) в статье «Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности» [см.: 6], вопреки общим установкам, когда после так называемой «павловской» сессии 1950 г. ведущую роль в ВНД придавали коре головного мозга и сознанию.

Знакомясь с книгой Л. Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера земли» [см.: 3], я обратил внимание на значительное сходство его представлений о пассионарности со взглядами В. С. Дерябина на аффективность. Поэтому целью данной статьи явилось сопоставление и анализ упомянутой книги Л. Н. Гумилёва (в первую очередь – главы шестой – Пассионарность в этногенезе) [3, с. 258–298] и книги В. С. Дерябина «Чувства, влечения, эмоции» [см.: 7; 11]. При этом задачей нашего исследования явилась *расшифровка терминологии пассионарности в понятиях аффективности*.

Обращение к понятиям «этнос» и «этногенез» происходило постольку, поскольку они были неразрывно связаны с «пассионарностью». Подробный анализ книги Л. Н. Гумилёва, как выразился один историк, занял бы у него полгода.

При обращении к текстам книги Л. Н. Гумилёва перед автором статьи возникала необходимость отметить курсивом отдельные фрагменты текста, авторские же курсивы специально не комментировались.

Понятие «этнос» не было введено Л. Н. Гумилёвым и имеет вполне определенную дефиницию. Согласно Википедии: «Этнос (греч. ἔθνος – народ) – исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, объединённых общими объективными либо субъективными признаками, в которые различные направления этнологии (этнографии) включают происхождение, единый язык, культуру, хозяйство, территорию проживания, самосознание, внешний вид, менталитет и другое».

Этнос, по Л. Н. Гумилёву, – нечто совсем иное: «Ну а если найдется привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги четкое определение понятия “этнос”, то можно сказать так: этнос – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий» [3, с.15–16].

Далее, у него же: этнос – «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким коллективам, исходя из ощущения комплиментарности» [3, с. 500].

«Этногенез – весь процесс от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса исчезновения пассионарности» [3, с. 500].

В разделе «Рамки» первой части книги: «О видимом и невидимом» автор благоразумно ограничивает свои исследования этноса и этногенеза «эпохой в 3 тыс. лет с XII в. до н. э. по XIX в. н. э.» [3, с. 33]. Было бы небезопасно для критики, да и для самого Льва Николаевича, приложить свое понимание этноса к советскому народу или к немецкому, зараженному нацистской идеологией.

При этом могли бы возникнуть нежелательные аналогии, объединенные его понятием «этнос».

Представления Л. Н. Гумилёва о пассионарности занимают центральное (и в прямом, и в переносном смысле) место в его книге. «Пассионарность» – термин, введенный самим Л. Н. Гумилёвым. Он имеет пространную и неоднозначную дефиницию. Английское *passionarity* – искусственное производное от *passion* (страсть) и не имеет перевода на русский язык.

В английском *passion* – страсть, во французском – страсти. Поэтому и пассионарность логично было бы кратко перевести как страстность, что само по себе объясняет с позиций аффективности последующие построения Л. Н. Гумилёва. С этих позиций уместно расшифровать производную от пассионарности терминологию ученого: «пассионарная индукция», «пассионарное напряжение», «пассионарное поле», «пассионарный импульс» и т. д.

Общее представление о пассионарности приходилось складывать из отдельных ее черт, даваемых автором в различных частях текста. В начале изложения это у него «фактор икс», порождающий общность идеалов – «этническую доминанту», «импульс этногенеза».

Психология человеческого сообщества, объединенного общей целью, то есть этноса, автор называет этнопсихологией – «сферой проявления поведенческих импульсов» [3, с. 271]. В данном случае уместно говорить о социальной или групповой психологии, но ученый предпочитает принятую им терминологию. Сам Л. Н. Гумилёв невольно признается, что пассионарность – надуманное понятие и что непосредственно пассионарности как явления никто никогда не увидит.

Пассионарность у Л. Н. Гумилёва имеет неоднозначные толкования. Наряду с ее ролью в активности этноса в историческом процессе, автор говорит о пассионарности как об «эффекте воздействия природы на поведение этнических сообществ» [3, с. 271].

Пассионарность – она же «пассионарная индукция», – сила, приводящая в движение массы людей, точнее – человеческое сообщество, этнос. В разделе «Пассионарная индукция» автор пишет следующее: «Пассионарность обладает важным свойством: она заразительна. Это значит, что люди гармоничные (а в еще большей степени – импульсивные), оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны. Но как только достаточное расстояние отделяет их от пассионариев, они обретают свой природный психоэтнический поведенческий облик.

Это обстоятельство без специального осмысления известно довольно широко и учитывается главным образом в военном деле (в психологии – «эмоциональная индукция» – О. З.). Там либо выбирают пассионариев, узнавая их интуитивно, и формируют из них отборные, ударные части, либо сознательно распыляют их в массе мобилизованных, чтобы поднять “воинский дух”. Во втором случае считается, что два-три пассионария могут повысить боеспособность целой роты. И это действительно так» [3, с. 276]. Тут ученый

выступает против понятия «герой и толпа», считая, что в военных действиях главную роль играют рядовые пассионарии, а не полководцы. Как бы в противовес этому он приводит в пример полководцев – Александра Македонского и Наполеона, оказывавших решающее влияние на ход сражений.

О силе эмоционального воздействия, об эмоциональной индукции, о том, что не разум, а эмоциональная заряженность имеет решающее значение в критические моменты во время военных действий, писал В. С. Дерябин в 1926 г. в статье «Задачи и возможности психотехники в военном деле», опубликованной в 2009 году [см.: 9].

Как бы в подтверждение этого звучат слова Л. Н. Гумилёва: «Самое важное, пожалуй, заключается в том, что в подобных критических случаях воздействовать на сознание, т. е. на рассудок людей, как правило, бесполезно. И никакие доводы не помогают» [3, с. 277].

Таким образом, в большинстве случаев в тексте термин «пассионарность» вполне может быть заменен на «аффективность». Одним из составляющих аффективности являются влечения (мотивации). «Мотивация – побуждения, вызывающие активность организма и определяющие ее направленность» [18, с. 219]. Такое определение еще раз подчеркивает, по сути, идентичность понятий «аффективность» и «пассионарность».

Переходя к более развернутому определению, точнее – описанию черт пассионарности, автор пишет: «...формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов *необоримого внутреннего стремления* (курсив мой – О. З.) к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни... Особи, обладающие этим признаком, при благоприятных для себя условиях совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и иницируют новые этносы» [3, с. 260].

И далее: «Поэтому для целей научного анализа мы предложим новый термин – пассионарность (от лат. *Passio, ionis, f.*) [в переводе на русский – страдание – О. З.], исключив из его содержания животные инстинкты, стимулирующие эгоистическую этику и капризы (т. е. включив положительные социальные чувства – О. З.), являющиеся симптомами разболтанной психики... В дальнейшем мы уточним содержание понятия “пассионарность”, указав на ее физическую основу» [3, с. 261] (следует полагать – психофизиологическую. – О. З.). Подстрочное примечание на этой странице к латинской основе термина пассионарность звучит вполне современно: «Английский эквивалент термина *drive*» (лучше всего подходит русский перевод «драйва»: «управлять», «вести». – О. З.).

Дойдя до сущности своего понимания пассионарности, ученый пишет о том, что это «избыток «биохимической энергии живого вещества» (вот, где крайнее сведение высших форм движения материи к низшим! – О. З.). Одно из нескольких определений пассионарности: «*Пассионарность как характеристика поведения* – эффект избытка биохимической энергии живого

вещества, порождающий жертвенность, часто ради иллюзорной цели» [3, с. 498]. Такое объяснение человеческой активности, стремления к счастью высвобождением энергии не ново. Оно было характерно для философии «энергистов» [см.: 10, с. 152].

В этом сведении пассионарности к самоотвержению, жертвенности, состоит, как представляется, главная особенность пассионарности, по Л. Н. Гумилёву, отличная от других определений активности человеческих сообществ.

Раскрывая смысл пассионарности в начале книги, автор пишет: «Может показаться экстравагантным аспект, в котором одной из движущих сил развития человечества (пассионарность – О. З.) являются *страсти и побуждения* (курсив мой – О. З.), но начало этому типу исследований положили Ч. Дарвин и Ф. Энгельс» [3, с. 35]. Последний писал по этому поводу: «Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью» [21, с. 176]. Таким образом, в этом высказывании Л. Н. Гумилёв не противопоставляет пассионарность историческому материализму, а напротив, стремится дополнить его.

Однако в другом месте автор относит пассионарность к наследственным признакам: «Следовательно, пассионарность – это биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, – это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей» [3, с. 281]. Будто «пассионариями», социально активными, политизированными делает людей именно наследственность, а не невыносимые жизненные условия.

Кроме того, вопреки материалистическому пониманию истории в своей пассионарной теории этногенеза (теория пассионарности и этногенеза) Л. Н. Гумилёв описывает исторический процесс как взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами.

В различных определениях пассионарности Л. Н. Гумилёв выделяет: «страсть», «сильное желание». Однако в последующем изложении страсти и побуждения – эмоции и влечения (аффективность) невольно «маскируются» у него за принятой им терминологией пассионарности, так что первоначальный смысл понятия скрывается от читателя.

Таким образом, если объединить признаки пассионарности, по Л. Н. Гумилёву, то они укладываются в понятие аффективности (чувства, влечения, эмоции), развитое В. С. Дерябиным.

В понятие «пассионарность» Л. Н. Гумилёв также вкладывает «способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что *пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности*» (курсив мой – О. З.) [3, с. 266].

Такое определение пассионарности вполне подходит к стихийности солдатской и крестьянской массы, в годы Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны зачастую примкнувшей к анархизму.

Роль положительных эмоций, лежащих в основе «потребностей роста», в стремлении к изменению окружающей среды, подчеркивал известный исследователь эмоций П. В. Симонов [см.: 19].

Пассионарность как стремление к изменению окружения (природного или социального) в наше время находит отражение в утверждении роли управления в концепции развития [см.: 17].

Понятие пассионарности более полно раскрывается при характеристике ее обладателей – пассионариев: «*Пассионарии* – особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения» [3, с. 498]. *Пассионарный импульс поведения или пассионарный импульс* – поведенческий импульс, направленный против инстинкта личного и видового самосохранения.

Причину пассионарного импульса автор бездоказательно видит не в социальных влияниях, а в воздействии «космической энергии» или «энергии солнца».

При характеристике яркого пассионария – Наполеона автор отмечает, что действительным источником его поступков была неумная жажда деятельности, славы. Для другого пассионария – Александра Македонского – были характерны доведенные до крайности *честолюбие и гордость* (курсив мой – О. З), то есть, как подчеркивает автор, проявления пассионарности. Таким образом, и в первом, и во втором случае – свойство характера, темперамент и социальные чувства – честолюбие, тщеславие, входящие в понятие «аффективность», определяют направленную активность поведения человека.

Каким образом, через какие механизмы пассионарность влияет на этногенез? Аффективность – аналогичная, как мы рассмотрели выше, пассионарности – активизирует мышление и поведение с целью удовлетворения насущной потребности [см.: 7; 11]. В первую очередь речь идет об удовлетворении первичных (врожденных) физиологических потребностей: в пище, жидкости, сне, двигательной и сексуальной активности, также в одежде, жилище, а затем – в удовлетворении различных социальных потребностей. В целом удовлетворение базовых потребностей направлено на поддержание на физиологическом уровне постоянства внутренней среды организма или, другими словами, гомеостаза.

Двигателем пассионариев, по Л. Н. Гумилёву, является «эффект избытка биохимической энергии живого вещества». Эти слова повторяют высказывание В. И. Вернадского о том, что многообразие живого и косного связано биохимической энергией живого существа биосферы [см.: 2]. При этом Л. Н. Гумилёв не вдаётся в подробности биохимических механизмов, ответственных в организме за производство энергии: процесса окислительного фосфорилирования, в котором синтезируются богатые энергией макроэргические соединения: аденозинтрифосфорная кислота – АТФ,

креатинфосфат и др. Он не затрагивает важного вопроса о том, через какие механизмы нервной системы происходит высвобождение и использование в организме энергетических продуктов.

Примеры эмоциональной индукции, эмоциональной заряженности, захватывающих массы наших воинов во время Великой Отечественной войны и создававших у них состояние необыкновенной психической и физической выносливости, В. С. Дерябин дает в статье 1944 года «Эмоции как источник силы» [см.: 5]. Там же он приводит и источник такой индукции. Этим источником, согласно исследованиям школы Л. А. Орбели, является возбуждение симпатической нервной системы (СНС), оказывающей на головной мозг, скелетную мускулатуру и органы чувств адаптационно-трофическое влияние [см.: 16]. В качестве доказательства В. С. Дерябин в указанной статье приводит пример повышения физической работоспособности утомленной скелетной мышцы экспериментального животного (лягушки) после раздражения у нее СНС – так называемый феномен Орбели-Гинецинского [см.: 16].

Механизмы воздействия пассионарности на мысли и поступки отдельных людей и человеческих сообществ – этносов Л. Н. Гумилёв ограничивает упоминанием о физиологии ВНД и избытке биохимической энергии, но каким образом эмоциональная заряженность мобилизует «биохимическую энергию», он не прослеживает.

Между тем установлена связь между сильными эмоциями – аффектами, сопровождающимися активацией симпатико-адреналовой системы – САС [см.: 15; 24], и мобилизацией энергетических ресурсов организма в виде усиления метаболизма макроэргических соединений (АТФ и др.). Показано, что физиологический тонус СНС, компонента САС, поддерживает в организме здоровых испытуемых скорость метаболизма [см.: 25]. Установлена зависимость между указанным тонусом СНС, степенью активности человека и скоростью метаболизма: при старении, сидячем образе жизни и у женщин, т. е. в тех случаях, когда активность СНС снижена, уменьшена и скорость метаболизма [см.: 22; 25].

Кроме того, норадреналин – биохимический посредник в действии СНС на органы и ткани (нейромедиатор СНС), оказывает на них трофическое влияние и способствует росту и размножению клеток путем влияния на синтез дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), рибонуклеиновой кислоты (РНК) и белка [см.: 23]. Таким образом, пассионарность с ее длительностью и эмоциональным напряжением получает свое трофическое (энергетическое и пластическое) обеспечение.

В качестве необходимого условия пассионарной индукции Л. Н. Гумилёв вводит понятие «резонанса пассионарной возбудимости», которое аналогично эмоциональному резонансу.

Понятие пассионарности у автора имеет несколько производных значений: «пассионарная индукция», «пассионарный резонанс», «пассионарное напряжение», «пассионарный толчок», «пассионарное поле». Во всех этих

производных прослеживаются стремление ученого распространить термины физики на область человеческой психологии.

Понятие пассионарности имеет у Л. Н. Гумилёва неоднозначные толкования: в частности, наряду с ее воздействием на активность этноса в историческом процессе, ученый говорит о «явлении пассионарности как эффекте воздействия природы на поведение этнических сообществ» [3, с. 271].

Ярким примером такого понимания является теперешняя эпидемия covid-19, изменившая психологию массы людей под влиянием состояния неопределенности, порождающего страх и панические настроения. В этих условиях, вопреки здравому смыслу, люди «цеплялись за соломинку», за якобы целительные свойства лимона, имбиря и тому подобных средств народной медицины.

На такого рода аберрацию сознания, при которой мышление определяется и зачастую искажается доминирующей эмоцией (в нашем случае – страхом), В. С. Дерябин указывал в монографии «Чувства, влечения, эмоции» в разделе «Влияние эмоций на интеллект» [см.: 11, с. 175–189].

Примеры индуцированного чувства неопределенности и страха на поведение людей в военное и мирное время находим и у Л. Н. Толстого в «Войне и мире». Так, солдатская масса перед Аустерлицким сражением от бодрого, веселого настроения после внезапной остановки на марше перед боем вследствие возникшей неопределенности переходит к растерянности, неуверенности: «По рядам пронеслось неприятное сознание совершающегося беспорядка и бестолковщины. Каким образом передается это сознание, весьма трудно определить; но несомненно то, что оно передается необыкновенно верно и быстро разливается, незаметно и неудержимо, как вода по ложине» [20, с. 366].

В своих исследованиях Л. Н. Гумилёв объединил историю, географию (влияние ландшафта) и этнологию, проявив системный подход. Избыток знаний во многих, порой отдаленных, областях, – например, в социологии и истории, с одной стороны, и физике и математике – с другой, может подвигнуть к созданию авторами различных, порой упрощенных и спекулятивных теорий, концепций, к сведению высших форм движения материи к низшим.

Энциклопедичность знаний, обширная эрудиция, как это ни парадоксально, могут привести к, по крайней мере, двум вариантам восприятия научной информации.

Первый вариант – релятивизм: в происходящем все имеет значение – «с одной стороны, с другой стороны...» Обилие знаний подавляет мышление, в особенности у людей, обладающих малой эмоциональностью, психастеничных, и не дает сделать выбор. В крайней, патологической форме это состояние характеризуется «амбивалентностью» (двойственностью, противоположностью чувств по отношению к одному и тому же объекту), являющейся одним из симптомов шизофрении – заболевания, для которого характерны слабость или отсутствие эмоций («эмоциональная тупость»).

Второй вариант, когда широкая эрудиция ученого, обладающего высокой эмоциональностью, «пассионарностью», по Л. Н. Гумилёву, позволяет ему

выдвигать свои концепции, создавать свою терминологию, приводить порой блестящую, но одностороннюю аргументацию в пользу именно своей точки зрения. При этом ученый остается глубоко убежденным в своей правоте, не замечая, что им может двигать честолюбие или тщеславие [см.: 13]. Заподозрить в таких чувствах Льва Николаевича Гумилёва представляется неуместным.

Возникновение «пассионарной теории этногенеза» Л. Н. Гумилёв относит к зиме 1939 года, когда он ожидал пересмотра своего дела в тюрьме «Кресты». Сам Лев Николаевич вспоминал, что приговор (он ожидал расстрела) его не интересовал, а волновал вопрос, почему Александр Македонский повел свои войска в Среднюю Азию и Индию.

Тогда-то и возникла у него мысль о пассионарности – движущей силе этногенеза. Таким образом, сам Л. Н. Гумилёв является ярким пассионарием, стремящимся своим творчеством изменить представления людей о мире. Вспоминается и другой пассионарий – народоволец Н. И. Кибальчич, который, находясь в тюрьме, оставался ученым и продолжал вплоть до казни работать над проектом создания реактивного ракетного двигателя.

Пассионарная теория этногенеза встретила всеобщую критику. Многие считали, что работы Л. Н. Гумилёва являлись альтернативой и вызовом официальным дисциплинам – марксистско-ленинской социологии («историческому материализму»), историографии и этнографии. Были обвинения и в биологизации истории. Формально автор признает исторический материализм, влияние социально-экономической формации, характера производственных отношений на сознание и поведение людей, ссылается на произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. При изложении же своей пассионарной теории этногенеза он подчеркивает независимость этногенеза от социально-экономических формаций.

Пассионарную теорию этногенеза можно рассматривать как своеобразный протест ученого против сухого экономического детерминизма марксистского понимания истории, в котором человеческим чувствам и эмоциям отводилась второстепенная роль.

В жизни советского человека нашими идеологами ведущая роль придавалась сознанию, сознательности и мышлению, в ущерб чувствам, влечениям и эмоциям (аффективности), относившимся к подсознанию, учение о котором было создано З. Фрейдом. «Фрейдизм» критиковался у нас как реакционное направление в буржуазной философии.

Поэтому место аффективности (пассионарности, по Л. Н. Гумилёву) в социальной психологии долгое время оказывалось не установленным. Пробел в этом отношении был заполнен В. С. Дерябиным в монографии «Чувства, влечения, эмоции» в разделе «Классовая психология». Именно этот раздел вызвал наибольшие возражения рецензентов при обсуждении вопроса о публикации монографии как не соответствующий теме книги и относящийся к компетенции идеологов. По-видимому, с этим, в частности, был связан отказ от публикации монографии в 30-х-40-х гг. прошлого столетия. Книга эта увидела свет после смерти автора только в 1974 г. [см.: 7].

В начале 50-х гг. того же века В. С. Дерябиным была написана статья «О потребностях и классовой психологии», включившая раздел «Классовая психология» монографии. Статья была опубликована только в 2013 г. [см.: 12]. Взаимосвязь между потребностями, аффективностью, мыслями людей и усвоением ими определенной идеологии представлена автором в виде обобщающей схемы в указанной статье и в монографии «Чувства, влечения, эмоции» [см.: 11, 12].

«Итак, схема возникновения и развития социальной психологии такова. Производственные отношения действуют на психику человека, вызывая в первую очередь развитие классовых чувств как закономерных субъективных реакций на объективные воздействия, связанные с местом данного лица в производственных отношениях. На основе этих чувств строится соответствующая идеология. При этом истинная сила, движущая человека к выработке определенной идеологии или ее усвоению, остается вне сознания лица, воспринимающего ту или иную идеологию. Эта движущая сила, определяющая направление мышления, кроется в потребностях и связанных с ними эмоциональных реакциях, которые неизбежно возникают в связи с производственными отношениями. Условия материального существования пускают в ход аффективность, которая является мотором, двигающим развитие классовой психологии и идеологии людей, принадлежащих к разным социальным группам. Взаимосвязь и обусловленность психических процессов, ведущих к образованию социальной психологии, можно схематически сформулировать так (рисунок 1).

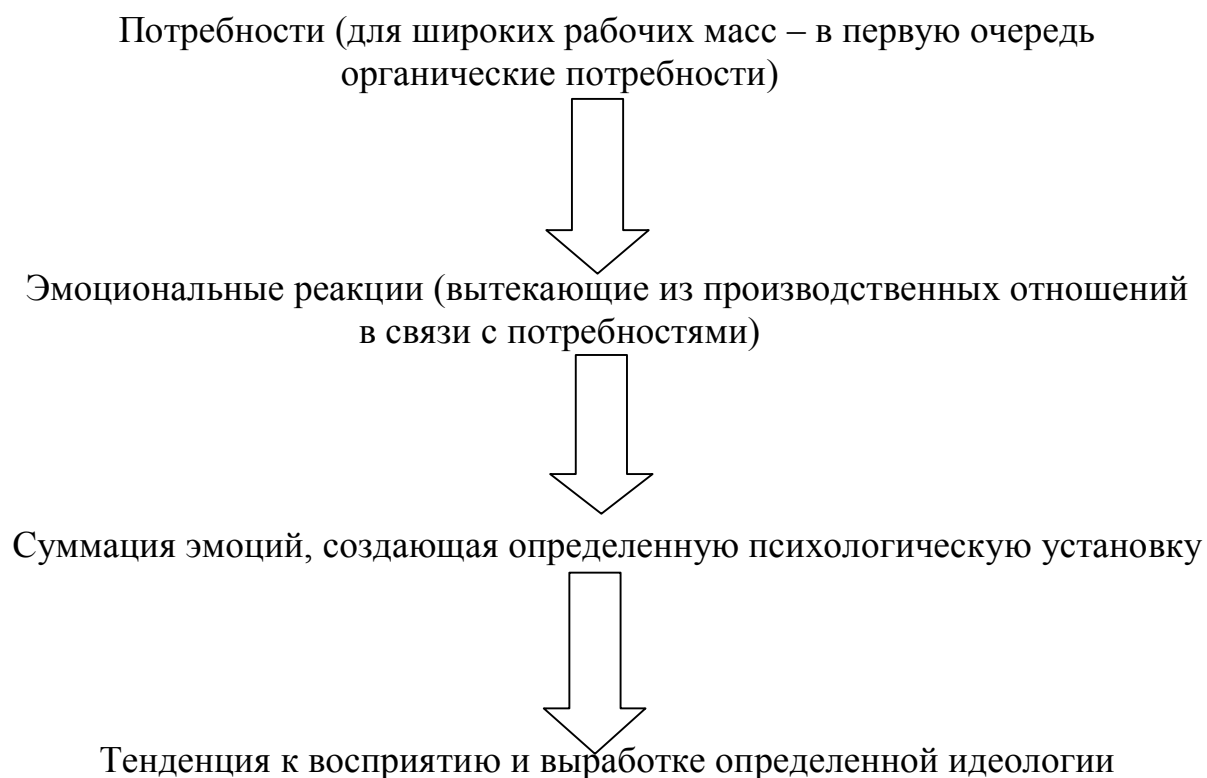

Рисунок 1 – Образование социальной психологии

«Аффективность (пассионарность, по Л. Н. Гумилёву. – О. З.) является тем промежуточным звеном, через которое осуществляется воздействие “социального бытия” на мышление и поведение людей. Условия для этого имеются в структуре человеческой психики» [11, с. 208].

Список литературы

1. Блейлер Э. Аффективность, внушаемость и паранойя. – Одесса: Полиграф, 1929. – 140 с.
2. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1965. – 374 с.
3. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.
4. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений // Иркутский медицинский журнал. – 1927. – Т. 5. – № 6. – С. 5–14.
5. Дерябин В. С. Эмоции как источник силы // Наука и жизнь. – 1944. – № 10. – С. 21–25.
6. Дерябин В. С. Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1951. – Т. 1, В. 6. – С. 889–901.
7. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции. – Л.: Наука, 1974. – 258 с.
8. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений (публичная вступительная лекция) // Психофармакология и биологическая наркология. – 2006. – Т. 6, В. 3. – С. 1315–1321.
9. Дерябин В. С. Задачи и возможности психотехники в военном деле // Психофармакология и биологическая наркология. – 2009. – Т. 9, В. 3–4. – С. 2598–2604.
10. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность (психологические очерки «О сознании», «О Я», «О счастье»). – М.: ЛКИ, 2010. – 202 с.
11. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции: о психологии, психопатологии и физиологии эмоций. – М.: ЛКИ, 2013. – 224 с.
12. Дерябин В. С. О потребностях и классовой психологии (Публикация О. Н. Забродина) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1. – С. 109–136. URL: <http://fikio.ru/?p=313> (дата обращения 01.08.2020).
13. Забродин О. Н. Факторы, влияющие на обсуждение научных данных // Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. – 2013. – Т. 19, № 4. – С. 26–31.
14. Забродин О. Н. Психофизиологические воззрения Ф. Ницше в аспекте учения В. С. Дерябина об аффективности. По страницам книг «Так говорил Заратустра» и «По ту сторону добра и зла» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2020. – № 2. – С. 121–145. URL: <http://fikio.ru/?p=3998> (дата обращения 01.08.2020).
15. Кеннон В. Физиология эмоций. – М.–Л.: Прибой, 1927. – 173 с.

16. Орбели Л. А. О некоторых достижениях советской физиологии // Избранные труды. Т. 2. – М.–Л.: АН СССР, 1962. – С. 587–606.
17. Орлов С. В. Самодвижение, управление и концепция диалектики в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2020. – № 2. – С. 27–46. URL: <http://fikio.ru/?p=4035> (дата обращения 01.08.2020).
18. Психология. Словарь / Под. общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
19. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
20. Толстой Л. Н. Война и мир // Собрание сочинений в 20 т. Т. 4. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 403 с.
21. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. / Сочинения. Т. 21. – М.: Политиздат, 1961. – С. 23–178.
22. Bell C., Seals D. S., Monroe M. B., Day D. S., Shapiro L. F., Johnson D. G., Jones P. P. Tonic Sympathetic Support of Metabolic Rate Is Attenuated with Age, Sedentary Lifestyle and Female Sex in Healthy Adults // The Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism. – 2001. – Vol. 86. – № 9. – Pp. 4440–4444. DOI: 10.1210/jcem.86.9.7855.
23. Bevan R. D. Influence of Adrenergic Innervation on Vascular Growth and Mature Characteristics // American Review of Respiratory Infections. – 1989. – Vol. 140. – Pp. 1478–1482. DOI: 10.1164/ajrccm/140.5.1478.
24. Cannon W. B. The Wisdom of the Body. – New York: W.W. Norton & Company, 1939. – 333 p.
25. Monroe M. B., Seals D. R., Shapiro L. F., Bell C., Johnson D., Parker Jones P. Direct Evidence for Tonic Sympathetic Support of Resting Metabolic Rate in Healthy Adult Humans // American Journal of Physiology-Endocrinology and Metabolism. – 2001. – Vol. 280. – № 5. – Pp. 740–744. DOI: 10.1152/ajpendo.2001.280.5.E740

References

1. Bleuler E. Affectivity, Suggestibility and Paranoia [*Affektivnost, vnushaemost i paranoyya*]. Odessa: Poligraf, 1929, 140 p.
2. Vernadsky V. I. The Chemical Structure of the Earth's Biosphere and Its Surroundings [*Himicheskoe stroenie biosfery zemli i ee okruzheniya*]. Moscow: Nauka, 1965, 374 p.
3. Gumilyov L. N. Ethnogenesis and the Biosphere of Earth. [*Etnogenez i biosfera Zemli*]. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1990, 526 p.
4. Deryabin V. S. About Regularity of the Mental Phenomena [O zakonornosti psikhicheskikh yavleniy]. *Irkutskiy Medicinskiy Zhurnal* (Irkutsk Medical Journal), 1927, vol. 5, no. 6, pp. 5–14.
5. Deryabin V. S. Emotions as a Source of Power [Emotsii kak istochnik sily]. *Nauka i zhizn* (Science and Life), 1944, no. 10, pp. 21–25.
6. Deryabin V. S. Affectivity and Regularities of Higher Nervous Activity [Affektivnost i zakonornosti vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Zhurnal vysshey*

nervnoy deyatel'nosti imeni I. P. Pavlova (I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity), 1951, vol. 1, no. 6, pp. 889–901.

7. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations Emotions [Chuvstva, vlecheniya, emotsii]. Leningrad: Nauka, 1974, 258 p.

8. Deryabin V. S. About the Regularity of the Mental Phenomena (Public Introductory Lecture) [O zakonomernosti psikhicheskikh yavleniy (publichnaya vstupitel'naya lektsiya)]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, vol. 6, no. 3, pp. 1315–1321.

9. Deryabin V. S. Problems and Opportunities of Psychotechnique in Military Affairs [Zadachi i vozmozhnosti psikhotekhniki v voennom dele]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2009, vol. 9, no. 3–4, pp. 2598–2604.

10. Deryabin V. S. Psychology of the Personality and Higher Nervous Activity (Psychophysiological Essays “About Consciousness”, “About I”, “About Happiness”) [Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatel'nost (psikhologicheskie ocherki “O soznanii”, “O Ya”, “O schaste”)]. Moscow: LKI, 2010, 202 p.

11. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations and Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psichologii, psichopatologii i fiziologii emotsiy]. Moscow: LKI, 2013, 224 p.

12. Deryabin V. S. About Needs and Class Psychology (O. N. Zabrodin's Publication) [O potrebnostyakh i klassovoy psikhologii (Publikatsiya O. N. Zabrodina)]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, no. 1, pp. 99–137. Available at: <http://fikio.ru/?p=313> (accessed 01 August 2020).

13. Zabrodin O. N. Factors Influencing the Discussion of Scientific Data [Faktery, vliyayushchie na obsuzhdenie nauchnykh dannykh]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae* (Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae), 2009, vol. 19, no. 4, pp. 26–31.

14. Zabrodin O. N. Psychophysiological Views of F. Nietzsche in the Aspect of V. S. Deryabin's Teaching on Affectiveness. Paging Through the Books “Thus Spoke Zarathustra” and “Beyond Good and Evil” [Psihofiziologicheskie vozzreniya F. Nieshe v aspekte ucheniya V. S. Deryabina ob affektivnosti. Po stranicam knig “Tak govoril Zaratustra” i “Po tu storonu dobra i zla”]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2020, no. 2, pp. 121–145. Available at: <http://fikio.ru/?p=3998> (accessed 01 August 2020).

15. Cannon V. Physiology of Emotions [Fiziologiya emociy]. Moscow – Leningrad: Priboy, 1927, 173 p.

16. Orbeli L. A. About Some Achievements of the Soviet Physiology [O nekotorykh dostizheniyah sovetskoy fiziologii]. *Izbrannye trudy. T. 2* (Selected Works. Vol. 2). Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1962, pp. 587–606.

17. Orlov S. V. Self-Movement, Management and the Concept of Dialectics in the Information Society [Samodvizhenie, upravlenie i koncepciya dialektiki v informacionnom obschestve]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom*

obschestve (Philosophy and Humanities in Information Society), 2020, no. 2, pp. 27–46. Available at: <http://fikio.ru/?p=4035> (accessed 01 August 2020).

18. Petrovskiy A. V., Yaroshevskiy M. G. (Eds.) Psychology. Dictionary [*Psikhologiya. Slovar*]. Moscow: Politizdat, 1990, 494 p.

19. Simonov P. V. Emotional Brain [*Emotsionalnyy mozg*]. Moscow: Nauka, 1981, 215 p.

20. Tolstoy L. N. War and Peace [*Voyna i mir*]. *Sobranie sochineniy v 20 t. T. 4* (Collected Works in 20 vol. Vol. 4). Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury, 1961, 403 p.

21. Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State [*Proiskhozhdenie semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva*]. Marks K., Engels F. *Sochineniya. T. 21* (Marx K., Engels F. Works. Vol. 21). Moscow: Politizdat, 1961, pp. 23–178.

22. Bell C., Seals D. S., Monroe M. B., Day D. S., Shapiro L. F., Johnson D. G., Jones P. P. Tonic Sympathetic Support of Metabolic Rate Is Attenuated with Age, Sedentary Lifestyle and Female Sex in Healthy Adults. *The Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism*, 2001, vol. 86, no. 9, pp. 4440–4444. DOI: 10.1210/jcem.86.9.7855.

23. Bevan R. D. Influence of Adrenergic Innervation on Vascular Growth and Mature Characteristics. *American Review of Respiratory Infections*, 1989, vol. 140, pp. 1478–1482. DOI: 10.1164/ajrccm/140.5.1478.

24. Cannon W. B. *The Wisdom of the Body*. New York: W.W. Norton & Company, 1939, 333 p.

25. Monroe M. B., Seals D. R., Shapiro L. F., Bell C., Johnson D., Parker Jones P. Direct Evidence for Tonic Sympathetic Support of Resting Metabolic Rate in Healthy Adult Humans. *American Journal of Physiology-Endocrinology and Metabolism*, 2001, vol. 280, no. 5, pp. 740–744. DOI: 10.1152/ajpendo.2001.280.5.E740.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Шаблон для оформления статьи можно скачать по ссылке: [шаблон](#). Более подробная информация о требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. Редакция журнала не принимает статьи, опубликованные ранее или находящиеся на рассмотрении в других журналах, а публикуемая статья должна обладать научной новизной и актуальностью. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Редакторы имеют право вносить в статьи исправления, не меняющие их смысл.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf

- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет
- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,25 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации (не аббревиатура), место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание, город, страна. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – коды автора (при наличии): SPIN, ResearcherID, ORCID, ScopusID. Далее приводятся авторское резюме (обычно 100-250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Данная информация, кроме УДК и кодов автора, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 и ГОСТ 7.32–2017. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.», «,» и «:». Знаки «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной

Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации рекомендуем воспользоваться сайтом <https://translit.ru>: в поле «мой транслит» в окошке в верхнем правом углу ввести номер настроек 45848 и нажать кнопку «Войти» (при переходе по приведённой гиперссылке данные настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow: Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm: Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [*Monadologiya*]. *Sochineniya. Tom 1* (Works. Vol. 1). Moscow: Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [*K kritike politicheskoy ekonomii*]. *Sochineniya. T. 13* (Works. Vol. 13). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [*Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatelnosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatelnosti (povedeniya) zhivotnykh*]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. III. Kn. 2* (Complete Works. Vol. III. Book 2). Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [*Printsip dominanty*]. *Sobranie sochineniy. T. 1* (Collected Works. Vol. 1). Leningrad: LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, no. 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб.: СПбГУ. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg: SpbGU, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – URL: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. URL: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [*Транслитерированное название статьи курсивом*]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, vol. 41, pp. 309–329. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без дополнительных скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, pp. 102–254.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [*Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns*]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в

заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки

зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме также необходимо указать дополнительный способ связи с автором (например, телефон).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovip@aanet.ru
SPIN: 0000-1111,
ORCID: 0000-1111-2222-3333.

Иванов Пётр Иванович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, аспирант, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovpi@aanet.ru

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов (см. п. 7).

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, PhD (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovip@aanet.ru

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student, Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovpi@aanet.ru

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

Email: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2020.